

№1 (47) 2026

ТОБОЛ

ЛИТЕРАТУРНО-
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ

Курган
2026

Литературно-
публицистический
журнал

ТОБОЛ

г. Курган, 2026 г., стр. 220.

Учредитель:

Государственное автономное
учреждение
«Издательский Дом «Новый мир».

Главный редактор:

Бабушкина Ольга Юрьевна.

Редакционная коллегия:

Васильева Александра Михайловна,
Даниил, митрополит Курганский
и Белозерский,
Жукова Ирина Максимовна,
Захаров Алексей Анатольевич,
Катайцева Наталья Александровна,
Кокорин Сергей Аркадьевич,
Кулакова Светлана Ивановна,
Портнягин Валерий Иванович,
Потанин Виктор Федорович,
Речкалова Наталья Викторовна,
Рухлов Александр Владимирович,
Травников Герман Алексеевич,
Филимонов Владимир Иванович.

Дизайн обложки:

Журавлева Ольга Владимировна.

Компьютерная верстка:

Костенко Ольга Николаевна,
Журавлева Ольга Владимировна.

Корректор:

Ермакова Людмила Дмитриевна.

Фотографии:

редакционный и писательский архивы,
а также авторов материалов.

На обложке:
картина Коросовой Юлии
«Хлеб – всему голова».

Набор и верстка:
редакция газеты «Новый мир».

© «Новый мир»

Журнал издан при содействии
правительства Курганской области.
Издатель: ГАУ «Издательский Дом
«Новый мир».

Адрес редакции и издателя: 640000,
г. Курган, ул. М. Горького, 84.

Журнал зарегистрирован Управлением
Федеральной службы по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций по Курганской
области. Регистрационный номер
ПИ № ТУ45-00203 от 3 декабря 2013 года.
В запись о регистрации СМИ внесены
изменения Управлением Федеральной
службы по надзору в сфере связи,
информационных технологий и
массовых коммуникаций по Курганской
области в связи с изменением вида
издания – регистрационный номер ПИ
№ ТУ45-00321 от 15 мая 2024 года –
периодическое печатное издание, журнал.

Распространяется по адресной
рассылке и в розничной продаже. Цена
договорная.

Подписано в печать:

Дата выхода:

Отпечатано в ООО «Курганская
городская типография».
640002, г. Курган, ул. Куйбышева, 87.
Тел. 8(3522) 46-26-52.

Формат 170х270.

Бумага офсетная. Печать офсетная.

Заказ №

Усл. печ. л. 21,5.

Тираж 250 экз.

Выходит два раза в год.

16+

ISBN 978-5-906602-30-5

9 785906 602305

СЛОВО ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

В Курганской области вот уже 35 лет существует региональная общественная организация инвалидов «Союз «Чернобыль», которая активно поддерживает земляков–участников ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Интервью с создателем организации и ее бессменным руководителем Сергеем Ивановичем Мишкаревым в год 40-летия катастрофы подготовила **Елена Казымова**.

Свежий номер «Тобола» пропитан ароматами душистого хлеба (репортаж искусствоведа **Ольги Луцко** с III Международного фестиваля акварельного творчества «Аквафест: хлебная история»; рассказы **Александра Ралота**), отчего дома (рассказы **Владимира Филимонова**, **Татьяны Коростелевой** и **Георгия Ефимова**) и терпкого многоголосья луговых трав родной земли, воспетого в поэтических образах **Анатолия Агюганова**, **Алексея Шихалева**, **Кристины Денисенко**, **Анатолия Арестова**, **Маргариты Графовой** и **Сергея Перунова**.

21 апреля отметил 80-летний юбилей журналист, писатель, идейный вдохновитель, а впоследствии и редактор газеты «Курган и курганцы» и редактор «Тобола» (2007–2011) **Валерий Портнягин**. Став, по сути, легендой для молодого поколения курганских журналистов, он и сегодня продолжает активную литературную деятельность. Читайте его эссе, посвященное первому изданию романа Бориса Пастернака «Доктор Живаго» в Италии. Статью о самом Валерии Ивановиче написал его друг, журналист **Юрий Побригун**.

В апреле родился еще один юбиляр – писатель с мировым именем **Виктор Лихонос** (1936–2021), который навсегда породнился с нашим краем благодаря дружбе с **Виктором Потаниным**. В этом номере опубликованы их проникновенные рассказы, где текст литературного произведения тесно переплетается с «текстом жизни» писателей.

Краеведческая рубрика рассказывает о художнике Валериане Илюшине («Судьбы сплетенье», **Светлана Кулакова**), о творческом взаимовлиянии наших талантливых земляков – Валентины Евлентьевой, Людмилы Тумановой и Леонида Блюмкина («Вдохновленные памятью», **Олег Ясн**) и сельских библиотекарях–участниках Великой Отечественной войны («Избачи и воины», **Николай Толстых**). Настоящее исследование о культуре казачества представила в своей статье кандидат филологических наук **Нина Украинцева**.

Новый номер журнала напоминает шкатулку с двойным дном: авторы словно ведут незримый диалог друг с другом и с читателем, создавая внутренний сюжет и цельность повествования. При этом каждый автор, как откровение, наполнен своим лексическим звучанием и уникальным смыслом. Чего только стоят стихи **Виктора Хатеновского**, **Анастасии Меньшиковой**, **Юрия Вальтера**, **Сергея Шилкина**, **Ларисы Кречетовой**; прозаические произведения **Сергея Олькова**, **Марьям Исаковой**, **Сергея Кокорина**, **Екатерины Грушихиной**, **Сергея Леончука**; литературоведческие статьи **Дмитрия Аникина** и **Надежды Ефремовой**, мемуары **Геннадия Литвинцева** и **Владимира Аги...**

Довольно часто на вопрос «Вы читали новый выпуск журнала?» слышу: «Пока наискосок». Ну и замечательно, начинайте читать и этот номер наискосок, а там посмотрим, куда унесет литературная река «Тобол».

**Анатолий Леонидович
АТЮГАНОВ**

Родился 5 июля 1940 г. в с. Пресногорьковка Кустанайской области. Член Союза журналистов СССР и России. Проживает в Ставропольском крае.

В «Тоболе» публикуется впервые.

В ДОРОГЕ

Машина шла у самой бровки,
А за окном всюю мело.
Ждала меня Пресногорьковка –
Казачье отроду село.
Асфальтом, вдоль электролиний
Туда, где северо-восток,
Мы степью ехали целинной
Вдали от всех больших дорог.
– Чай, в отпуск, али местный житель? –
Спросил водитель у меня.
– Здесь детства милого обитель,
Живет здесь вся моя родня.
Давно уж я не деревенский,
Иной уклад, домашний быт.
Но по делам, по жизни сельской
Душа по-прежнему болит.
Готов я вырваться из плена
Кварталов шумных городских,
Чтоб вспомнить вновь, чем пахнет сено,
Увидеть хлебные ростки.
Вновь услышать, как на рассвете
Взахлеб горланят петухи,
Вдохнуть всей грудью свежий ветер
С медовым запахом ольхи.
Чтоб вновь испытать из старой кринки
Стакан парного молока
Да посидеть на вечеринке
Слегка хмельным от табака.
Всех обойти родных и близких,
Усопших – чинно помянуть,
Цветы к подножьюobelиска.
На церковь древнюю взглянуть...
Водитель был немногословен,
Лишь на прощанье, у села:
– Да я, брат, сам с большой любовью
К местам, где молодость прошла.

УТРО ЦЕЛИНЫ

Степь вокруг качнулась в легкой дымке,
Но уже торопится рассвет.
В небе жаворонок-невидимка
Шлет земле торжественный привет.
Ветер, подремав, подул широко
И утих безропотно в траве.
Журавли, проплыв над хлебным током,
Растворились где-то в синеве.
То застонут чайки на озёрах,
То прибрежный зашумит камыш.
Но победно песня комбайнера
Ворвалась в обманчивую тишь.
Где-то тарахтит за лесом трактор.
С тоннами отборного зерна
Без конца машины мчат по тракту –
Так встречает утро целина.

Снова над моей деревней выюги
Водят неумолчный хоровод.
Снова по родной моей округе
Белая метелица метёт.
Все дороги занесла седая,
На одной лишь выбилась из сил,
На которой я всегда встречаю
Ту, что на всю жизнь я полюбил.

ПЕСНЯ О ТОБОЛЕ

Тобол, Тобол, река степная,
Приток седого Иртыша,
Красу земную отражая,
Несешь ты воды не спеша.
Ты не велик, но путь твой долгий
Лежит сквозь годы и века.
Хранят следы событий многих
Твои крутые берега.
Тобол, Тобол, тебе обязан
Своим рождением город мой.
К нему всем сердцем я привязан,
А значит, сердцем я с тобой.
Вокруг поля, поля без края,
Необозримые хлеба,
Земли целинной кладовая.

Моя любовь здесь и судьба.
Тобол, Тобол, степные зори
Тебя ласкают по утрам.
И льются песни на просторе,
Открытом солнцу и ветрам.
Живи, Тобол, река степная,
Спешу в объятья Иртышу.
Под синевой родного края
Твоим я воздухом дышу.

ИГРАЙ, ГАРМОНЬ!

Гармонь, гармонь, ты в русских сёлах
Звучала часто для души.
На свадьбах, вечерах весёлых:
“А ну, Семёновна, спляши!”
Зимой ли вьюжной, в день весенний,
Когда дурманил яблонь цвет,
С тобой гулял Сергей Есенин –
Российский озорной поэт...
Знакомый мой (ничуть не лгу я),
Пройдя с боями всю войну,
Гармонь – подругу фронтовую –
Лелеял пуще, чем жену.
Я в детстве, замирая, слушал
На хромке той его концерт.
Казалось, что на свете лучше
Гармошки инструмента нет.
Гармонь. Все в этом слове наше –
Родное, русское, своё.
С ней жизнь была светлей и краше
В то незавидное житьё.
Гармонь и в праздники, и в будни
Для всех отрадою была.
Подаст лишь только голос чудный –
Сбежалось сразу полсела...
Года летели, мчались даты,
Рок-группы вырвались в эфир.
Гармонь, гармонь, куда ушла ты,
Ужель в потусторонний мир?...
И как-то стало одиноко.
Что без гармошки за любовь!
Как вдруг Геннадий Заволокин
Тебя воспел частушкой вновь.
Играй, гармонь, звени, родная!
Иди в народ. И к чёрту грусть.

Танцуй и пой, не умолкая.
С тобой была и будет Русь!

ЗИМА

Обещала быть нежной,
Без колючих морозов,
Свой характер мятежный
Исключить из прогнозов.
Выводила на окнах
Тонкой вязью узоры,
Ветры прятала в копнах
За грядой косогоров.
В меру сыпала снегом
На поля и долины,
Словно россыпью с неба
Падал пух лебединый.
Но однажды с рассветом
Буйность всю проявила —
Понагрянула с ветром,
Навалилась всей силой.
Засвистела, завывала
Круговерть-кутерьма.
То-то невидаль была, —
Ведь на то и зима.
И ни с чем не сравнима
В эту пору она.
Будет щедрою нива,
Будет с хлебом страна.

ПОЭЗИЯ

**Алексей Павлович
ШИХАЛЁВ**

Родился 29 мая 1980 г. в деревне Красный Ключ Малмыжского района Кировской области. Образование высшее. Инженер. Публиковался в региональных и столичных литературных изданиях России, а также Финляндии, Эстонии, Латвии и Казахстана. Проживает в Ижевске.

В «Тоболе» публикуется впервые.

ВОСКРЕС!

Скрипели в избах половицы.
Гнал ветродуй весенний треск.
Кричал парнишка круглолицый:
Воскрес!
Воистину Воскрес!

Воскрес! Кричал не умолкая.
Вознесся в Царствие с Отцом!
И радость найденного рая
В душе звенела бубенцом.

Меж изб, завалинок и печек,
По деревянным мостовым
Бежал счастливый человечек,
И Бог бежал под руку с ним.

Бегу и я.
Веселый,
Странный.
Смеются радостью уста.
Спит город мой обетованный
В ночь Воскресения Христа.

ДЕД

Небо.
Разлитая полночь
Тучей скрывает рассвет.
Дед мой, Григорий Егорыч,
Тридцать с копейками лет.

День над излучиной длинный.
Ночь.
Середина реки.
Дед мой в степях Украины
Пишет войны дневники.

Как мне хотелось с тобою
Рядом,
Подставив плечо,

Спать после трудного боя.
Но я
Не родился ещё.

Слышу лишь гул долголеть,
Кровь раздается внутри.
Чувствую твой сорок третий
Сердцем.
И мне сорок три.

Небо.
Разлитая полночь
Тучей скрывает рассвет.
Осень.
Вернулся Егорыч.
Больше вернувшихся нет.

ИНДУСТРИАЛЬНЫЙ СОН

Лети, мятежная душа,
Иди дорогами прямыми,
В небесный плац вбивая шаг
Над заводскими проходными.

Над миром, где людской ручей
Спешит домой со смены поздней.
И в горнах доменных печей
Уснули утренние звёзды.

Притихли шестерни в пазах,
Забег окончили турбины.
Машины спят и видят сны.
Прекрасен тихий сон машинный.

А я на ветреном крыле
Лечу
И думаю о вечном,
Что быть машиной на земле
Добрее,
Даже человечней.

Вращает втулки маховик,
Движение – радости природа.
Не для наград,
Не для интриг,
А для развития завода.

МОЛИТВА

Там в тишине, у детской колыбели,
Чуть нараспев и слышимы едва,
Кружась в прозрачном воздухе, летели
Лишь к Богу обращённые слова.

В ответ с небес мелодия звучала.
И падал снег
Всё чаще, всё сильнее.
Природа спит, укрывшись покрывалом
Из кротких слов молитвы матерей.

НЕ СУДЬБА!

Несли людей автомобили.
Звенел квартирный ключ в руке.
Мы разговоры говорили
На непонятном языке.

Стучались буквы в перепонки,
Летели в уши напрямик.
Бежал трамвай по рельсам звонким,
Но непонятным был язык.

Ты говорила об искусстве.
Я о машинах говорил,
О том, что радостные чувства
Рождает сто тридцатый ЗиЛ.

Что у него стальная шея
И симпатичные бока,
А что из этого милее,
То я не выяснил пока.

Ты говорила про пАстели.
Я про цилиндры отвечал.
Вещал о том, какие трели
Поет осям карданный вал.

Свистел о том, какие шпонки
Вставляют нынче в воздухан.
Бежал трамвай по рельсам звонким,
И ты уехала в туман.

ПОЭЗИЯ

СКАЖИ, ВОДА

[illegible]

Кристина Викторовна
ДЕНИСЕНКО

Родилась в 1983 г. в Донецкой области УССР. Печаталась в литературно-художественных журналах: «Бельские просторы», «Берега», «День и ночь», «Дон», «Краснодар литературный», «Молодая гвардия», «Нижний Новгород», «Новая Немига литературная», «Образ», «Приокские зори», «Родная Кубань», «Ротонда», «Северо-Муйские огни», «Тверской литературный альманах», «Четверговая соль», «Тобол». Автор десяти книг. Победитель Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы» (2024). Победитель XVIII Всероссийского конкурса патриотической поэзии имени А. Т. Твардовского (2024). Победитель Всероссийского творческого конкурса имени Мэри Рид (2024). Победитель XI фестиваля-конкурса поэзии «Муза Новороссии» (2024). Лауреат литературной премии имени «Молодой гвардии» (2025). Гран-при V ежегодной Международной литературной премии «Человек слова» (2025). Гран-при литературной премии «Литературный код» (2025).

Живет в городе Юнокоммунаровске
(ДНР, Россия).

БЛАГОВЕСТНИЦА

Я – сон. Я – состояние покоя у воды,
Когда луной разлитый свет не знает края тайны.
Я – тонкое касание натянутой струны
И робкий звук податливой твоей молитве арфы.
Мой замок из небесных облаков – посконный холст,
А крылья – два мазка широкой кистью по лопаткам.
Я – благовестница. Я – музыкальный рокот волн
На зимнем берегу в алмазных снежных пятнах.
В меня не верят. Или верят, будто в чудеса.
А я играю в звёздной башне то метель, то вьюгу.
И снег в далёких городах ложится на дома,
Невидимый мороз идёт по замкнутому кругу,
Идут часы, за ночью ночь, Сочельник, Рождество,
Идут апостолы занять врата иконостасов,
А я серебряной мелодией в твоё окно
Не смею, словно снегом, еле слышно постучаться.
Этюды распадаются на отголоски дней –
Такой меланхолический ангел стал твоей защитой.
Не думай ни о чём плохом и чистым сердцем верь,
Хорошее в твоей судьбе вот-вот должно случиться.

СТИХИ ИЗ ПРУТИКОВ ЗЕРНА

Крылатой ипостасью бога пламени явись
В сырую осень, где мифичность не находит места,
Без колдовского грома и без молнии явись
Наполнить тишину волнительной, как море, песней.
И станет серость тротуаров золотым песком,
Утёсом – дом на берегу в платанах, а не в клёнах,
И лопнет одолень-травы оранжевый бутон
В саду, где пьют хрустальную росу хамелеоны.
Ты только появись, и оживут слова любви,
И корни молодых яблонь свяжут грусть и ливни.
Перун повелевал грозой, а грёзами – лишь ты,
Мифическая дева с пламенем зари на крыльях.
Со дня последней встречи миновало столько зим,
Но я твоё перо храню в шкатулке с жемчугами
И слышу, как поёшь, едва соприкасаясь с ним,
Когда тепла и света в межсезонье не хватает.
Явись, мой ангел, сквозь туманные заслоны дня,
Сквозь молоко, разлитое луной по всей округе.
Я для тебя сплела стихи из прутьев зерна
И разложила дольки яблока на прежнем блюде.

СЛАВЯНСКИЙ ОБЕРЕГ

Нет в мире ничего сильнее одолень-травы, —
Славянская проматерь явно знала толк в защите,
И розовые лотосы в узорах круговых
На византийском шелке вышивала тонкой нитью.
И на растущий каравай луны плела венки,
И опускались ангелы по зову сердца к дому,
Где тлел на старорусском алтаре живой огонь
И становилось сильным неуверенное слово.
Тонули в синем небе отголоски жгучих фраз,
Когда и стар и млад водил не колывод, так пляски,
И горе обходило стороной, и жизнь неслась
Потоком бездны, а быть может, просто женским счастьем...
Я тоже вышью для тебя славянский оберег.
В нём будет круг сакральных лепестков и тайны неба,
И ангелы, как на ладонях невесомый снег,
И одолень, похожая на старые деревья.
И может быть, тогда ты разглядишь в себе черты
Наследницы славянского фольклора и традиций...
И там, где человеку будет не дано пройти,
Перелетишь напуганной размахом крыльев птицей.

ПОЭЗИЯ

**Анастасия Юрьевна
МЕНЬЩИКОВА**

Родилась 16 августа 1986 г. в г. Кургане, где и проживает в настоящее время. Окончила факультет Курганского технологического колледжа «Право и организация социального обеспечения» по специальности «юрист». Работает в сфере управления персоналом (кадровое делопроизводство, набор персонала). Стихи пишет с 12 лет. Первая публикация вышла в журнале «Огни Зауралья» (2024).

В «Тоболе» публикуется впервые.

ЛЮБОВЬ

Хотите, расскажу вам о любви?
Но не о той, где постоянно катастрофы.
Не от которой то огонь, то лед внутри,
На смену старым создаются новые голгофы.

И не о той, где слезы – водопад,
Терзают душу и сомнения, и страхи.
Где криво все и как-то невраппад,
А голова периодически лежит на плахе.

Хочу поведать о любви иной –
Спонтанной и манящей к полной жизни.
Что встанет воином, да за твоей спиной,
Сопровождая каждый день до тризны.

О той, что тихо принимает этот мир,
Не злится, не кричит, не критикует.
О той, что душу лечит, словно эликсир,
И раны все, что существуют в ней, – врачует.

О той, что каждый может отыскать,
Но при одном условии, и крайне важном:
Ее всегда легко и просто распознать,
Смотря не в сторону, а вглубь себя отважно.

И все, чего я так хотел,
В секунду стало мне ненужным.
Да просто я перегорел
И стал почти что равнодушным
Ко всем желаниям былым,
К тому, что так меня манило.
Я свою душу обнулil
И что в нее всегда входило:

Мечты, надежды, ожидания –
Сегодня лишь воспоминанья.

Белоснежная и сияющая,
Знаю явно, что эта – на взлет!
Полоса моя, призывающая
Сделать к радости поворот!

Все бывшее в пропасти кануло,
Жизнь покинуло, словно балласт.
Ярким светом ОНА нагринула,
Намекнув, что в обиду не даст!

Расстелилась прям у подножия,
Переливом игриво маня.
И сейчас я в нее вхожая
Ежечасно и день ото дня!

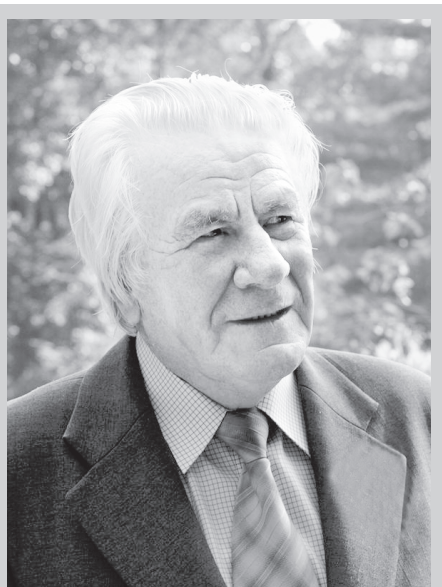
Умолкнут птицы на исходе дня,
И солнце перекатится на сторону заката,
Лучами алыми лаская из огня.
Растает в моей жизни эта дата.

Неповторимые моменты бытия
Повиснут каплями дождя с листы рябины,
И напоят собой проталины ручья,
Что унесет их за далекие равнины.

Неутомимые мгновения мои
Сквозь время и пространство убегают.
Дай Бог найти в них место для любви,
Которая на сердце не растает.

Кто ждать умеет, тот дождется и весны,
И взгляда самого родного человека,
И яркого луча из самой страшной мглы,
И шага первого на палубе ковчега.
Кто ждать научен, тот уж как кремь.
Он будет это делать молча, терпеливо,
Он знает, что настанет этот день,
В котором скажет он: «Я наконец счастливый».
Пред тем, кто сердцем ждет
и сердцем этим верит,
Не сомневаясь на пути своем стократно,
Нет, не откроются стремительно все двери,
А рухнут с грохотом, исчезнув безвозвратно!

В ГОСТЯХ У ПОЭТА

**Виктор Федорович
ПОТАНИН**

Писатель, член Высшего творческого совета при Союзе писателей России, член Приемной коллегии Союза писателей России, член Общественно-редакционного совета литературно-художественного журнала «Вертикаль XXI век», лауреат премий имени И. Бунина, В. Шукшина, Д. Мамина-Сибиряка и других. Его проза переведена на многие европейские языки и включена в школьные хрестоматии. Заслуженный работник культуры России, почетный гражданин города Кургана и Курганской области, делегат многих съездов Союза писателей СССР и России. Награжден орденом «Знак Почета», орденом Дружбы, орденом Почета. Всего им издано более 50 книг, общий тираж которых составляет около 7 миллионов экземпляров.

Сельский учитель Лебедев Сергей Иванович жил одиноко, точно монах. И жил он в самом крайнем домике на краю села. За этим домиком простиралась степь, на которую ещё не ступала нога человека. Конечно, в этих словах есть небольшое преувеличение, но как назвать тот степной простор, смотреть на который даже больно глазам. Порой кажется, что в этой самой степи невозможна живая жизнь, ведь солнце палит нещадно, и спастись от этих лучей ещё никто не сумел. И только заросли крапивы и полыни ещё напоминают что-то живое, ведь запах от этой полыни растекается на много километров. Но кому-то эти запахи, наверное, не мешают, иначе бы не возникла здесь улица и этот домик с дырявым забором. Правда, домик в последнее время совсем пустовал. Говорят, хозяева переехали в город, а новых хозяев пока не нашлось. Так что квартира пустовала. Здесь и поселили учителя, который вёл в здешней школе уроки литературы и заведовал школьной библиотекой. И работал он хорошо, и дирекция была им довольна. А что удивляться, ведь у молодого учителя – спокойный и выдержанный характер, а знаний – полная голова. Правда, многим казалось, учитель живёт несколько замкнуто, отчуждённо, и кто-то видел в этом даже ненужную гордость. Но это, конечно, неправда, – просто учитель когда-то воспитывался в детдоме, а у всех детдомовцев есть свои странности и привычки. К тому же он ни на минуту не расставался с любимым делом – с литературой. И даже ночью, когда совсем не спалось, он брал с полочки томик Бунина или Николая Рубцова и часто читал их до утра. Но вершиной его читательской любви всё-таки был великий Пушкин. И порой казалось, что стихи

напоминают молитвы, и в этих молитвах таилось что-то небесное, неземное, и хотелось заучивать их наизусть. А потом наступал новый день, но это небесное не проходило в нём, и он продолжал думать о чём-то таинственном и чудесном, о том, для чего не находилось в душе даже слов. И вот однажды в одну из таких бесконечных ночей в голову зашло очень тяжёлое и печальное – как же, мол, так, ведь он живёт на свете уже больше двадцати лет, а всё ещё не был в пушкинских местах, не стоял у могилы поэта, не бродил по селу Михайловскому, – как же такое случилось, как же так?! И он тут же решил: надо немедленно ехать в эти края, надо собираться в дорогу. Правда, собираться очень легко – начиналось лето, и в июле выплатили долгожданные отпускные, к тому же у него скоплено на новый костюм. И конечно, с костюмом можно и обождать, так что денег хватит даже на самолёт, и он доставит в Москву, а потом другим рейсом на Псков, а дальше уже пушкинские места.

Так и случилось, как он замышлял. И вот учитель уже в автобусе, а впереди Пушкинские горы. А автобус, в котором он ехал, был переполнен, и разговоры не стихали ни на минуту. И учитель радовался, что скоро, совсем скоро он будет в гостях у поэта. И тут же подумалось – как хорошо, мол, что люди при Пушкине ездили на лошадях, а не на машинах. И уж совсем хорошо, что были постоянные дворы и станционные смотрители, ведь все они – носители русского духа и великой русской печали, которая в душе у каждого русского, и её никто не отнимет. А разговоры в автобусе между тем не стихали, и кто-то даже громогласно заметил:

– Говорят, он много раз испытал эти дуэли, точно искал свою гибель. И чего не жилось человеку – при такой родне и при связях? Вы не согласны? Жить бы, как говорят, не тужить.

Учитель улыбнулся и сразу заметил говорившего. Это был пожилой человек с круглой кучерявой бородкой. Но эту бородку сразу же оборвали:

– А чего ты приплёл эти дуэли! Говорят, когда он приезжал сюда, то бегал за каждой юбкой. Так что здесь куча его родни... – это вступила в разговор полноватая дама с высокой причёской и с накрашенными ногтями. И на каждом пальце у ней по золотому кольцу. А голос хриловатый, напористый. И он не замолкал:

– Я еду сюда в первый раз, так что не перебивайте, а слушайте. К тому же мне недавно сказали, с кого он списал эту милашку – Татьяну Ларину...

– Знаешь, так поделись! – это снова ожил тот старичок с кучерявой бородкой. И и дама раскатисто засмеялась:

– Знаю, да не скажу. Я ведь в академиях не училась, но Пушкина давно обожаю. А что? Я имею право...

Но её опять кто-то перебил, и разговор сразу пошёл не туда. Кто-то даже вспомнил Дантеса:

– Говорят, этот французик в конце жизни форменным образом чокнулся. Господь наказал его за поэта. Так ему и надо, ведь душой подлец...

И в этот миг автобус резко затормозил. На обочине стояли двое, и они быстро подошли к открытой дверце. И учитель увидел девушку в тёмных очках в роговой оправе, а рядом с ней стоял худенький горбатенький мальчик в поношенном старом костюмчике, а на ногах у обоих были полотняные тапочки. Мальчишка прижимал к груди пластмассовую фляжечку, наполненную, наверное, квасом. Кто-то, видимо, из жалости уступил им своё место, усадил на сиденье, и они в ответ что-то забормotalи, наверное, благодарили. И автобус опять набрал скорость.

А фляжечка, кажется, не давала им покоя, и мальчик то и дело открывал крышку и делал несколько глотков, а потом протягивал фляжечку своей спутнице, и та тоже слегка отпивала и что-то говорила мальчишке. Но говорила тихонько, чуть ли не шёпотом, и всё время оглядывалась назад. Наверное, думала, что кто-то слушает их разговор. Но никто на них уже не обращал внимания, к тому же за окном автобуса медленно проплывали какие-то придорожные строения, и дома были похожи друг на друга, как близнецы. На окнах почему-то совсем не было ставней, а крыши сделаны тоже на один манер – все покрыты одинаковой дранкой, и потому домики выглядели как-то сиротливо, печально. Иногда дорогу пересекали какие-то убогие речушки, но это скорее впадины от дождей. Правда, среди них были и настоящие озёра. И вода в них была тусклая, какого-то тёмно-вишнёвого цвета. И на этой воде – много уток и разной дичи. И птицы, видимо, привыкли к многолюдью и шуму моторов и потому сидели на воде как-то смиренно и обречённо. Зато пассажиры в автобусе вели себя шумно и весело, точно ехали на пикник или свадьбу. Кто-то уже разливал вино, доставал игральные карты или карманные шахматы, и учителю было странно наблюдать за этим, ведь многие едут к Пушкину в первый раз, а на душе – пустота...

И вот автобус резко затормозил и остановился у большого деревянного здания. Это была гостиница и конец пути. Но номеров в гостинице не оказалось, и учитель подумал: где же ему ночевать, неужели под открытым небом? Но огорчаться не стал, потому что вдруг мелькнуло решение – а что, если... И он достал свой паспорт и вложил туда денежную купюру в пятьсот рублей. Администратор гостиницы сразу как-то понимающе улыбнулась и протянула ему пропуск.

В гостиничном номере стояли две кровати, а на одной из подушек лежала даже записка – место, мол, забронировал Лебедев Сергей Иванович, и учитель улыбнулся – надо же, какая оперативность! И всё же откровенно обрадовался, что в номере он пока один, потому что привык к одиночеству, ведь семьи у него ещё не было и когда будет – никому не известно. А пока надо было что-то делать, и он решил выйти на улицу. А там не смолкал рокот моторов и приглушённый говор толпы. Иногда раздавался чей-то весёлый вскрик, и это был, как правило, женский голос. Наверное, что-то подобное наблюдал и Пушкин, когда посещал эти места. О, Господи, о чём всё-таки он мог ещё написать! О чём, если бы не дуэль! И, наверно, правильно говорят сегодня, что поэт стал бы писать прозу о войне с Наполеоном и, конечно, восхитился бы героизмом русского человека на поле брани... «Однако хватит мне философствовать, – усмехнулся учитель, – пора хоть чуточку закусить...» К тому же сделать это легко, ведь ресторан был рядом, в двух шагах, и Сергей открыл широкую дверь. И сразу же удивился, потому что в ресторане было два больших зала: один общий, а второй поменьше, но с нарядными шторами на окнах. Наверное, он предназначался для самых высоких гостей. И учитель прошёл в общий зал. Здесь многолюдно, очень дымно – накурено, а в середине зала стоял круглый столик, который, конечно же, был трибуной. И учитель сразу заметил возле столика высокого мужчину в красной рубашке-безрукавке. И этот мужчина, наверное, был оратор или местный поэт. Так и случилось, потому что красная рубашка сразу вспомнила о стихах. И голос у него дрожал, прерывался:

– Дорогие мои, любезные! Когда-то жил великий Пушкин, а сегодня в поэзии полно графоманов... Да, да, графоманов... Но я употребил сейчас очень деликатное слово. Ведь эти писаки – просто форменные идиоты. И совсем не понимают, если человеку, к примеру, сорок лет или побольше, а он настойчиво пишет стихи, но ничего не добился, то ему надо немедленно бросить эту затею, а лучше вырастить

хороший огурец или грядку морковки. Да... Всем ясно, о чём я говорю? И подойдите ко мне, если кому-то неясно...

И к нему сразу подошла одна довольно пожилая, богато одетая женщина и сразу призналась. А голос был громкий, напористый:

– Хочу, чтобы Вы взглянули на мои вирши! Я всю жизнь работала в школе, так что Ваш Пушкин для меня – не новинка. Да-да, и не спорьте со мной!

– Ах, не новинка! – сразу возмутилась красная рубашка. – И потому Вы вся из себя. Так что выбросьте в унитаз свои вирши. Ведь стихи Ваши – курам на смех...

– Но Вы же их не читали!

– И никогда не буду. Никогда, никогда! Потому что не верю. Я же поэт-профессионал, и у нас свои законы... – Он ещё что-то сказал, но женщина уже плохо слушала и вытирала платочком глаза. И учитель вдруг пожалел её, ведь он впервые увидел, что из-за стихов может кто-то страдать. Но слава богу, что красная рубашка вскоре с трибуны ушла, а Сергею принесли тарелку борща. Но есть не хотелось. Да и отвлекала публика. Ведь за круглым столиком посреди зала стоял уже другой оратор. Это был низенький полноватый мужчина с припухлыми щеками. И начал он необычно – сразу с вопроса:

– Дорогие мои! Почему в ресторанном меню нет ни слова о Пушкине? К тому же у нас за окнами Пушкинские горы. Так что можно бы напечатать целую страницу на тему «Любимые блюда поэта». А что?! Разве не так? Здесь могли бы быть и котлеты по-пушкински, и пироги с капустой, которую очень уважал поэт... – Оратор замолчал, потому что к нему подошла молодая женщина в цветастом сарафане, даже на шее у неё был розовый шарфик. И она с ходу его поддержала:

– В Ваших словах есть какой-то смысл, так что жму Вашу ладонь... – И этого оказалось достаточно, чтобы оратор не замолчал. Но начал он как-то издалека:

– Дорогие мои земляки! Я приехал сюда из далёких мест. Вы про Анапу, надеюсь, слышали? Так что это мои родные места...

И сразу же из зала кто-то крикнул:

– Говори по существу, не увиливай! Болтунов и у нас выше крыши! В голове от них мутрно...

И учитель сразу поморщился. Он не любил грубостей и всегда таких людей осуждал. Он даже хотел встать и уйти, но надо было рассчитаться за ужин. К тому же оратор пустился в воспоминания:

– Так вот, дорогие. На берегу у нас было много всяких забегаловок и киосков. В летнее время там всегда толпились клиенты. Но приходила осень, и сразу покупателей – кот наплакал. Выходит, для хозяев – одно разоренье. И вдруг всё изменилось, потому что в одном ресторанчике появился коктейль «Сергеев-Ценский»! Кто из вас читал книги этого русского гения? Поднимите руку.

Но зал молчал, и тогда оратор обречённо махнул рукой:

– Ладно, прощаю. Вы гордитесь своим Пушкиным, но у нас в Крыму тоже есть свои гении. И вот однажды один из них зашёл в дорожный ресторанчик и попросил официанта: «А ну-ка, дружок, сооруди мне коктейль «Сергеев-Ценский». А я в долгу не останусь».

Но официант был дотошный и, конечно, спросил: «А как его делают, этот коктейль?» И посетитель улыбнулся: «А ты возьми гранёный стакан, налей туда 50 граммов водки и встряхни хорошенько. А потом добавь в стакан ещё 50 граммов зелья и тоже взболтай. И в стакане сразу появятся пузырьки, и ты в эти пузырьки добавь

ещё 50 граммов водки, только ровно 50, и смотри не ошибись!» И тут официант не вытерпел: «А сам-то ты кто, вроде бы наш писатель?» «Правильно!» – улыбнулся посетитель и с удовольствием осушил свой стакан.

И с тех пор этот напиток – во всех наших прибрежных киосках. И все довольны. И закипела торговля. И теперь каждый клиент требует этот коктейль. И конечно, за наличные деньги! Это, дорогие мои, надо понять. И поверьте мне – я отвечаю за каждое слово, я ведь влюблён в нашу историю, потому и приехал сюда. Вы меня поняли?

Но все молчали, и оратор тоже затих. А к учителю подошла официантка, и он рассчитался за ужин и с удовольствием вышел на улицу. Жара уже спала, и дышалось теперь легко-легко. Но побыть в одиночестве не пришлось. К нему подошёл местный поэт – тот самый, в красной рубашке. И сразу стал утешать: «Виджу, Вы притомились от наших ораторов. Ведь к этому трудно привыкнуть. И хорошо, что стали вспоминать об Иване Козловском. Этот великий певец выступал однажды в Святогорском монастыре. Это был всего один вечер, но местные болтуны вещают нам, что были на многих его концертах, и при этом рассказывают о нём разные байки и анекдоты.

– Но зачем это? – удивился Сергей.

– А затем, милый, что за эти байки щедро угощают водкой, благодарят. Вот почему в разных святых местах и курортах так много бичей и алкоголиков. Что-то подобное Вы только что видели в нашем ресторане и хорошо, что ушли...

– Значит, и про коктейль «Сергеев-Ценский» тоже придумка?

– Не знаю, может, и правда... – И красная рубашка придвинулась к учителю. Так близко, что он зажал нос. И это потому, что от поэта хлынул такой запах водки, что Сергей сказал про себя: «Других ругает, а сам, наверное, алкоголик со стажем...» А потом ещё раз внимательно взглянул на него и попрощался...

Но в номере было жарко, и он снова вышел на улицу и присел на лавочку, которая была возле дверей. Возле крыльца остановился мотоцикл с коляской, а в коляске полулежала молодая весёлая женщина и громко смеялась. Одежды на ней почти не было, но это её, видимо, не смущало. К тому же водитель был в милицейской форме, а это надёжно. С таким водителем вряд ли кто-то задержит. И милиционер стал что-то говорить, горячиться – наверное, приглашал в гостиницу. Но женщина упиралась, и тогда он махнул рукой, и мотоцикл опять набрал скорость. Всё это продолжалось минут пять, не больше, но Сергей всё равно расстроился, приуныл. А виноваты, конечно, эта женщина в мотоцикле и этот поэт в красной рубашке. Ведь по отношению к Пушкину – что это? Наверное, злая насмешка. И учитель опять стал думать о незавершённых черновиках поэта. Конечно, сам Дантес – это отъявленный дьявол, и его роковой выстрел – это отмщение за поражение Наполеона, за бегство великой армии из России. Пушкин написал бы об этом, если бы не дуэль. О, Господи, если бы, если бы... Мысли кружились, путались, а потом осталась только одна – откуда явился, к примеру, этот Ираклий Андроников, который так много знает о русских поэтах, точно состоял с ними в близком родстве. Знает даже то, чего никогда не было в жизни. И за это нет наказания, а, наоборот, – одно восхищение. И таких примеров хоть отбавляй. А вообще-то чего он так расстраивается, ведь и сам он мечтал побывать в гостях у поэта, и эти Пушкинские горы как подарок судьбы. Была бы жива мать, она бы похвалила за эту поездку. О, Господи! – о чём он так размышлял. И ему стало грустно и тяжело, потому что привиделась мать.

А вот отца он совсем не помнит, да и тот вряд ли помнит своего сынка. Он бросил его, когда тот лежал ещё в пелёнках. Да, бросил – иначе не скажешь, потому что уехал куда-то на север за большими деньгами да там и потерялся в этих холодных снегах. А мать вскоре унёс тяжёлый инфаркт, после которого не стало семьи. Но сердобольные люди пристроили мальчишку в детский дом, и там прошло всё его детство. Конечно, была бы жива его мать, то жизнь его сложилась бы по-другому. И может быть, была бы уже своя семья и свои дети, усмехнулся учитель и набросил на себя одеяло. На улице, видимо, похолодало, но это уже не важно, потому что сморил его сон. И сон был чудесный, ведь к нему пришла его мать. И вначале он увидел её лицо. Ведь он никогда-никогда не забывал его, особенно её глаза. В них всегда было столько ласки, нежности и какой-то необычной синевы и печали, которую хотелось целовать, целовать. Вот и сейчас эти глаза притягивали его, не отпускали. А потом она стала гладить его щёки и волосы и начала что-то говорить ему, говорить, но так тихо, что он не расслышал. А потом всё померкло, куда-то исчезло, и он проснулся. Подушка была влажной, наверное, от слёз. От его счастливых, неожиданных слов. Ведь мать напомнила о себе, приласкала. А ему надо бы пойти в храм и помолиться о её душе. И снова мысли закружили, обхватили его голову, и там родилось что-то новое, дорогое, и он стал повторять, без конца повторять: «О, Господи, милосердный Господи, прости меня за все мои прегрешения, обещаю тебе и клянусь, что после этой поездки буду другим, совсем другим человеком, и со мной всегда будет любовь к каждой душе...»

А спать уже совсем не хотелось, к тому же за окнами начиналось уже настоящее утро, и где-то рядом шумели моторы и собирались туристы. Он слышал их громкие голоса – какой уж тут сон. И он решил выйти на крыльцо – и здесь неожиданность: у самых дверей, на верхней ступеньке, сидела девушка и поглядывала по сторонам, точно кого-то ждала. А рядом с ней лежал старенький, потёртый чемоданчик, перевязанный крест-накрест какой-то бечёвкой, которая была вся в узелках. И учитель про себя подумал и усмехнулся: «А могла бы найти верёвочку и поновей...» Он так подумал и решил спросить: «Вы кого-то ждёте? Тогда почему не заходите в гостиницу, в номере было бы гораздо удобнее». И девушка вскинула на него глаза, и опять изумление – в глазах было столько синевы, столько света, что Сергей даже зажмурился. И душа его содрогнулась: «О, Господи, опять эти глаза, они и во сне были рядом, и вот опять притягивают к себе, не отпускают. А девушка так и не ответила на его вопрос, и он решил повторить:

– Может быть, зайдёте к администратору?

– А я уже там была и получила отказ. Потому и сижу здесь и горюю...

Она ещё хотела что-то сказать, но он перебил:

– А горевать не надо. К тому же я знаю, как Вам помочь!

– Тогда помогите.

– Согласен, но только дайте мне свой паспорт.

– Пожалуйста, – и девушка протянула ему свой документ. И учитель положил в него пятьсот рублей.

– Ой, что Вы делаете?

Но он её успокоил:

– А Вы подайте паспорт администратору, и она всё поймёт. Я и сам устраивался таким манером.

– Но это же взятка! На что Вы меня толкаете?

– Ох, милая! Да Вы просто дитя. Кстати, как Ваше имя-отчество?

– Анна Сергеевна Петрова. Но лучше просто Аня, а ещё лучше Аннушка. Меня дома так называют.

– Ой, миленькая Анна Сергеевна! Если бы Вы знали, как меня удивили. Ведь так же Аннушкой звали мою маму. Правда, её давно уже нет на свете.

– А моя мама, слава Богу, жива, но только очень болеет. Кстати, на той неделе её положили в стационар. А я вот взяла и уехала. Но меня отпустили только на два денька, ведь надо быть возле больной – мало ли что...

И она замолчала, а потом взяла свой паспорт и вскоре скрылась за дверью. Но ждать пришлось недолго, минут через десять она вышла сияющая:

– А мне уже дали номер! Всё вышло так, как Вы говорили! А я даже не знаю, как Вас зовут.

– Сергей Иванович Лебедев, учитель литературы, запомнить легко. Но лучше называйте меня просто Сергей, а ещё лучше – просто Серёжа. А теперь давайте двинемся в ресторан. Надо же что-то перекусить.

– А вот это зря... – улыбнулась девушка. – У меня с собой пирожки с капустой. Так что, Серёжа, приглашаю отведать.

Она назвала его ласково, как сестра, и сразу смутилась:

– Ой, что я наделала, Сергей Иванович. Вы же учитель, уважаемый человек, а я с ходу на «ты».

Но он тотчас её перебил:

– Не переживай, не надо. А лучше вспоминай, что я всё же Серёжа, а ты, значит, Аннушка... Ой, Господи, милосердный Господи, я ведь как произнесу это имя, так в глазах сразу мать. Я же воспитывался в детдоме, потому что отец нас с мамой бросил и уехал куда-то на север за большими деньгами. Да там и потерялся в холодных снегах.

– Так, значит, ты сиротинка... – отозвалась сразу девушка и дотронулась до него ладонью. И это вышло у неё очень ласково, по-родному, и у Сергея сжалось от радости сердце, и он посмотрел ей прямо в глаза. А там не убавилось синевы. Ох уж эти глаза, от них невозможно спрятаться, ведь они как у мамы! Но девушка опять его отвлекла:

– А пирожки, Серёжа, о нас соскучились... – И она положила на скамейку большой пакет. А потом тихонько сказала:

– А я ведь кругом виновата. Я даже не сказала тебе, где я живу, где работаю...

– Так скажи...

– Ладно, уговорил. А живу я в чудесном граде Тобольске и работаю в школе. Веду уроки истории, потому и захотелось побывать у Пушкина. И я, конечно, грешна перед поэтом, ведь надо бы раньше поехать...

– Не переживай и не мучай себя. Ты в этом не одинока. На могиле поэта не были даже Лев Толстой, Бунин, и даже Шолохов не нашёл времени для поездки. А почему так, Аня? Ты же историк и должна бы об этом знать.

– Думаю, всё в жизни они откладывали на «потом». Наверное, и у гениев есть такие привычки...

– А вот мы с тобой ничего не будем откладывать, – рассмеялся Сергей, – тебе же дали всего два дня, так что надо успеть...

– Правильно, Серёжа, прямо в точку. Кстати, вон у ограды стоит автобус и отправляется до Тригорского. И я предлагаю посетить домик няни.

– Хорошо, – сразу согласился Сергей и быстро зашёл в автобус. А рядом с ним примостилась Аня, и опять в нём что-то дрогнуло, напряглось, и он неожиданно признался:

– А ко мне вчера во сне приходила мама. И ты знаешь, вы очень похожи: и лицом похожи, и даже фигурой. Но особенно глаза! В них столько синевы, столько света, а всего больше любви. Я думаю, это душа Пушкина послала такой сон. И может, даже душа его притаилась где-то рядом и сейчас наблюдает за нами...

И тут его перебили:

– Ох, Серёжа! Ты так напоминаешь моего братишку. Он такой же светлый, как ангелочек. И прости мою откровенность...

– А чего прощать-то? Тебе полагается даже награда. Кстати, у меня сохранилась ещё баночка с соком. И сок настоящий, так что попробуй.

– Я выпью, но только после тебя!

– А вдруг я заразный, – он засмеялся, и она тоже развеселилась, тут же сделала несколько глотков и поднесла баночку прямо к его губам. И он тоже отпил и рассмеялся:

– Вот мы и породнились, считай, что поцеловались...

– Ну ты и скажешь! – воскликнула Аня и густо покраснела. Но всё же настроение у ней поднялось.

А автобус уже миновал главную улицу, но двигался всё же медленно, осторожно, потому что дорога была в рытвинах и ухабах, с какими-то неожиданными поворотами. А за окном автобуса всё та же картина: возле домов поднимались высокие каменные заборы и заборчики, и все они побелены известью, от чего устают глаза. А что с деревьями? Они стоят в изломах и трещинах. Это похозяничали туристы. Они обламывали зелёные веточки и делали из них букеты, всё это брали на память и увозили потом домой...

Но вот и Тригорское. И сейчас надо найти домик няни. И они быстро его нашли. К тому же автобус остановился возле ограды. И сразу же огорчение. Домик няни был собран из сосновых брусьев, а старые стены не смогли сохранить. Да и как сохранить, если во время той большой войны фашисты сожгли и домик, и всю усадьбу. И это беда. И конечно же, всё это надо было восстановить и сохранить достоверность. Но как это сделать? И Сергей раздумчиво покачал головой. Да и Аня уже опечалилась. В её голосе уже закралась досада:

– Не ожидала, что домик этот сейчас одно название. А ведь Арина Родионовна, считай, вынянчила поэта, и он часто называл её мамой. А когда совсем подросток, она напевала ему русские песни и рассказывала народные сказки. Вот так, Серёжа, я ведь могу часами говорить о ней. Я же историк и краевед, и меня все уважают в родной гимназии, и не думай, что похваляюсь, – просто так у меня сложилась жизнь. Но ты же мне веришь?

– Конечно, даже не спрашивай. А лучше давай подумаем, куда двинемся дальше. Но это сделать, пожалуй, легко. Я где-то читал, что недалеко от домика няни есть большой холм – возвышение. А там, на самом верху, стоит скамья Онегина. И возле этой скамьи всегда очередь, – и туристы просят, чтоб их сфотографировали. И это называется духовным паломничеством. Ведь эти люди принимают разные позы – и в душе никакого стыда и волнения. И всё же давай найдём эту скамью...

– Хорошо, Серёжа. Слушаю тебя и повинуюсь.

И вот они добрались до этой скамьи. Но рассмотреть её – никакой возможности. Потому что, действительно, у скамьи столпилось много туристов и у всех в руках фотоаппараты и даже кинокамеры. И Сергей грустно покачал головой:

– Ох, Аня, как это назвать? Ведь дурачатся – и никакого стыда. Хоть бы постеснялись прекрасной природы. Ты только открой глаза, моя дорогая учительница. Вон вдали по холмам синеют леса, а где-то рядом река Великая, а ещё дальше Псков – оплот нашего православия. Но нашим туристам всё это до лампочки, лишь бы дома похвалиться, что были в гостях у Пушкина. Ты сама-то как думаешь?

– Боюсь, Серёжа, что время нас поджигает. У меня ведь в запасе всего два дня. Так что решай, что дальше.

– А давай, Аня, откроем справочник. Там значится ещё аллея Керн. Давай посетим эту аллею. Может, там что-то осталось от прежних дней. Ведь по этой аллее любил гулять сам поэт. И давай найдём то знаменитое дерево, о котором часто вспоминал наш гений. У меня даже в памяти его стихи: «Гляжу на дуб уединенный, я мыслю: патриарх лесов переживёт мой век забвенный, как пережил он век отцов...» Стихи написаны ещё в прошлом веке, – и Сергей замолчал, потому что Аня как-то пристально на него посмотрела, а потом рассмеялась:

– Ох, Серёжа, память у тебя – позавидуешь. А я рядом с тобой, считай, дурочка.

И скоро они нашли эту аллею. И снова – досада. Ведь хотелось подлинности, но где её взять. Аллея Керн, конечно, была. Но где же те липы, которыми любовался поэт? Конечно, они давно уже увяли, засохли и их давно заменили на молодняк. То же самое пережил и тот «дуб уединенный». Время не пожалело и его, и Аня окончательно расстроилась. Но как её утешить? Правда, выход нашла сама Аня:

– А давай, Серёжа, где-нибудь посидим, отдохнём. У меня остались ещё припасы. Матушка наложила всего с бугром.

И Сергей сразу подговорился:

– Да, матери наши – великая сила. Я вот свою видел недавно во сне. Дома почему-то не снилась, не приходила, а тут побывала со мной почти до утра. И я проснулся в слезах.

– А я понимаю, Серёжа, что с тобой было. Это ведь душа Пушкина прикоснулась к тебе, и ты плакал. Но эти слёзы от радости, от любви.

– Может, ты и права... – отозвался Сергей, а потом произнёс каким-то погасшим голосом: – У тебя хоть жива ещё матушка, так что держи её возле сердца.

– Я так и живу, миленький. Вот завтра после могилы поэта я сразу к ней полечу, как на крыльях. Правда, тяжело от тебя уезжать. Я уже к тебе привыкла, как к брату. И прости мою откровенность, я же, наверно, дурная, что в голове, то и на языке.

И она слегка прижалась к его плечу, и опять он близко-близко увидел её глаза и сразу утонул в этой синеве и бездонности, и он произнёс про себя: «Какая ты милая, нежная, словно дитя. Была бы жива моя матушка, она бы, конечно, сказала: вот, сынок, тебе и невеста. Лучше её нам с тобой не найти...»

А Аня, кажется, задремала. Да и день уже убывал, и скоро наступили полные сумерки. И Сергей решил вернуться в гостиницу, чтоб отдохнуть. Ведь они решили рано утром побывать на могиле поэта, а потом поехать на экскурсию на озеро Валдай. Об этом просила Аня, даже настаивала, потому что от Валдая есть прямой автобус на Псков, а там уже рядом Тобольск и родной дом.

И вот пришла ночь, и она была спокойная, без снов. А он так ждал, что снова вспомнит о нём его матушка. Но она где-то задержалась в пути. К тому же уже было

утро, да и Аня постучала в дверь: «Вставай, Серёжа, пора!» И они взяли такси и поехали. А погода, к несчастью, выдалась очень дождливая, но всё равно везде уже стояли вереницы машин. И вот они подошли совсем близко к могиле. Везде громоздились горшочки с цветами. И всюду виднелись аккуратные ряды из венков. И тут подала голос Аня:

– Мне кажется, что его душа где-то рядом и она слышит нас...

Но Сергей промолчал, потому что думал уже о другом. Да и как не думать, ведь на могиле уже хозяйничали туристы, и было тяжело, даже невыносимо смотреть, как они накачивали себя водкой и дешёвым красным вином. И всё это называлось «поминки по Пушкину...».

А солнце между тем поднялось уже высоко, и небо было такое синее, яркое, точно глаза у Аннушки. И опять в голове у Сергея что-то мелькнуло, забрезжило – как она всё же похожа на его мамушку. Наверное, в этом есть какой-то намёк, но об этом знает только Господь. Правда, Аня заговорила совсем о другом:

– Послушай, Сережа, ведь нам нужно снова в гостиницу. Там будет автобус как раз до Валдая. И отправление сегодня, в обед. Так что давай по-быстрому...

И вот они снова в дороге. И дорога тяжёлая. Автобус шёл осторожно, точно бы ощупью, ведь улочки здесь узкие и на дороге много машин. Но всё равно казалось, что они двигаются как будто по зелёной аллее. Деревья прижимались к самой кромке шоссе. И чем ближе к Валдаю, тем больше деревьев. И почему-то совсем не видно берёз, а всё больше дубы и клёны. Но вот показалась белая полоска воды, а минут через пять эта полоска превратилась в озёрную гладь. И вода в озере очень чистая и прозрачная, и есть даже пристань. А рядом с пристанью притаился небольшой ресторанчик, и он называется «Встречи». А далеко в синей дымке проступает и другой берег озера. Но он живёт весь в клёнах...

Сергей наконец-то рассмотрел пристань. К ней сейчас приближался большой двухпалубный катер. Точнее, даже не катер, а настоящий кораблик, и звуки от его мотора раздавались так громко, словно хотели кого-то напугать. Но вот катер подошёл к другому берегу, и там его скрыли клёны. И на Сергея сразу навалилась тоска. Ведь совсем-совсем скоро с ним попрощается Аня, а как жить без неё, он ещё не решил. А она точно услышала его мысли:

– Боже мой, Серёжа, мы ведь с тобой всё ещё не обменялись ни адресами, ни телефонами. И, зная это, я ещё вчера записала все свои данные, так что жду тебя в гости, настойчиво приглашаю. Тебе будет интересно, ведь Тобольск – знаменитый русский город. У нас жили большие писатели и художники, я тебе покажу их усадьбы. Тебе даже захочется переселиться в мой город...

И на этом её голос прервался, потому что к пристани подошла большая группа молодёжи, а у некоторых в руках были гитары, и все они одновременно звучали. И Сергей удивился – зачем столько музыки в одном месте? И вдруг музыка внезапно затихла, и из толпы вышагнул невысокий подросток. И Сергей хорошо рассмотрел его: один глаз у него чуть косоват, но это его не портит. К тому же он начал петь, а голос у него просто редкость. Но через минуту он умолкает, и все его начинают упрашивать – спеть ещё и ещё, ведь голос такой чудесный. Но пареньёк упрямится и говорит, что одна струна в гитаре фальшивит и надо бы сбегать в общежитие за другой гитарой. И паренька с трудом отпустили. К тому же к пристани подошёл большой комфортабельный автобус. Он направляется прямо на Псков, а отправление через час. Сергей об этом услышал, и сразу же мучительно заболело сердце. Значит,

автобус заберёт и Аню, а как жить без неё, как, как? И эти вопросы перехватывали дыхание. А на пристани уже раздавались весёлые голоса и крики. И среди приехавших оказались и те двое знакомых – девушка в тяжёлых очках в роговой оправе, а с ней рядом стоял мальчишка-горбун. И он прижимал к груди пластмассовую фляжечку и делал несколько глотков. А потом передавал фляжечку своей спутнице. Одним словом, всё та же картина, что и сутки назад.

А в автобусе уже открылась дверца, и там показался весёлый полноватый мужчина. Это, конечно, водитель. Он был в хорошем настроении, и это заметно по голосу:

– Кто был у Пушкина – шаг вправо, а кто ещё не решился – советую не откладывать. А теперь всем общий вопрос: кто была для поэта Арина Родионовна? Кто ответит правильно, того запущу в автобус. А кто сморозит какую-то ерунду, пусть пеняет сам на себя и дожидается следующего рейса. Итак, я жду ваших ответов.

И сразу же кто-то крикнул:

– Нянькой она была. А он любил её, как родную матушку...

И водитель поднял кверху правую руку:

– Правильно сказано. Но эта правда только наполовину. Кто может дополнить?

– А чего дополнять! – опять тот же громкий напористый голосок. – Эта нянька рассказывала ему народные сказки, былины, а самое главное – давала темы, что-то советовала...

И водитель согласно закивал головой: «Но кто ещё что-то скажет?»

И тут взяла слово та девушка, с которой был мальчик-горбун. Голосок на этот раз у ней был громкий, уверенный, и так же уверенно она заявила:

– Эта нянька была для поэта опорой, поддержкой, чем-то вроде хороших костылей. А как же! Ведь душа у Пушкина была вся изранена, и эту душу надо было поддерживать, вдохновлять. Всем понятно? Но если понятно, то я скажу о себе. Вот у меня есть брат-инвалид. Он у нас с рожденья такой. И я для него, считайте, та же опора, те же самые костыли. И я для него – и мать, и нянька. Мы даже школьные уроки готовим вместе. А сейчас я везу его в Псков. Пусть посмотрит, какая была Россия в пушкинские времена...

– Пусть посмотрит! – согласился водитель, достал откуда-то большую коробку конфет и подал её мальчишке: – Это тебе подарок от Пушкина. Но и это ещё не всё. У меня есть и другой вопрос. Но вначале взгляните на эту пристань. Здесь вечерами много молодёжи и не смолкают гитары, звучат даже романсы. А вот любил ли наш поэт гитарную музыку? Кто скажет?

Эти слова услышал, конечно, Сергей и сразу воскликнул: «Ещё как любил! Он мог часами слушать цыганские песни, мелодии и часто только ради этого посещал шумные базары и ярмарки». Но договорить ему не дали шумные голоса и гитарные переборы. Это возвращалась на пристань местная молодёжь. Здесь же был и тот подросток с чудесным голосом и со своей неразлучной гитарой. И порой голос его то замолкал, прерывался, а порой возникал снова с удвоенной силой. И когда он замолкал, его просили петь ещё и ещё, и он подчинялся. И вот он вспомнил тот знаменитый романс «Я помню чудное мгновенье», и голос его зазвучал по-прежнему как серебро. И слушать бы его часами, и предаваться мечтам. И было удивительно, ведь этот голос, это серебро, был у подростка-мальчишки. И как же он мог родиться с таким талантом, с такой любовью вдали от наших столиц, как же, как? Но голос, к сожалению, прервали, и сделал это водитель:

– Дорогие мои, хорошие, наш автобус отправляется через пять минут, и прошу всех занять места...

А к Сергею уже подошла Аня и спросила тихим погасшим голосом:

– Что ты будешь делать сегодня вечером?

– Буду писать тебе письмо. Ты же подарила мне все свои адреса, так что приедешь домой, а в почтовом ящике мой конверт.

– Но зачем письмо? Ты сейчас скажи!

– А что сказать, ведь нас уже породнил поэт... А разве не так?

И в этот миг автобус медленно тронулся с места. Но водитель всё ещё не закрывал дверцу. Да и как её закрыть, если в проходе стояла Аня. Она ещё что-то кричала Сергею, но голос её заглушал шум мотора. Автобус медленно, но уверенно набирал скорость и скоро исчез в тени деревьев. Вот и всё, вот и всё... Сжалось сердце, и Сергей направился к пристани. А там опять звучала гитара, и тот гениальный подросток пел какую-то песню. Но какая теперь гитара, какая песня, ведь уехала Аня. Если все чувства затмила печаль. И Сергей вдруг улыбнулся: но какая же это печаль, если Аня позвала его в гости, если совсем скоро он соберётся в дорогу – в её любимый Тобольск. И эту дорогу уже никто не отменит. И Сергей высоко поднял голову, и сердце забилось где-то у самого горла. Но это уже от радости, от неуёмной радости, ведь хотелось мечтать, хотелось надеяться, и все эти надежды благословил им Пушкин.

АХ, МЕТЕЛЬ, МЕТЕЛЬ...

В мой город наконец-то пришла зима. Правда, первый снежок порадовал нас ещё месяц назад, но то был именно снежок, а не снег, и потому он быстро растаял, как будто приснился, и мы снова точно осиротели. И вот дождались настоящего снега. Он начался ранним утром и шёл весь день, и скоро все городские крыши стали нарядными, словно их закутали в белые покрывала. А ближе к вечеру началась метель. Она явилась к нам с сильным ветром, который выпевал за окнами на все голоса. И это правда, я не придумываю, ведь есть люди, которые уверяют, что это не метель стучит в рамы, а это звучат голоса давно ушедших от нас людей, и среди них самая близкая родня и дорогие друзья. Правда, зачем мне на кого-то ссылаться, ведь и сам я думаю так же, и меня никто не осудит. А вот сегодня даже всё повторилось: я смотрел в окна, но ничего там не мог запомнить, но зато у ветра я отчётливо различал родные голоса. Ах, метель, метель... Ведь иногда мне слышится голос моей незабвенной матушки и моей родимой бабушки Катерины. Их давно уже нет на земле, но ведь это неправда, раз я слышу их голоса. И порой они сливаются в какие-то отдельные чудесные звуки, и я хочу догадаться, о чём они сейчас говорят, на что намекают. И вдруг до меня доходит: а ведь они просят нас помнить о них всегда, не расплескать о них память. В такие минуты я постоянно вспоминаю детство, родную школу, наших любимых учителей. Вот и сегодня я достаю с полочки давний школьный альбом и до боли в глазах вглядываюсь в эти лица. Эх, вернуть бы сейчас то время и прожить его без всяких печалей, несчастий. Правда, и школы-то средней в нашей деревне не было, и мы ходили на уроки в соседнее большое село, и там нам предстояло окончить однажды и десять классов. Но мы не унывали и радовались жизни. А в субботу брали с собой пустые мешочки под продукты и отправлялись

в дорогу. А идти совсем близко, каких-нибудь три километра. Вот и сегодня под звуки метели в моей душе поднялся мой незабвенный дружок Колька Предеин и не хотел от меня уходить. И в моих воспоминаниях радость, ведь Колька – мой самый дорогой дружок, вот и снова он рядом, точно живой. И я вглядываюсь в эти глаза, – как бы их не обидеть. Ведь сам Колька никогда никого не обижал. Был он ласковый, добродушный и, несмотря на свои десять лет, по-взрослому серьёзный.

– Коль, почему ты рыжий? – приставали к нему девчонки.

– В солнечный день родился, – отвечал он и очень смущался. Но многим не нравился Колька: он не лазил вместе со всеми в колхозный сад за малиной, и даже самая смиренная лошадка сбрасывала его со спины, а я всё равно любил Кольку – по-мальчишески тайно и сильно. Я всегда приходил к нему рано утром и часами смотрел, как он мастерит клетушки для белых мохнолапых голубей, а потом, размахнувшись, бросает их в небо. Но и голуби не боялись Кольки, а, наоборот, любили его и садились к нему на плечи. Колька счастлив, и я тоже. А потом мы отвязывали с цепи нашего любимого Шарика и втроём шли на речку. Тобол возле нашей деревеньки совсем обмелел и тихо журчит по гравию. И водились в реке почти одни пескари, но это нас не огорчало. Мы садились верхом всегда на один и тот же камень, и я спрашивал:

– Колька, отца своего ты помнишь?

– Помню, но всё как в тумане. В последний день перед отправкой на фронт он носил меня на руках по комнате и что-то напевал. Наверное, колыбельную, ведь мне было всего три года...

И Колька замолкал. Он не любил подолгу говорить, и за это я на него злился. Но какая моя злость – какие-то пустячки...

– Колька, а кем ты будешь через двадцать лет?

– Ас, лётчик! Ты же знаешь, разве забыл? – и он опять замолкал, а я всё ждал каких-то главных признаний. И вот однажды я всё-таки дождался.

– Представляешь, над нашим домом пролетают серебристые самолёты, и в одном из них – Колька Предеин! Ты не забыл ещё моё имя? – и он смеётся, и я тоже. А жили мы в соседнем селе в интернате, а по субботам отправлялись к себе домой. И вот пришёл тот роковой и страшный день. Но вначале ничего не предвещало горя. И я рассуждал как взрослый:

– Значит, ты уже определился в жизни. Будешь, выходит, лётчиком, это же здорово! Даже завидно. Будешь как птица, как твои голуби.

А потом что-то случилось – голос моего друга вдруг ослабел, и я уже еле разбирал слова. Нам мешал ветер, да и летел густыми хлопьями снег. Ах, метель, метель, откуда ты пришла, кто тебя напустил на нас! И вот уже впереди сплошная белая стена. Середина её крутится в снежных вихрях и кажется нам живой. Теперь, чтобы сделать шаг вперёд, надо протиснуться через эту стену, но ветер всё время отбрасывает нас назад. И так проходит час или два, но мы никак не можем выйти к дому. И вдруг Колька останавливается и бросает мне прямо в лицо:

– Мы же сбились с дороги!

Но я ещё не верю, что сбились, и начинаю спорить:

– Как же так – сбились? Ведь так не бывает.

Но Кольку не убедить:

– Всё бывает, случается, лучше давай пойдём дальше...

– Хорошо, хорошо... – соглашаюсь, а самому уже страшно.

Но потом заходит в голову – а чего мне бояться, ведь рядом со мной мой бесстрашный друг Колька. И тот будто слышит меня и начинает шутить:

– Знаешь, ты весь заледенел... Прямо как рыцарь в ледяных латах. Веди скорее в свой замок, там обогреемся, отдохнём... – и Колька смеётся, и я не понимаю, почему ему весело, но он продолжает шутить. А мне опять становится страшно, ведь мы уже не шагаем, а как бы переползаем с сугроба на сугроб. И теперь, чтобы сделать шаг вперёд, надо стиснуть зубы и приказать себе – иди вперёд, иди, не оглядываясь. А ведь скоро наступит полная ночь – что тогда? А ветер подул ещё сильнее, настойчивей, а мы никак не можем осилить эти несколько километров до дома. Ах, метель, метель, что же ты с нами наделала, сломала всю нашу жизнь. А ветер не стихал и больно хлестал по лицу, и я уже чувствовал, что моё тело становится ватным, бесчувственным, и в этом бессилии я свалился в снег. И теперь я уже ничего не помнил. А очнулся я всё-таки от каких-то сильных толчков. И очнулся не на снегу, а на Колькиной спине. Оказывается, он тащил меня на себе, спасая от верной гибели. И тут же прорезался его голос:

– А тяжёлый же ты, мой дорогой. Тащу тебя, а сам боюсь – вдруг упаду, и нам каюк.

– Колька, где мы сейчас?

– Где, где... Считай, что нам повезло. Мы же прямо к фермам подошли и сейчас дома будем, – и он спустил меня с плеч. И я сразу с вопроса:

– А пальто твоё где?

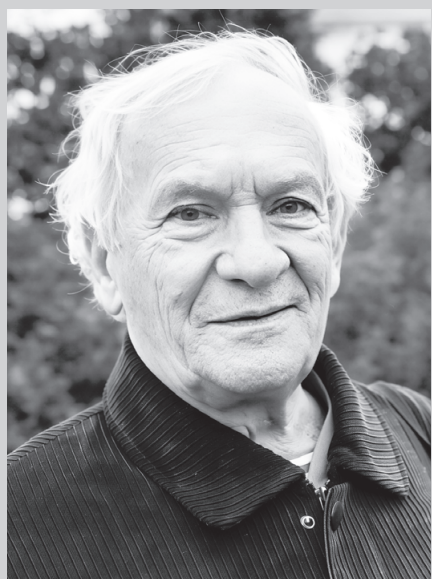
– А лучше не спрашивай. Сопрел от тебя и сбросил. Да куда ему деться – завтра найдем обязательно.

А на следующий день рано утром я пришёл к Кольке. В его комнате тихо, а сам Колька лежит под двумя одеялами и дышит с трудом. И всё-таки улыбается какой-то непонятной и жалобной улыбкой. И опять пытается что-то сказать:

– Хорошо, что собаки залаяли, а то бы блуждали всю ночь возле ферм. Они и спасли нас, наши собачки. Правда, болезнь эта меня измучила, порой даже теряю сознание. Фельдшер наша Татьяна Владимировна сказала, что у меня тяжелейшее воспаление лёгких, я ведь тащил тебя без пальто, и меня продуло насквозь.

Он ещё что-то говорит, ведь губы у него шевелятся, но слов уже не понять. О, Колька, что же с тобой? И я чуть не плачу, ведь это из-за меня он мучится, из-за меня! И мне хотелось как-то себя наказать, потому что Колька был в полном беспмятстве. А метель мела уже больше суток, и скорая помощь из городской больницы не могла добраться до нашей деревни из-за сугробов. А через три дня мне стало совсем плохо, потому что Кольки не стало... А метель всё мела и мела, но теперь уже ничего не исправишь.

Вот и сегодня ветер разошёлся не на шутку. И я смотрел, как за окном кружится белое метельное марево, а сам думал о всех давно ушедших людях, и, конечно, в голове всё время стоял мой дружок, ведь это из-за меня он погиб. А может быть... Ах, может быть, я что-то преувеличиваю, но всё равно очень грустно и тяжело. В такие дни я иду на кладбище и там сажусь на скамью возле Колькиной могилы и смотрю на потемневший от времени крест, а на душе только одно – прости меня, мой дружок. Прости, если сможешь. Ведь жизнь моя ещё продолжается, и может быть, я заслужу это прощение. Вот и сегодня эти мысли не покидают меня. И я без конца повторяю: «Ах, метель, метель, что же ты со мной вытворяешь?» Но такое, видимо, уже суждено.

**Виктор Иванович
ЛИХОНОСОВ (1936–2021)**

Советский и российский писатель, публицист, педагог. Жил в Краснодаре, возглавлял литературно-исторический журнал «Родная Кубань» (1998–2016).

Лауреат Государственной премии РСФСР имени М. Горького (1988) – за роман «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж». Лауреат Международной премии имени М. А. Шолохова, литературной премии «Ясная Поляна» им. А. Толстого в номинации «Выдающееся художественное произведение русской литературы» за повесть «Осень в Тамани». Награжден орденами «Знак Почета», «Дружбы народов», медалью РАН «За выдающийся вклад в развитие русской литературы» и дипломом ЮНЕСКО «За выдающийся вклад в мировую культуру».

Член высшего творческого совета при правлении Союза писателей Российской Федерации, почетный гражданин города Краснодара, Герой Труда Кубани.

С ЛЮБОВЬЮ О ДРУГЕ. К 90-ЛЕТИЮ В. И. ЛИХОНОСОВА

Судьба, думаю, неслучайно сводит людей. Мы встретились с Виктором Лихоносовым в Москве в середине 1960-х годов, и очень скоро выяснилось, что у нас с ним много общего, а главное, мы оба сибиряки, хотя Лихоносов уже несколько лет жил в Краснодаре, но связи с Сибирью не терял, тосковал о ней, да и мать его жила в Новосибирске. Правда, позднее он перевез ее с отчимом на юг, в Пересыпь, купив им маленькую хатку на берегу Азовского моря.

В 60-е годы XX в. литературная жизнь в стране кипела. Из провинции в литературу пришло много талантливых писателей. Съезды, пленумы, поездки по стране, дни литературы... Все это способствовало нашим встречам, сближало нас еще более. К тому же по приглашению Виктора Петровича Астафьева мы побывали с ним в Вологде, пообщались с Василием Беловым, Николаем Рубцовым, моим другом и однокурсником по Литературному институту. Вместе с Виктором ездили мы к Пушкину в Михайловское. Да всех совместных поездок не перечислить. Главное, я был у него в Краснодаре и в Пересыпи, а он был частым гостем в моей семье, полюбил Курган и мою родную деревню Утятку.

Письма друга (их у меня множество), телефонные звонки, а за всем этим – полное взаимопонимание, участие в жизни друг друга...

Теперь только в памяти звучит его голос, глуховатый, ставший таким родным. Иногда он звонил по несколько раз в день, даже поздно ночью: разница во времени у нас с Краснодаром два часа.

– С Вами будет говорить Толстопят... – юмор не покидал его, к тому же «Ненаписанные воспоминания. Наш маленький Париж» – его любимое детище. Роман о Екатеринодаре (теперь Краснодар), нелегкой судьбе людей, которых уже нет на свете, но которые бесконечно дороги ему, автору. Он иногда играл, шутя говорил за них, жену мою называл Калерией Шкуропатской...

Писал он этот роман пять лет, как Лев Николаевич Толстой «Войну и мир».

Ну вот я раскрываю последнюю страницу романа, где автор с маленькой дочкой Настенькой идет по улице Орджоникидзе. Она вырывается, бежит вперед.

– Папа! – кричит она. – Ты мне вечером историю про Потаньку расскажешь? Если ты друг...

Она уже далеко, я тороплюсь за ней и тихо кричу:

– Настенька! Подожди... Настенька... Куда же ты бежишь, деточка?

Она оглядывается, взмахивает рукой и ждет, когда я подойду.

«Ради нее мне и надо жить долго-долго...»

1978 – 1983 гг.

...Жить долго-долго! Но в августе 2026 года будет уже пять лет, как нет с нами моего дорого друга. А 30 апреля ему исполнилось бы 90 лет.

Я часто беру его книги и перечитываю их. Всю свою умную и нежную душу он оставил на этих страницах. Неслучайно же его выделили из современной литературы такие строгие ценители, как Георгий Адамович и Борис Зайцев. Их письма к нему из Парижа сейчас опубликованы. Неслучайно его первый рассказ появился на страницах журнала «Новый мир» в 1962 году, когда он был никому не известным 26-летним учителем из станицы возле Анапы. Да и много прекрасного о его прозе написали Юрий Казаков, Олег Михайлов, Виктор Астафьев, Дмитрий Жуков и другие. Предлагаю читателю его очерк о встрече с Шолоховым из книги «Волшебные дни» (1988).

Виктор Иванович Лихоносков

СУРОВАЯ СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Судьба не дала мне счастья писать большие воспоминания о Шолохове. Я встречался с ним всего один раз. Зато я всю молодость свою прожил под звездой Шолохова. Снова явившийся к русскому читателю Бунин не помешал мне любить Шолохова так, как в девятнадцать лет, когда я прочитал «Тихий Дон». Порою я мечтал направиться после окончания института на работу в донские степи. Но то когда будет! Хотелось поскорее побывать в Вешенской. Как-нибудь сойти с поезда Москва – Новороссийск на станции Миллерово, а там уже попуткой сто с чем-то верст по степи. Так я и поступил в августе 1957 года. Святая литература, что она с нами творит в молодости, какой лечебной росой окропляет! В каком-то наитии, изумлении, в бесконечном сне о прошедшей судьбе людей, запечатленных в романе, ехал я в кузове трехтонки чрез Ольховый Рог, Грачи к Базкам и Вешенской. Нынче я сам не верю, что у каждого плетня, осанистого донского дома могли мерещиться мне типы Григория Мелехова, Пантелея Прокофьевича, Аксиньи, Давыдова, Нагульнова, деда Щукаря. Поскольку обе книги Шолохова написаны здесь и о здешнем, то казалось, что только здесь и прокатились «всемир-

но-исторические события». Такие вот грандиозные памятники ставят некоторые писатели на своей земле.

Я, конечно же, думал, что, допуская посетителей, Шолохов беседует с ними целыми часами. А мне бы хоть поглядеть на него, нечаянно удостоиться какого-нибудь мудрого благословения. Какого? Не знаю. Поддержкой будет сам факт свидания? Нельзя теперь разобраться в смутном заполошном чувстве читателя, который рад был своей любовью отнять у писателя драгоценное время и, уезжая, воскликнуть: «И я там был!»

В Вешенской я два дня заставлял себя нырнуть в зеленую дверцу шолоховского забора. Уж много раз я прошел мимо. Меня подбадривали хозяева, у которых я остановился. Тогда в сельских домах продолжалось еще старинное гостеприимство, почти в любой двор пускали приезжего, стелили ему на ночь, кормили и подолгу разговаривали. И воротца Шолохова тоже ничем в светлый час не запирались. Я прошел по дорожке к высокому крыльцу. Шолохов (в безрукавной рубашке навывпуск) как будто ждал дорогого гостя – стоял наверху и курил. Но его взгляд почему-то был строг. Пока я поднимался, потом здоровался, извинялся за беспокойство, он менял, конечно, всего обсмотрел. Вид у меня, надо сознаться, был великолепно-стиляжный: цветная рубашка, узкие брючки, курчавая грива ползла на воротничок.

– Что скажешь? С чем пришел?

Я что-то пробормотал о том, что я студент, еду с Московского международного фестиваля (куда меня никто не приглашал), соскочил вот в Миллерово с поезда, захотелось поглядеть, где жил Григорий Мелехов.

Шолохова это нисколько не тронуло.

– Чей ты сын?

– Мать малограмотная, отец погиб на фронте... Они тут недалеко родились, в Бутурлиновке.

Видимо, я пытался приблизить себя к Шолохову хоть... географически – через родителей, но все-таки.

– Тебе, наверно, денег надо? Промотался на фестивале? С матери, наверно, последнюю копейку тянешь? Вы теперь такие сынки: дай да пришли. Я б тебя в колхоз отправил – полоть, сено сгребать, чтоб заработал в поту, а потом разъезжал.

Я молчал, подкошенный. Папироска потухла в руке Шолохова.

– Мне на занятия в институт... – сказал я, чувствуя между тем себя в полной отцовской власти писателя и боясь, как бы он меня вразправду не отправил в колхоз.

Боже мой! – читал «Тихий Дон», «Поднятую целину» и самого главного не ухватил. Он и должен быть таким прямым и суровым, ведь он описал трагедию величайших событий, он видел страдания на фронте, у него Григорий поднимает глаза на черное солнце! А я перед ним в этих узких брючках, за которые нас гоняли и презирали старшие. Чего со мной нянчиться и гутарить о литературе?! И он сказал то, что сказал бы каждый крестьянин родному сыну или соседскому мальчику.

– Матери помогать надо, а потом поездишь и писателей посмотришь. Она огород у тебя поливает, а ты на фестивале. Мать беречь! И учись. Заканчивай институт. Вам сейчас все дано. Заканчивай и поезжай в кубанскую станицу, да не сбегай, учи детишек. Я суровую школу жизни прошел. Мы того не имели, что

вам досталось. Понял, сынок? Иди, меня Москва к телефону вызывает. Тебе на дорогу дать денег?

Теперь, когда его уже нет, я почти со слезами вспоминаю эту короткую встречу.

Еще один раз видел его мельком в гостинице «Москва» в 1965 году. Он шел с ключами к своему номеру – в каракулевой шапке, в пальто. Я только с почтением посмотрел ему вслед. Я уже печатался, но первых своих книжек ему потом не посылал, писем не писал; однажды, по настоянию А. В. Калинина, передал Михаилу Александровичу «Осень в Тамани» да к его 75-летию написали мы с товарищами из Коктебеля теплое поздравление с репродукцией «Троицы» Андрея Рублева.

Вот это и все. А мне кажется, будто я прожил рядышком с Шолоховым долгие годы. Что ж, самая ранняя пора любви к литературе, ко всему крестьянскому связана у меня с ним, и это не без влияния его простоты я весь притянулся к брянским старикам, о которых был мой первый рассказ, и не без уроков шолоховского милосердия к человеку писал свой роман о кубанских казаках.

**Георгий Васильевич
ЕФИМОВ**

Родился 10 мая 1936 г. в г. Миассе Челябинской области. В 1955 г. окончил Мехонскую среднюю школу, потом Петуховский техникум сельского хозяйства. В 1958 г. стал сотрудником Мехонской районной газеты «Путь Ленина». С той поры до выхода на пенсию в 2006 г. работал и печатался в районных газетах в Каргапольском и Далматовском районах, а с 1980 г. служил на различных должностях областного радио в Кургане. Окончил заочно три курса Свердловского юридического института, а также курсы Московского Всесоюзного института повышения квалификации работников радио и телевидения. В 1970–80-е гг. короткие рассказы публиковались в районной газете «Далматовский вестник».

ПРЕМЬЕРА

Свистнешь в одном конце – на другом краю собаки залают. Если случится что, перекуды во всех домах идут. А о нашей премьере, что состоялась два года назад, говорят до сих пор. И я тот день никогда не забуду.

Тогда мы готовились к открытию нового клуба. Строили его долго и наконец достроили. К этому времени мы решили поставить пьесу. Взялся за это дело бригадир Михаил Иванович – он в техникуме когда-то играл в драмкружке. Отыскал он пьесу Анатолия Олейчика «Счастливый конец». Распределили роли. Мне, как самому молодому, поручили быть женихом, а в невесты мне досталась Настенька Пахомова – учетчица, девушка гордая и красивая. Ей, можно сказать, себя пришлось играть, даже имя у героини было такое же – Настенька. А вот мне потруднее было. Родители мои по пьесе – профессора, а я оболтусом (тоже по пьесе) рос. Вот и решили они меня на Настеньке, простой работнице стройконторы, женить. Чтобы этим, так сказать, приблизить к труду и через будущую жену перевоспитать. Роль отца играл шофер, представительный такой, Артем Романович Золнн. А мать – заведующая фермой Анна Максимовна Степанова. Она тоже женщина ладная.

Шли репетиции своим чередом. Приближался день премьеры. И все бы ничего, если бы не Иван Тропин. Иван – бульдозерист, жил в соседнем селе. Когда он с Настенькой познакомился, не знаю, только зачастил он в нашу деревню каждый день. На одной из репетиций Настенька говорит: «Не буду я играть». Режиссер наш даже на стуле подпрыгнул:

– Ты что это задумала? Ведь премьера!

Тут все на нее набросились. Как-никак впервые в нашей деревне клуб и впервые своими силами пьесу ставим. А она чуть не плачет.

– Да у меня, – говорит, – вся жизнь из-за этого может сломаться. Ведь всенародно должна поцеловаться с этим, – и она так на меня посмотрела, что мурашки по коже пробежали. – А вдруг Иван мой на премьеру придет?

Думали мы долго и решили так. Заранее о дне постановки не извещать. А как узнаем, что Иван Тропин отлучился куда-нибудь из села, сразу это дело и скрутим. И вот однажды Михаил Иванович в обед нас собрал. Точно, говорит, узнал, что Иван сегодня в райцентр уехал дня на два. Так что вечером премьеры.

Всей деревней в клуб пришли. К нам за кулисы чуть ли не каждый заглянул, поздравил. Бригадир сначала речь сказал о развитии искусства, потом объявил, кто какую роль будет исполнять. И мы начали. Волновались страшно. Дошли до четвертой, предпоследней картины. Действие это происходило в профессорском доме, в гостиной. Родители мои оставили нас с Настенькой, сами в кабинет ушли. Здесь мне по ходу действия Настенька должна была по-настоящему понравиться, и я должен был ее поцеловать.

На репетициях мы с ней всегда это место обходили. Но здесь сцена, зрители смотрят. Я свою реплику, что перед поцелуем, сказал и стою как истукан. Режиссер наш новоявленный из-за кулис шепчет: «Обнимай, обнимай!» Я думаю: была не была – руки в стороны и к ней. Она покраснела вся и пятится. Вдохнул я полной грудью воздух и, как с обрыва в реку, к ней. Обнять-то я ее обнял и поцеловал даже, да лучше бы этого не делал. Вырвалась она – и на край сцены. Растерялся я не только от этого, а потому, что режиссера нашего, Михаила Ивановича, увидел за кулисами. Стоял он, как немая статуя, с раскрытым ртом и в зал глаза таращил. Взглянул туда и тоже обомлел. К сцене подбирался Иван Тропин. Спокойненько так подошел, Настеньке руку протянул и в зал увел. Зрители пока ничего не поняли, думали, наверное, что так должно быть по ходу действия. Сидят они и зыркают глазами: на меня – на Ивана, на меня – на Ивана.

Режиссер наш первым пришел в себя, да не совсем, видно, шипит: «Занавес давай, занавес!» А какой там занавес, у нас еще и тряпки-то никакой не повешено. Не знаю, что было бы дальше, если бы не Артем Романович, который отца моего играл. Вот уж если у кого артистические способности, так это у него. Выходит он из кабинета (из-за кулис, значит) и как ни в чем не бывало спрашивает:

– А где Настенька?

Я молчу, не понимаю, к чему он клонит.

– Так, – продолжает он, – значит, Ваня ее увел? Я все видел. И правильно он сделал. Растяпа ты, вот кто! Проворонил невесту.

Спускается он после этих слов в зал, берет Ивана за руку и говорит:

– Отличный ты, Ваня, парень! Делаю я тебя своим приемным сыном. Пойдем с мамой знакомиться.

И ведет Ивана с Настенькой снова на сцену за кулисы. Зрители загудели одобрительно, а Михаил Иванович, воспользовавшись паузой, объявил:

– Антракт!

Пьесу-то мы все же доиграли. Только в конце действия вместо меня на Настеньке Иван женился. Словом, концовка наша – сплошная самодеятельность была. Вот так. И к лучшему. Через месяц в этом самом клубе мы настоящую свадьбу праздновали – Ивана и Настеньки.

И драмкружок наш не распался. Нас после той премьеры (прошла-то она с большим успехом) на районный смотр пригласили. А как ехать, пьеса-то изменена.

Думали, думали и решили самому Олейнику написать:

«Уважаемый Анатолий Иванович! Очень понравилась нам ваша пьеса «Счастливый конец». Недавно мы поставили ее в день открытия нашего деревенского клуба. Большое спасибо нам за это сказали, а мы вам его адресуем. Только вышла у нас, уважаемый Анатолий Иванович, одна неувязка. Разговор это длинный. В общем, в четвертой картине второго действия мы ввели новый персонаж – бульдозериста Ивана Тропипа. Супруги Дмитрий Макарович и Анна Максимовна по ходу действия усыновляют его, и он женится па Настеньке. Простите нам нашу вольность и не судите строго».

Через полмесяца пришел ответ: «Дорогие коллеги! Я вас не случайно так называю, потому что и вы сейчас причастны к авторству. В первоначальном варианте у меня тоже был образ, только не бульдозериста, а каменщика, и концовка примерно такая же. Так что вы воплотили, так сказать, первоначальный вариант моей пьесы. Что же, я на вас не обижаюсь и благодарю, что вам понравилась моя работа.

Разрешаю вам ставить «Счастливый конец» в измененном варианте.

Искренне ваш Олейник».

Сейчас этот ответ драматурга и грамота с районного смотра висят в клубе в рамочках на самом видном месте.

КАТАСТРОФА

– НЕТ, нет и еще раз – нет!

Иван Петрович в сердцах бросил телефонную трубку.

– Надо же, – обратился он к сидящему у дверей шоферу Пете Лобову. – Третий раз в день и все об одном и том же – подай им самодеятельность на городской смотр. А у меня по штату артисты не положены, у меня особое производство, и в штате у меня особые люди – контингент!

И Иван Петрович многозначительно поднял кверху палец. Так он всегда делал, когда произносил малопонятное слово.

– А может, все же попробовать? – начал молчавший до сего Петя. – Я, например, до прихода к вам в драмкружке был, сам сценки сочинял. Да и молодежи у нас много, в одной только прачечной...

– И ты туда же? – сердито перебил его Иван Петрович. – Тебе что, премию за это начислят? И вообще, занимайся своим делом. К двум часам подашь ко мне домой машину, – тоном, обозначающим, что разговор окончен, заключил Иван Петрович.

Оставшись один, Иван Петрович поудобнее устроился в кресле и постарался побыстрее забыть о звонках из районного отдела культуры. Звонили ему перед намечающимися городскими смотрами не первый год, – видимо, так было положено. Всем руководителям звонили. А потом оставляли в покое. Иван Петрович самодеятельность не любил, да и вообще артистов считал людьми второстепенными. На концерты не ходил. Только раз жена чуть ли не насильно затащила его в РДК на концерт заезжих артистов – на ансамбль цыган. Пришли они поздно и купили билеты на приставной первый ряд. Весь концерт Иван Петрович с подозрением посматривал на сцену и принохивался, а в антракте высказал своей супруге предположение: «Под градусом они. Не могут трезвые люди вот так выкаблучивать на сцене». Во втором отделении, когда молодая цыганка под перебор гитар упала на

авансцене, подергивая плечами и озорно приподнимая подол платья, Иван Петрович пришел к твердому убеждению: «Пьяные».

Был он человек-трезвенник, за что его и держали на руководящей работе, приводя в пример другим. Иван Петрович университетов не кончал, зато имел свои твердые убеждения. Возглавляя коммунальное хозяйство в городе, ходил без выговоров и в штате держал людей непьющих, за что опять же ставился некоторым в пример.

После тех злополучных звонков и неприятного разговора с Петей прошло более двух месяцев. Никто больше о самостоятельности Ивану Петровичу не напоминал, и жизнь его текла по привычному, годами выработанному руслу. Но однажды с очередной почтой на его столе появилось письмо. «Опять жалобщик какой-нибудь», – с неприязнью подумал Иван Петрович, открывая конверт. Но, к его немалому удивлению, в конверте лежал... билет. На нем значились сегодняшняя дата, семь часов вечера, четвертый ряд, пятое место. Долго пришлось бы гадать Ивану Петровичу о столь неожиданном послании, не прерви его размышление телефонный звонок.

– Иван Петрович? – сказал на том конце провода приглушенный голос. – Билет получили?

Голос был председателя горсовета, только почему-то чуть приглушеннее и немного с хрипотцой.

– Так что просим сегодня на совещание, – донеслось из трубки, – не опаздывайте.

На том конце щелкнуло, и послышались короткие гудки. Иван Петрович не успел в ответ и рта раскрыть, но перезванивать председателю горсовета не стал. Знал, что надоедать начальству лишний раз не стоит. Это было тоже его твердое убеждение.

К семи он был в районном Доме культуры. И снова немало удивился, встретив здесь самую разношерстную публику. «Так, – подумал Иван Петрович, – видимо, новая форма общения с массами. Сбор по билетикам – и массовость».

Он занял свое место, удобнее положил на колени папку, в которой находились все данные и выкладки по коммунальному хозяйству на пять лет вперед и на десять лет назад (поэтому никаким вопросом никогда его нельзя было застать врасплох), и осмотрелся. Чуть впереди он заметил председателя горсовета, рядом с ним были другие руководители района и города, и успокоился. Тревожное чувство, которое мучило его с утра, пропало.

А тем временем свет погас, и на сцену вышли двое. В одном из них он без труда узнал своего электрика Ваську Зверева. Только был он не в обычной телогрейке, а в черной элегантной тройке с бабочкой. И говорил красивым баритоном: «Начинаем заключительный концерт коллективов художественной самодеятельности города!»

«Так, – снова отметил про себя Иван Петрович, – еще одно новшество – причают к культуре».

Он смотрел на сцену сначала скептически, сложа руки на коленях. Потом незаметно для себя увлекся. А когда объявили, что русскую народную песню «Вдоль по Питерской» исполняет Валерий Дмитриев, а из-за кулис вышел директор маслозавода Валерий Николаевич, Иван Петрович оживился, стал ерзать в кресле и попытался заговорить с соседом. Но на него зашикали. Иван Петрович смущенно замолчал и по забывчивости выпустил из рук объемистую папку. Та клеенчато шмякнулась об пол, и со всех сторон снова зашикали.

Этот небольшой инцидент еще больше нарушил равновесие начальника комхоза, и он даже не сообразил вначале, о чем объявил ведущий дальше. И только когда на

сцене за столом степенно расселся его шофер Петька Лобов, разложил перед собой бумаги, поправил на носу бутафорские очки и погладил лысину на парике, Иван Петрович понял: сейчас произойдет что-то страшное, непоправимое. А Петька, обращаясь к публике грубоватым (совсем даже не своим) голосом, изрек: «Нет, граждане, в моей конторе артистов не водится. У меня коллектив – контингент!» И он многозначительно поднял над головой палец.

Иван Петрович хотел незаметно встать и улизнуть, но зал был переполнен, и он понял, что это ему не удастся. Тогда он, махнув в душе на все рукой, продолжал смотреть на сцену. А там действие развивалось своей чередой. Начальник (Петька) попадал в нелепейшие положения. Сослуживцы (и все с его, Ивана Петровича, предприятия) устроили своему начальнику концерт. Чего только тут не было! И танцы, и песни, и соло на гармонике. А частушки, что ни куплет, то взрыв хохота в зале. Шустрая Валька, что работает в бухгалтерии, с перестуком вылетела на сцену и, подбоченясь, запела:

Я милого полюбила,
Что терпенья больше нет.

Свои чувства объявила,

Он в ответ мне:

– Контингент.

Зал долго аплодировал. Кричали: «Браво!», «Молодцы!»

Сразу же после концерта председатель горсовета поднялся на сцену, поздравил артистов и присутствующих с праздником искусств и стал объявлять итоги смотра.

– Третье место, – сказал он, – по единодушному мнению жюри присуждается впервые выступившему коллективу художественной самодеятельности коммунального хозяйства. По установившейся традиции почетной грамотой награждается и руководитель предприятия Иван Петрович Дудкин.

После этих слов Иван Петрович готов был сквозь землю провалиться. Но делать было нечего. Он встал, при этом злополучная папка снова клеенчато шмякнулась на пол, и стал пробираться к сцене.

Домой он пришел мрачный. Вечером угрюмо сидел за столом, потом достал из шкафа графинчик и остограммился. Этим самым привел в замешательство супругу, которая отлично знала, что муж доставал графинчик лишь по праздникам. Ложась спать, он ни с того ни с сего спросил: «А ты никогда не пробовала петь?» Этим он еще больше привел в изумление супругу.

Утром на работе Иван Петрович собрал всех в красном уголке.

– Значит, так, – сказал он, когда все собрались. Хотел погладить лысину, но сразу отдернул руку. – Значит...

Но закончить фразу не успел. Со стула поднялся Петька Лобов.

– Вы, Иван Петрович, наверное, будете выяснять о концерте, о билете, о звонке от председателя горсовета? Так это я, один я. И звонил – я.

В доказательство Петька прикрыл рот рукой и надтреснутым баском проговорил: «Иван Петрович? Билетик получили?»

Петька замолчал, потом начал снова: «Не хотел я вас обидеть, а вот за ребят обидно было. У нас ведь что ни человек в коллективе, то талант. А знаете, как занимались все? От души! А то от одной работы и засохнуть можно. Так что простите, если что не так. Насчет работы я понимаю, я и уйти могу.

И он сел. А Иван Петрович, может быть, впервые за много лет улыбнулся. И стал он от этого красивее и даже моложе.

– Ты, Лобов, речей мне здесь не заворачивай! Я, может, из-за твоей этой самой, – он покрутил рукой, подбирая слова, – в общем, ночь сегодня не спал. Я, может, другим человеком сегодня стал. Ведь для меня вчерашний вечер как катастрофа.

Иван Петрович замолчал, сам испугавшись, что сейчас наговорил. Вроде бы не его это слова, только голос его, голос его говорит. Потом, махнув рукой, продолжил:

– Э, да что там вспоминать! И собрал я вас не для того, о чем ты, Лобов, подумал. Хотел перед всем коллективом спасибо сказать нашей самодеятельности. Думаю, надо рамку сделать, грамоту туда и фотографии наших артистов. Хотя у нас, правда, не театр здесь и коллектив мой...

– Контингент, – хором подсказали в зале.

– Вот именно. Я ведь не против всяких там концертов. Я сам в детстве на обыкновенной расческе «Дунайские волны» наигрывал.

– Да ну? – недоверчиво переспросил кто-то в зале.

– Вот вам и «да ну»!

Иван Петрович полез в карман за расческой. Кто-то подал ему оберточную конфетную бумажку...

Опоздавшие на совещание были немало удивлены, услышав за дверями красного уголка непонятные писклявые звуки. А потом полилась оттуда с присвистом мелодия старинного вальса...

ЛАСТОЧКА

Прямо перед нашей деревней тянулась поскотина. Весной после потайки на ней буйно зеленела трава, белыми россыпями цвели клубнички. Летом под солнцем травы жмякли, поскотина сплошь покрывалась желтыми пятнами и от деревни казалась старой и застиранной тряпицей.

С ранней весны и до поздней осени здесь паслись колхозные и домашние коровы, кони. Коней было не так уж много, вместе с жеребьями штук двадцать пять-тридцать, не больше. От коров держались они всегда в стороне. Мы, мальчишки, знали их всех по кличкам, могли узнать не только по ржанию, но даже и по топоту. Потому что у каждой лошади, как и у человека, разные голоса и походка.

С конями приходилось нам иметь дело часто. Все лето на сенокосе возили копны, гоняли лошадей на водопой, мыли на песчаной отмели теплой, насквозь прогретой жгучим солнцем водой. И конечно, у каждого из нас были свои любимцы и любимицы.

Я, выросший в городе, побаивался коней. Мне всегда доставалась какая-нибудь из старых послушных кобылиц, которая ходила нехотя, переступая ногами. Требовалось очень много усилий, чтобы ее хотя бы ненадолго пустить галопом. Другие мальчишки гоняли на лошадях без седел и даже без всякой подстилки под заднее место. Я всегда подкладывал фуфайку и все равно в кровь сбивал ягодицы – так неуверенно, а главное, непрочно держался верхом.

У каждого из моих сверстников была заветная мечта – прокатиться на Соколе. Сокол стройный, тонконогий, серый в яблоках председательский жеребец.

Держали его в отдельном стойле, ухаживал за ним сам конюх, не доверяя больше никому. Был жеребец очень красив, горяч и своенравен. Запрягали его только в тарантас или санную кошевку с длинными оглоблями, потому что Сокол при беге далеко назад откидывал задние ноги и при коротких оглоблях мог в кровь разбить их.

Бежал Сокол, всегда откинув вбок голову, поводья налитыми кровью глазами. Часто ни с того ни с сего приходил в ярость. Он не раз в щепы разбивал стойло, напрочь грудью выносил в конюховке ворота и давал себя взнуздать и успокаивался только в умелых и добрых руках конюха. Погиб Сокол нелепо. Однажды стоял запряженный около конторы, услышал ржание кобылиц, рванулся, порвал ременные вожжи, одним махом перелетел через высокий заплот. Но тарантас зацепился колесами, Сокола дернуло назад, и он повис на заплоте, распоров брюхо острым колом.

И все же из всех коней мне больше всего заполнилась Ласточка. Была она немолодая, но очень подтянутая и очень красивая кобылка. Чалая, с белыми чулками на ногах и белой звездой на лбу, она, в отличие от других лошадей, даже к весне, когда кони еле держались на ногах от бескормицы и шерсть на боках скатывалась войлоком, была все такой же чистой и опрятной. А еще – доброй. Ласковая по натуре, она всегда норовила потереться о тебя мордой, легко давалась стреножить себя и так же спокойно взнуздать.

Однажды летним вечером конюх запряг Ласточку в дрожки, и мы втроем с Санькой-разбойником и Толькой-черненьким поехали за 7 километров в соседнее село за почтой. Вечер был душный и жаркий. Ласточка полдороги бежала легкой трусцой, а мы сидели на дрожках и рассказывали друг другу страшные истории. За разговорами даже не заметили, что лошадь перешла на тихий шаг и неожиданно совсем остановилась. С горизонта небо затянуло, повеяло прохладой, и очень далеко, пока еще еле слышно, донеслись первые ворчливые раскаты грома.

– Ты что? – обратился Санька, как к человеку, к лошади.

– А может, чересседельник ослаб? – рассуждал Толька вслух, осматривая упряжь. Все было в порядке.

– Значит, волка почуяла, – предположил Санька, взял Ласточку под уздцы и потянул за собой.

Лошадь нехотя двинулась, бока ее неровно вздымались, как у загнанной.

А гроза все приближалась.

– Ну, так мы под ливень попадем, – сказал Толька-черненький. – Гнать надо, а то не поспеем. Он ударил Ласточку вожжами, понукнул, снова ударил.

Она вздрогнула всем телом, дернулась, пустилась мелкой, какой-то неуверенной рысью. И вдруг заржала. И столько грусти, тоски и безудержной боли было в ее лошадином крике, что нам стало не по себе.

Мы забрали почту, обратно возвращались уже при сплошных сполохах молний. Ласточка бежала все хуже и хуже, в конце вообще кое-как плелась, понуро опустив голову. Что с ней случилось? Может быть, открылась какая-нибудь застарелая хворь и она почувствовала приближение своего конца? Наверное, потому и остановилась она на полдороге, чтобы повернуть назад, к родной конюшне? Да разве могли мы с нашими небольшими мальчишескими познаниями мира понять лошадь, когда ой как мало знали о жизни, когда в самих себе, не говоря об окружающих, не могли еще толком разобраться.

Наутро мы узнали, что Ласточка тяжело заболела. Она лежала за стойлом, неловко запрокинув большую голову. Бока ее тяжело и отрывисто вздымались. Мы натащили ей вареной картошки, кусков хлеба, надергали травы.

К еде она не притрагивалась. В те послевоенные годы ветеринара ни у нас в деревне, ни поблизости в округе не было. Лечением коней занимался сам конюх. Он осмотрел Ласточку, отогнув губу, заглянул ей в зубы, легонько попинал в бок, вздохнул и сказал: «Зараза какая-то пристала. Зарезать придется».

Мужики кое-как взвалили ее на телегу, отвезли в ближайший, заросший осинником и кустами черемухи овраг. Мы шли за телегой, не стыдясь катившихся по щекам слез. А когда Ласточку свалили на траву, заревели так дружно и в голос, что конюх покачал головой, махнул рукой и сказал: «Ладно, ухаживайте за ней, может, отлежится». Они уехали, а мы остались растерянные от свалившейся на нас ответственности, рядом с бедой. Что делать? Решили бежать домой и тащить все, какие у кого есть, лекарства, лакомства.

С того часа у нас не было большей заботы, чем о здоровье Ласточки. Не знаю, помогли ли валерьянка и какие-то порошки, что мы сумели достать, или лесной воздух, наполненный ароматом трав, или наши ласковые слова, но Ласточка стала постепенно отходить. На ноги она еще не поднималась, но понемногу пила принесенное нами теплое пойло, брала мягкими губами с руки картофельные оляпки. Глаза у нее повеселели, бока стали вздыматься тише. Дней через шесть-семь она, к великой нашей радости, встала на дрожащие ноги.

Помню, с какой неслыханной радостью вели мы ее, исхудавшую, в деревню к конюшне. Неуверенно переступая, она подошла к знакомым воротам, подняла голову и тихо заржала.

**Татьяна Николаевна
КОРОСТЕЛЕВА**

Родилась в 1955 г. в деревне Осокино Далматовского района Курганской области в крестьянской семье. Окончив Шадринский педагогический институт, в течение двадцати пяти лет работала учителем русского языка и литературы в городе Далматово. Печаталась в районных газетах, в областной молодежной газете. Были публикации в журналах «Урал», «Наука и жизнь», «Тобол», альманахах «Исеть», «Родник». Принимала участие в областных телевизионных передачах, посвященных поэзии. Была участницей открытых литературных конкурсов имени В. И. Юровских «Своя песня». Живет в городе Далматово Курганской области.

ТЁТЯ СОНЯ

Воссоздавая прошлое, оказываясь в сладком плену воспоминаний, я все чаще размышляю над многочисленным разбором сородичей, как живых, так и почивших.

Не в упрек, не в ущерб нежно любимой матушке, перед мысленным взором встает и образ Софьи Александровны П. Я далека от мысли идеализировать родную тетушку, но об одном из ее талантов не могу умолчать.

По происхождению будучи истинной крестьянкой, Соня увлеклась математикой и после окончания школы-семилетки поступила в педучилище.

Шла война, и деревня наделяла своих студентов в лучшем случае пресным хлебушком. Деньги в семье Сони не водились, и добираться до небольшого районного городка приходилось на подножке товарного вагона, да еще обмирать от страха, как бы мешок с преснушками, недельным пропиталом, не украли мошенники.

Ппульсирующая крестьянская жилка помогала Соне преодолевать трудности. Училась она легко, в решении особо трудных задач и уравнений помогала подругам.

Последний экзамен на учительницу Соня держала в приподнятом настроении, уже была известна дата вручения дипломов. Но в народе говорят, что не всегда, когда поет петух, наступает утро. То ли от волнения, то ли по досадной случайности Соня допустила в диктанте ошибки, потянувшие на «неуд.».

Обидно, горько, что и говорить, но к такому переверту судьбы она отнеслась спокойно, от пересдачи экзамена отказалась. Отринув сочувствия, сантименты, Соня поступила в бухгалтерскую школу, окончив которую начала работать бухгалтером в одном из городов Среднего Урала.

Но ее педагогический талант не пропал втуне. Пропустив вереницу послевоенных лет, Соня по доброй воле стала для меня, деревенской девчушки робкого десятка, домашней учительницей, а если подумать, оставалась ею всю жизнь.

У моих крестьянствующих родителей недоставало умения, а может, и сил, чтобы заниматься со мной. Работа до седьмого пота – это про них. Мама тратила свободное от управ время на штопанье одежды, постановку заплат. Отец, молчаливый по характеру, отгораживался, шелестел по вечерам страницами газет.

«Когда я пойду в школу?» – спрашивала я бабушку. «На прок», – отвечала не умеющая ни читать, ни писать старушка. «Когда приедет тетя Соня?» – снова и снова теребила я бабушку за оборки фартука.

Она предлагала погадать, и вот мы гадаем, как встарь, на моих пальчиках, а тетя Соня уже на пороге и улыбается.

Пока она снимала пахнущее духами шелковое платье и облачалась в мамин халат, я не отводила глаз от ее походного баула. После обязательного кулечка шоколадных конфет тетя доставала другие «сладости» – книжки для детей. Самой читаемой у нас была сказка «Белочка-умелочка» курганского поэта Леонида Куликова. Прочно осели в памяти сизоватый цвет обложки, пятнадцать страниц прекрасного текста.

Терпеливо, с идущей от сердца ласковостью в голосе читала мне тетя Соня детские книжки, работала над развитием речи. В моем речевом арсенале преобладали слова местного говора.

«Кто это?» – задала однажды тетя вопрос, указуя в книжке на косолапого обитателя лесов. «Мидвидь», – промолвила я тихим испуганным голосом. «Нет, Танечка, надо сказать: медведь», – поправила добровольная учительница и продолжила занятие.

В одной чеховской пьесе страдающая от неразделенной любви героиня заметила, что когда женщина некрасива, то ей говорят: у вас прекрасные волосы. Я бы не рискнула счесть тетю Соню некрасивой, но при далекой от совершенства фигуре ее волосы были прекрасны. В виде тяжелых кос она закрепляла их костяными шпильками на затылке.

Предъявляя к мужчинам завышенные требования, Соня пребывала в стародевичестве и все отпуска находилась у нас в деревне или, как она говорила, дома, не считая домом городскую квартиру.

За разное лето деревенского лета: варкой варенья, сбором грибов – тетя Соня образовывала меня, хотя школьницей я была примерной и училась без троек.

Если говорить о литературе, то наши взгляды, суждения идеально совпадали. Яркое тому доказательство – стихотворение Ивана Никитина «Утро» («Звезды меркнут и гаснут. В огне облака. Белый пар по лугам расстилается...»). В порывах вдохновения тетя читала это произведение. Оно сделалось любовью и моей жизни, так сильно в нем чувство Родины.

Я поступила в пединститут и перед отправкой на урожай выкроила время для поездки в знакомый с детства Каменск-Уральский, дабы обрадовать ту, что горела желанием, чаяла видеть меня учительницей.

В ателье, где тетя Соня вела бухгалтерию, было срочно заказано шерстяное платье строгого фасона. «Будешь в нем ходить на лекции», – решила она.

Из богатых писчебумажных запасов ее рабочего стола я выбрала себе символический подарок: общую тетрадь в твердой обложке и неподточенные двухцветные карандаши.

Здесь можно опустить период студенчества, в конце которого теплым весенним днем нарядная, в светло-сиреневом платье, я получила диплом учительницы русского языка и литературы.

Тетя навещала меня, уже работавшую в школе, и каждый раз это было праздником. Она просматривала мои поурочные планы, журила за промахи, но не обидно, любя, как это умела делать только она.

НЕОЖИДАННОЕ ПРИЗНАНИЕ

Зима дотерпливала свой срок. На оттаявших тротуарах городских улиц стала промокать обувь, машины брызгали водой из-под колес.

Я боялась проморгать весну и, отложив дела в долгий ящик (лежи, моя куделя, целую неделю), подалась в родную деревню.

Загодя, за версту от Осокиной, я высадилась из автобуса и обомлела-замерла, очутившись в беспредельном океане солнечного света.

В пользу весны на моих глазах поминутно совершались неисчислимые перемены. На тополях Рондовского сада горланили белоклювые «ораторы» – грачи. Обласканные солнцем, лопались, попыхивали пылью бурые сережки ольхи.

Я вгляделась с-под ладони вдаль и, завидя крышу отчего дома, ходко заотшагивала проселком, а в ограду вбежала стремглав.

«Легка ты на помине, Татьяна, – воскликнула вышедшая на крылечко мама, – мы с папкой только что говорили о тебе».

Благодаря стараниям мамы в доме пахло весной. На кухне была выставлена одна тепловая рама и на подоконнике стояли ящики с распикированной рассадой.

Пока я меняла безликий костюм на платье в мелкий слепой горошек домашнего пошива, мама достала из печки нашу простую, ничем не приправленную груздянку-грибовницу.

Помощниц и управниц на хозяйстве не было, все держалось на маме, и после обеда она ушла по делам, а отец, чтобы избежать скопления талых вод, занялся уборкой снега за оградой.

Оставшись одна, я расположилась в горенке, где всегда хорошо работалось. Наша горница – с Богом неспорница, властительница дум. Сколько там прочитано книг, излито откровений! Два солнечных южных окна давали горенке и, как следствие – мне, обилие света, светлынь.

В творческом горении и поиске я сидела над заветной тетрадью, излагая чувства, ускоренные, продвинутые весной:

Играет вешняя вода.

А я стою в обнимку с ивой,

А я опять пришла туда,

Где ты назвал меня красивой.

Шуми, разлапистый кленок,

И выбирай свою березку.

Кто бросит ландышей венки

В мою летящую повозку?

Неожиданно с улицы донеслись мужские голоса. Я глянула в окно. За оградой отец разговаривал с молодым мужчиной, в котором я без труда узнала Ивана, коренного осокинца. Доходили слухи, что работал он где-то на Севере и, не забыв родное поселье, вернулся.

Я не удивилась, потому как Иван еще подростком возымел уважение к моему отцу, бригадиру полеводческой бригады. Этот обстоятельный паренек ночевал иногда на конном дворе, чтобы первым записаться на работу.

Меня разбирало любопытство, и, чтобы расслышать, о чем шел разговор за оградой, я вышла на кухню, где была вынута тепловая рама.

Отец с Иваном обменялись информацией, и уже после рукопожатия, прощаясь, Иван произнес: «Знаете, дядя Коля, я всегда любил вашу дочь».

От услышанного я на миг оцепенела: откуда такое неожиданное признание? Но, подумав, прояснила для себя, что дыма без огня не бывает. Со школьных времен Иван постреливал на меня глазами и тут же, смутившись, отводил синий взгляд. Заговорить со мной он так и не отважился, но сердце не может долго молчать, тем более все сложилось как в песне: деревня, где родился и рос, знакомые лица и, конечно, весна.

С той далекой лучезарной весны я не встречала Ивана. Не встречала, потому что нет мне пути в родную деревню, горбылем заколочены окна отчего дома.

Но по теплу расцветают в Осокиной вербы и ольшаники, гамят грачи, витают в воздухе и срываются с уст пылкие признания в любви.

ПОЭЗИЯ

**Анатолий Владимирович
АРЕСТОВ**

Родился 19 июня 1985 г. в городе Рубцовске Алтайского края. Учился на агрономическом факультете Пензенской ГСХА (2003–2007). Публиковался в журналах «Юность», «Наш современник», «Роман-газета», «Волга – XXI век», «Приокские зори», «Голбол» и других изданиях. Автор книг «В потоке поэзии» (в четырех частях) и книги малой прозы «Человек дальнего неба». Дипломант XIV Международного славянского литературного форума «Золотой Витязь» 2023 года за книгу «Небо над степью». Живет в г. Рубцовске Алтайского края.

УПОЕНИЕ

В июне дышится привольно
В душистых пойменных лугах,
Когда ночная тьма довольна
И оставляет на стогах
Под утро росные алмазы.
Стою в низине, где овраг, –
Там птицы пеньем ткут рассказы,
Благословляющие мрак
Ночной, насыщенный покоем.
Где ива – слышится: «Фьюить»,
В крапиве – трель особым строем
– Все благодарно в мире жить,
Молчать, роптать, вдыхать нектарный,
Немного пряный дух цветов.
Стою в низине, благодарный
Оврагу, лугу... Я готов
Обнять, впитать звучанье луга
В молчанье строгое, как немой,
И стать навеки лугу другом
И птичью трель забрать домой.

СЕРДЕЧНОЕ

В биении сердца сплошные загадки:
эмоции бьют, нарушая покой,
и сердце трепещет, и мы без оглядки
ругаем, и спорим, и машем рукой!
Сердечные драмы – так это другое
– законный полет полюбившей души.
И сердце трепещет, не зная покоя,
и вторят с небес: «До чего хороши!»

ПОД МАЙСКИМ ДОЖДЁМ

Сердце грозой насыщается майской,
словно любовью весенних небес.
Струи дождя из обители райской
падают скоро спасеньем на лес,
падают скоро спасением в поле,
падают скоро на крыши домов...
Молния режет пространство по воле
взгляду невидимых добрых богов.
Влагой холодной сирень окатило
быстро и сочно. Трясутся цветы.
Нет, не от страха божественной силы,
рады бесчисленным каплям воды.
Майской грозой насыщаются души,
словно любовью небесных высот,
что никому никогда не разрушить...
Падают капли. Сияет восход.

ДЕРЖАВА-СТЕПЬ

Зной в степи ласкает травы,
от полыни дух стоит.
Может, корни здесь державы?
Степь лежала, словно щит.
Я стою в траве по локоть,
мятлик тихо так шуршит.
Ветер гонит запах-деготь
– то от пижмы. Словно щит
степь лежала. Может, корни
здесь державы? Я стою.
Свет с небес пролился горний.
Травы шепчут: «Ты в раю!
Не молись на то, что бrenно.
Не впитай идеи ложь.
Пусть же будет откровенно
все на свете! Только дрожь
полевого ты простора
от волненья ковыля
позабудешь, друг, не скоро
и вернешься вновь, а я,
степь твоя, желанно встречу.
Я держава да поля!»
Наступал прохладный вечер
над волненьем ковыля...

**Маргарита
ГРАФОВА**

Автор трех книг. Печаталась в журналах «Аргатак. Татарстан», «День и ночь», «Север», «Берега», «Сибирь», «Новая Немига литературная» (Беларусь) и др., на сайте «Российский писатель», в международном поэтическом альманахе «45 параллель» и т.д. Финалист Международного Волошинского конкурса (2025), финалист Фестиваля им. Чижевского (2024, 2025), победитель Международного конкурса фантастической поэзии и прозы «Пласты и глубины» (2024), лауреат II Международного конкурса «ПРОгород» (2023) и других российских и международных конкурсов.

Создатель и руководитель литературного клуба «Черная фиалка» (г. Казань).

В «Тоболе» публикуется впервые.

АНГАРА

К Енисею юная Ангара
Удрала, строптивая, от отца...
Я же – дочь покорная и сестра,
Так и не дошедшая до венца.

Ты, Сибирь, мне мачеха, а не мать –
Девку не просватала молодой.
Кабы мне до милого добежать
По равнине с чистой речной водой!

На полвека спрятана среди скал –
Уж не стать невестою и женой,
В спину бросит камень седой Байкал,
Рассмеется бешено надо мной:

«Не диви-ка, дура, ты Божий мир,
Для обета брачного ты стара!...»
Равнодушно смотрит беда-Сибирь,
Тихо плачет мудрая Ангара.

В СИБИРЬ

Над просторами енисейскими
Замерзающих чаек крики и
Ледяные ветра осенние...
И опять я к тебе, Великая!

И опять я лечу, Светлая,
Чтоб лелеять тебя песнями.
Ты встречаешь, в меха одетая,
С чароитовыми перстнями,

Ожерелье – роса байкальская,
В диадеме – листва таежная.
Не подкупит Орда богатствами,
А силком удержат сможет ли?

ОМУЛЬ

Холод и лед Байкала –
Сказочная тюрьма.
Звезды нарисовала
Кистью по льду зима.

Воеет сибирский ветер,
Спит Ангара-река,
Омуль попался в сети
Старого рыбака.

Здесь я навечно дома
(К черту такой вот дом!),
Сердце – плененный омуль –
Бьется с байкальским льдом.

Было бы сбросить впору
Тяжесть сибирских уз,
Стать бы в Эгейском море
Лучшею из медуз!

Плывать среди кораллов,
Пестрых морских ежей...
Крепких оков Байкала
Мне не сломать уже –

Невоскресима сила
Раненых плавников...
Солнце встает лениво
Над Ангарой-рекой.

КРЕЩЕНИЕ

Если поэт не пишет,
Значит, еще не срок.
Время укажет свыше
Великодушный Бог.

Значит, уже отмечен
Краской календаря
Тот неизбежный вечер
Главного января,

Где по Господней воле
Все сотворится вдруг:
Рыба обрящет голос,
Свет превратится в звук,

Строки – в стихотворения,
Словно в вино вода...
Это – твое Крещение.
Это – твой Божий дар.

ПОЭЗИЯ

**Сергей Васильевич
ШИЛАКИН**

Родился 29 марта 1954 г. в городе Салавате. Окончил Ленинградский технологический институт имени Ленсовета. Издавался в различных поэтических сборниках в России и за рубежом, стихи печатались в журналах и альманахах «День и ночь», «Крещатику», Slovo/Word (Нью-Йорк), «7 искусств» (Ганновер), «Плавучий мост» (Дутсбург), «Журнал ПОэтов», «Простор» (Алматы), «Невский альманах», «Особняк», «Сура», «Дарьял», «Южная звезда» и др.

Лауреат премии литературного журнала «Сура» в номинации «Поэзия» (2013), дипломант II Международного конкурса переводов тюркоязычной поэзии «Ак Торна»; обладатель специальной награды – диплома Министерства культуры Казахстана за перевод казахских поэтов, победитель конкурса «Лучшее стихотворение 2012 года», проводимого еженедельником «Исток», II место Международного литературного конкурса «На крыльях грифона» в номинации «Поэзия» (2020), дипломант Международного литературного конкурса «Русский стиль – 2021» в номинации «Адам и Ева», финалист литературного конкурса им. Е. П. Гусева «Яблочный Спас» в номинации «Поэзия» (2022), лауреат премии литературного альманаха «Царицын» в номинации «Поэзия» (2022), лауреат Всероссийского поэтического конкурса «ВОЗРОЖДЕНИЕ РОДИНЫ» (2023), II место I Международного конкурса-фестиваля духовной поэзии «Покровская свеча» в номинации «Православная молитвенная поэзия» (2024), I место в поэтической премии «Глаголом жечь сердца» им. В. Маяковского (2025).

В «Тоболе» публикуется впервые.

УХОД ПОЭТА

День сейчас или вечер – тебе непонятно.
В сердце саднят занозы, и ноют предплечья.
Ты стихами бормочешь чего-то невнятно.
Так подходит к окраине жизнь человечья.

Спор предсмертный с собою, увы,
бесполезен.
Ведь Поэт – человек, не замеченный в торге.
Ты пронзить раньше мог Словом огненных
песен
так, как пикой пронзал Василиска Георгий.

Хочешь ты, чтоб тебя проводили сиренно,
и покрыл бы тебя с Неба плат Богородский,
и ушел чтоб ты в коме трехдневной
смирненно
не в чужбине далекой, как изгнанный
Бродский?

Чтоб тебя узнавали в словесных нарезках –
вечной жизни в Поэзии чем не критерий?

Запечатанный Дух в склеротических
фресках –
смертный лик – за тобой бдит со стенок
артерий...

НИНОК

В.С. Высоцкому

Округи нашей беспризорница,
судьбы бедовой бесприданница –
Хоть средь красавиц «третьесортница»,
твой лик в душе моей останется.

Твердят, что ты дружна с громилами
и даже дел их разработчица.
Все это писано, да вилами.
Мне верить в худшее не хочется.

Я «влип», тебе неся безропотно
свою любовь и уважение.
Увы, наивный и неопытный,
не чаял встретить отвержение...

Я жду, что боль моя отсрочится,
как skin шагреньевая сморщится.
Нинок – «ведунья и пророчица»,
а не заштатная уборщица.

Тонка, увы, терпенья кожица,
и страсть в глубинах сердца корчится.
От страсти жизнь моя кукожится.
Я весь в огне...

Мне очень хочется...

Ты, Нин, обычно привередлива,
глаза пылают запрещающе,
но тут кивнула мне приветливо
и даже многообещающе...

Я весь трясусь от ожидания,
все в горсть сгребая, что заначено, –
в жилище Нинкином свидание
мне ею в пятницу назначено.

СУДЖА

*Моему другу, воину-поэту Александру Вдовину (Друидычу),
погибшему на СВО 26 марта 2025 года*

Разжав зажатые уста,
Комбат про воинский устав
Напомнил дважды.

И речь его была груба:
«Их дело – ржавая труба.
Подохнет каждый» ...

Тихонько мы в трубу вошли –
Остатки газа глотку жгли,
И ныло тело, –
Чтоб нанести врагу урон.

Судьба в те дни со всех сторон
За нас радела...

Проход был труден. Например,
Мешал диаметра размер –
Всего в полроста.

Согнуть – да, служба не «щербет»! –
В сто три погибели хребет
Совсем не просто.

Мне, как и всем, хотелось жить.
Мы шли не подвиг совершить –
Не в этом суть же.

Вперед, по ржавчины крупе,
Ползли мы в газовой трубе,
Чтоб выйти в Судже...

АПЕЛЬСИНОВОЕ СОЛНЦЕ

В небе томно развалилось солнце цвета апельсина.
Шар воздушный мчится к краю, будто сорвана узда.
А внизу бликуют пики, словно габль ассасина
Иль огонь животворящий православного Креста.

Под корзиною мелькают бастионы Алькатраса –
Эти грозные строенья не похожи на Ростов.
По холмам ползет спиралью серпантинная трасса.
Между склонами – терраса мандариновых кустов.

Скалы древние заснули в белоснежном покрывале.
Словно ветреные птицы, мимо нас летят года...

Те красоты, что под нами этим летом проплывали,
Мы с тобою не увидим в жизни больше никогда...

Без любви быт груб для отщепенца.
В благодатном, праздничном миру
Ты – нектар для влюбчивого сердца.
Я – подножный корм под хванчкару.
Без тебя померк мой нрав уродский:
Мне, творцу скабрзных эпиграмм,
Стал несносен Колька Заболоцкий,
Чужд Рубцов, Иосиф Манделштам.
При любых раскладах, треволнениях
Мог бы, слившись с песней «Берега»,
В городах, в заброшенных селеньях
Рассказать, как ты мне дорога.

Камень перемолот.
Квохчет самовар.
Был когда-то молод
Ты. Изрядно стар
Нынче. Из розетки –
Хохот, ругань, вой...
Сгинувшие предки
Ждут тебя домой.

Число тринадцать – скверное число:
На нем нарост парадоксальных баек.
Оно враньем скабрзным проросло.
В нем слышен гомон агрессивных чаек.
Число тринадцать – только прогневи! –
Вмиг зарастут к бессмертию дорожки...
Но в этот день восторженной любви
Ты родилась. Ты – свет в моем окошке.

Бард с крохотным тавром провидца
Не смог к возлюбленной пробиться;
Не смог, сглотив гнев сернокислый,
В гранит внедрить слова и смыслы.
С беспамятством сроднив рассудок,

**Виктор Вячеславович
ХАТЕНОВСКИЙ**

Поэт, актер. Окончил Саратовское театральное училище. Публиковался в журналах: «Дальний Восток», «Нева», «Наш современник», «Дети Ра», «День и ночь», «Литературная газета», «Южное сияние», «Перископ», «Нижний Новгород», «Дарьял», «45-я параллель», «Зарубежные задворки» (Германия), «Эмигрантская лира» (Бельгия), «Слово-Word» (США), «Литературный Иерусалим», «Артикль» (Израиль), «Пражский Парнас» (Чехия), «Глаголь» (Франция), «Витражи» (Австралия), «Русские новости Нью-Йорка» и др. Живет в Москве.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Нырнул блаженный в Новогрудок,
Где средь раскормленных колдобин,
Как Робеспьер, звероподобен –
Враждует с правдой, бьет баклуши...
Смертельный враг творцу не нужен;
Бард сам, проклятья промурлыкав,
Готов стать жертвой алчных Бриков.

На задворках Дублина,
Сжав в ручонке трость,
Хворью приголублена, -
Вскармливаешь злость.
В зрелости, в Неаполе,
В твой проникнув храм,
В подворотнях плакали
Троцкий, Мандельштам:
«Прелесть, а не женщина!
Колдовской мираж!!!»...
Вдруг – как деревенщина –
Жизнь (под «Отче наш»)
Стерлась. Ты у пропасти,
В старческий галдеж
Вклинившись, без робости
Быстрой смерти ждешь.

С роскошной глупостью не споря,
Взбодрив кладбищенскую мглу,
С подследственным флиртует море,
Восторг растекся по стеклу.

Не все расстройства сердцу чужды:
Не расплескать, не приглушить
Прощальный гвалт ночной Алушты:
«С раскрепощеньем! Будем жить!»

МУЖСКОЕ КОВАРСТВО

Коварство женщины определяется степенью ее податливости и болтливости. Коварство мужчины – его немногословностью и отчужденностью. Все оттого, что мужчины и женщины используют для сокрытия своих тайных мыслей два разных способа: первые предпочитают больше молчать, чтобы ненароком не выдать потаенное, вторые – больше болтать о посторонних, не имеющих отношения к делу вещах, чтобы отвлечь внимание от истины.

Прочтя заголовок, редкий читатель не догадается, что речь пойдет именно о мужском коварстве. Хотя что о мужском, что о женском лучше говорить с теми, кто был в браке хотя бы месяц, если же человек в браке не состоял, то и говорить с ним об этих вещах – все равно что коту рассказывать о холестерине в сметане. Общеизвестно, что мужчинам живется гораздо легче, ведь в брак они вступают, как правило, позднее, а умирают раньше.

Тропинки, которые приводят мужчину и женщину на дорогу коварных интриг, тоже разные. Если какой-нибудь план быстро приходит даме в голову, то это – коварный план. Мозг мужчины тяжелее женского. А чем больше в мозгу извилин, тем легче идти прямым путем. Поэтому к коварству мужчины прибегают редко, вынашивают такие планы долго и исключительно под давлением обстоятельств непреодолимой силы.

Но как бы долго план ни обдумывался и ни вынашивался, тем не менее и в самой сложной паутине коварства всегда найдется слабое место, которое стоит лишь задеть, как рушится все хитросплетение. Причем задеть его можно даже неумышленно, ненароком, заранее о нем не зная. Но если говорить о женщине, то трудно судить, знала о нем она или просто догадывалась. А может быть, ни

**Сергей Аркадьевич
КОКОРИН**

Член Союза писателей России, председатель Курганской областной писательской организации и правления Курганского отделения Российского фонда мира, руководитель Ассоциации литературных объединений Курганской области.

Родился в 1955 г. в поселке Мишкино Курганской области. В 1978 г. окончил Курганский машиностроительный институт, в 2001 г. – Академию государственной службы при Президенте РФ. В 1996 и 2000 гг. избирался главой Кетовского сельсовета, в 2004 и 2009 гг. – главой Кетовского района Курганской области.

Автор более 20 художественных книг, в том числе публикаций в областных и районных газетах, в журналах «Сибирский край», «Тобол», «Родник», «Веси» и «Врата Сибири» (Тюмень). Член редколлегии журнала «Тобол».

то и ни другое, а просто черт знает что... Ведь, что такое женская интуиция, еще ни один мудрец не объяснил.

«Все счастливые семьи похожи друг на друга, каждая несчастливая семья несчастлива по-своему». А потому не будем рассказывать о том, как жила семья Балашовых двадцать пять лет. Достаточно сказать, что это была счастливая семья. Тучка на безоблачном до того горизонте появилась именно в день серебряной свадьбы. Появилась она в образе белого, как снег, двухмесячного щенка, смешного и обаятельного, породы золотистый ретривер.

Его подарили Деевы – двоюродная сестра Риты с мужем. Рита, супруга Александра Петровича Балашова, после того как сын после окончания школы уехал учиться в другой город, испытывала некоторое одиночество и потребность опекать кого-то беспомощного и послушного. Мужчины придумывают, для чего жить, а женщины – для кого. Петрович под категорию беспомощных и послушных не подходил. Во-первых, потому что на работе по двенадцать часов чуть не каждый день, а во-вторых, был достаточно самостоятелен даже в бытовых вопросах, и если Рите Балашовой удавалось влиять на супруга, то только благодаря тому чувству, которое возникло у Александра Петровича Балашова двадцать пять лет назад, когда он встретил красавицу Риту – комсомолку и спортсменку – невысокого роста хохотушку.

У Балашова почему-то сразу возникло ощущение, что щенка подарили не просто так, а по предварительному сговору. Потому что полгода назад Рита заводила разговор о кошечке или собачке, но Александр Петрович резко воспротивился, потому как никаких симпатий к братьям меньшим не испытывал и не желал жить с животными в одном помещении. Оттого в семье возникла некоторая напряженность, которую Рита пыталась снять с присущим большинству женщин дипломатическим талантом:

– Ты посмотри, какой он красавец. Он будет тебя любить и слушаться. Представь, вы будете с ним гулять, и все будут на вас смотреть и восхищаться: «Ах, какие блондины идут! – У Александра Петровича была пышная седая шевелюра. – А тебе обаятельно гулять надо, Саша! Ты полсуток проводишь за письменным столом, оттого у тебя гиподинамия, гипертония и все прочее. Этот песик принесет тебе здоровье!

Назвали Сильвером. Пес был действительно общительным и ласковым, но ни о каком послушании и речи не было. Изгрызенные ножки столов и тумбочек, перекушенные провода и порванные ботинки стали раздражающей повседневностью. Тапочки и перчатки веселый щенок съедал целиком. При этом он искренне раскаивался и просил прощения, подползая к хозяйке на брюхе и стуча хвостом по полу. Самого Балашова он за хозяина не признавал, считая по рангу равным себе и даже ниже, видимо, потому что когда они приходили на кухню и ждали от хозяйки порцию каши – Балашов, поднимая ложку, а Сильвер – хвост, и оба, пуская слюну, то Рита первому накладывала пайку Сильверу. Поэтому вредный пес гулять с Александром Петровичем отказывался и без Риты не выходил из квартиры. Напрасно Балашов тянул его за поводок, рискуя задушить. «Белый малахай», как называл его Петрович, упирался всеми четырьмя лапами, скользил по полу, но за порог квартиры вытащить его не удавалось.

Все это, вместе взятое, здоровья Балашову не прибавляло, наоборот, нервы его были на пределе, и он начинал золотистого песика тихо ненавидеть. Не представляя дальнейшую совместную жизнь с «малахаем», коварный Балашов выстроил план избавления от Сильвера. План, по мнению Петровича, был, во-первых, гуманен, во-вторых, прост, как все гениальное.

Следующим летом они должны поехать на отдых в Сочи. Собаку возьмут с собой, потому что здесь ее оставить попросту не на кого. Заседут в Пятигорск к Анатолию, одно-

класснику Балашова, который и приютит Сильвера на время. У Анатолия дом с большим садом и огородом, так что собачке там будет даже лучше. «А из Сочи махнем сразу домой, пусть «малахай» годик поживет у Толи, а там видно будет», – рассуждал хитрый Петрович.

Отпуск приближался, и Рита, заранее озаботившись, предложила Александру Петровичу:

– Саша, может быть, ты в этом году один отдыхать поедешь? Сильвера ведь нам не на кого оставить.

– Что ты, Ритуля, неужели я допущу, чтобы ты не поехала на море из-за какого-то барбоса? Придется взять его с собой.

– А ты не будешь нервничать? За ним ведь глаз да глаз...

– В поезде как-нибудь перебежмся, а в Пятигорске оставим его на пару недель у Анатолия. Я звонил – он не возражает, – успокоил ее коварный супруг. Рита подозрительно на него посмотрела. Уж больно он покладистый стал.

Сходили по магазинам, взяли все, что нужно для отдыха на юге. В основном, конечно, покупала Рита. Петрович взял только шорты. «Молодец, – оценила Рита, – ты в них как спортсмен!» Еще он купил темные очки. «Модно, но не годно, – сказала супруга, – ты в них как слепой Паниковский!»

И вот билеты взяты, сумки собраны. Сильвер в наморднике нетерпеливо повизгивает, перебирая лапами. Пора выдвигаться на вокзал. Тут звонит Анатолий и сообщает, что они уезжают на похороны племянника жены. Ключ для Балашовых оставлен у соседей. Располагайтесь пока без нас. А куда деваться – якоря уже подняты. Поехали.

В поезде Сильвер, на удивление, вел себя довольно прилично. Чуял, видимо, что тучи сгущаются. Пока ехали, Рите в голову пришла идея:

– Ты знаешь, Саша, лучше нам на пару дней в гостинице остановиться. Походим по городу, ознакомимся с достопримечательностями. У Анатолия дом далеко за городом – оттуда не выберешься, а сидеть там одним смысла никакого. Вернутся они с похорон – мы к ним переждем.

– А пустят нас в гостиницу с собакой? – засомневался Балашов.

– Ничего, сейчас везде пускают – только плати!

Действительно, Рита быстренько все уладила, и им выделили двухместный номер. Но только на два дня, потому что потом заезжала по бронированию организованная группа, как сказала дама-администратор.

На следующий день приехали представители той самой «организованной группы» – две шустрые тетki. Одна высокая, в брюках, другая низенькая, в юбке. Увидев, что в номере, который они забронировали, живет собака, подняли скандал.

– Я не желаю жить в комнате после собаки! – кричала тонким голосом невысокая в юбке.

– Безобразие! – соглашалась басом высокая в штанах.

Александр Петрович стоял с ними в коридоре и успокаивал, как мог. Рита, сидя с Сильвером в номере, слышала, как он убеждал скандальных теток хорошо поставленным баритоном:

– Милые дамы, это собака очень воспитанная, очень чистая, образованная...

– Вас послушать, так она Оксфорд окончила! – говорила одна дама.

– Людям здесь жить нельзя! Пусть живут собаки! – вторила другая.

Над Балашовыми и Сильвером нависла угроза досрочного выселения из гостиницы.

Вдруг они обе, как по команде, замолчали и уставились куда-то за спину Балашову. Он оглянулся. По коридору, держа собаку за поводок левой рукой, шла Рита. На

глазах у нее были модные очки Петровича, а в правой руке невесть откуда взявшаяся палка, которой она постукивала по полу и по стене, робко продвигаясь по коридору. Золотистый ретривер, натянув поводок, уверенно вышагивал, преисполненный достоинства. Балашов тоже замолчал, ошарашенно глядя на супругу в образе инвалида первой группы.

Низенькая дама покраснела как рак. Высокая закашлялась:

– Что ж вы не сказали нам, что у вас собака-поводырь? Неудобно получилось...

– Простите нас, пожалуйста, – пролепетала ее подруга. – Мы пойдем, пожалуй.

Пристыженные дамы удалились. А Балашов еще долго не мог подобрать слов, чтобы оценить театральную репризу супруги.

Через два дня они переехали к Анатолию. Уехав в Сочи, оставили собаку у него. А на обратном пути забрали. Свой план Балашов так и не смог воплотить. В глазах у него все время стояла неуверенно идущая по коридору его любимая Рита в темных очках для слепых и важный Сильвер, ведущий ее верной дорогой. На глаза Петровичу наворачивались слезы.

ПЕНЕЛОПА ЛЕТИТ В СТАМБУЛ

У нашего великого классика Михаила Шолохова в «Поднятой целине» есть такая сцена: есаул Половцев рассказывает, как он любит кошек, а затем спрашивает колхозного завхоза Якова Островнова: «А ты, старик, любишь кошек или нет?» Яков Лукич вопросу удивился и отрицательно потряс головой. Он не понимал, как можно любить кошек. Кошка – она ведь кошка и есть.

Федор Хворостов к кошкам относился примерно так же. Кошки – они кошки и есть. С какой стати их любить? Но жену с дочкой Федя все-таки любил, поэтому, когда они захотели взять котеночка, он особо не сопротивлялся. За котеночком к знакомым поехала дочка и, к удивлению родителей, привезла сразу двух. Федор про себя выругался. Но поделать уже ничего не смог. Так и остались жить кот и кошка – Одиссей и Пенелопа.

Хворостову, конечно, не нравилось жить в одной квартире с животными. Но он терпел, решив, что вопрос решится сам собой. С годами он действительно разрешился. Дочка, окончив школу, уехала учиться в Питер. А Одиссей заболел неизвестной кошачьей болезнью и отдал свою кошачью душу неизвестно кому. Сдох, в общем, котик, и Пенелопа осталась одна. С ней хлопот было меньше, но когда супруги Хворостовы намеревались куда-нибудь уезжать вдвоем, то возникала проблема – с кем останется Пенелопа?

Когда собрались на отдых в Турцию, Федора задержали на работе, и супруга улетела пораньше, договорившись с соседкой, что та за кошечкой присмотрит. Но соседка неожиданно уехала в деревню к заболевшей маме. Хворостов попробовал пристроить Пенелопу к приятелю, но у того в квартире жила собака. Не видя выхода из тупиковой ситуации, позвонил жене:

– Слушай, Надюша, не знаю, как быть. Не могу найти смотрящего для нашей кошки!

– Федя, дорогой, ты, как всегда, делаешь проблему из ничего, – сказала мудрая супруга, – купи переносную клетку и привези ее сюда. Здесь многие отдыхают с собачками и кошечками. Пусть и наша Пенелопа раз в жизни отдохнет по-человечески...

Слово жены – закон. Кроме того, сам Федор сразу и не осознал всех трудностей предстоящего путешествия, подумав: «Куплю клетку, багаж у меня – всего две сумки, кошка не тяжелая, как-нибудь справлюсь...»

Хворостов, суровый мужчина, учел свои морально-физические возможности, но не кошкины. Пенелопа до этого не то что в Стамбул, на дачу не выезжала. Поэтому, проехав в такси до аэропорта, уже была в стрессе и с расширенными зрачками. Вся дрожа, сидела в клетке, прижав уши. В аэропорту, ошалев от большого количества двуногих, она и вовсе начала мяучить, громко выдавая все кошачье сольфеджио...

Но предстоял еще досмотр, от которого не то что кошки, люди в панику впадают. Федор давно не летал, потому тоже немного оторопел, когда увидел новшество – стеклянный шкаф необычной формы, в котором людей просвечивали насквозь с целью обнаружения тайно провозимой взрывчатки или золота. Когда же сотрудники, осуществляющие досмотр, сказали ему, что в стакан сканера нужно взять с собой и кошку, у Феде тоже расширились зрачки и появились уши. Что ж делать...

Он снял с себя нателный крестик, часы, выложил телефон и деньги, вынул из штанов ремень с металлической пряжкой и стал доставать Пенелопу из клетки. На что кошка отреагировала весьма агрессивно, оцарапав хозяину руки. Но на этом Федины проблемы не кончились. Когда в сканере он поднял руки вверх, как ему сказали, «чтобы не препятствовать работе сканирующих устройств», Пенелопа, наверное, подумала, что уже взлетает, потому испугалась еще больше и применила единственно доступное ей средство снять стресс – она выпустила сверху всю скопившуюся в мочевом пузыре жидкость на голову Феде – прямо на его красивые, густые, с серебристой проседью, волосы. Хворостов, никак не ожидавший такого коварства, дернулся, брюки, лишённые поддержки ремня, упали...

Далее все, кто был вокруг, наблюдали такую картину: Федор, в красных трусах в горошек, неестественно скрючившись и глухо матерясь, одной рукой пытается поднять брюки, а над его головой в другой руке орет страшным утробным голосом, извивается и грызет его пальцы доведенная до отчаяния путешественница-Пенелопа.

Чтобы описать, что творилось вокруг, нужно снимать фильм. Таможня прекратила работу. Один таможенник от хохота согнулся в дугу, схватившись за живот. Другой, уронив фуражку, вытирал слезы. Женщины, смеясь, отворачивались. Услышав шум и хохот, народ подтягивался поближе. Как говорил незабвенный Давид Гоцман: «Картина маслом!»

По известному закону слухи о кипише на досмотре стали волнами распространяться по густонаселенному аэропорту:

– Поймали кого-то на досмотре. Вон все туда бегут...

– Слыхали, на досмотре таможеннику в живот выстрелили?

– Да нет же... Из газового пистолета стреляли...

– Никто не стрелял! Этот тип в кошке хотел камушки провести. Таможенники обнаружили и ей слабительное дали!

– Что вы говорите! А я думаю: чем пахнет?

А запах действительно был едкий. От Федькиной буйной шевелюры так воняло, что рядом никто не мог находиться. Поэтому дальше было легче, психотропный запах избавил Федю от толчеи и очередей – ближе трех метров к нему никто не приближался. А в самолете ему одному выделили целый ряд.

Таксист-турок, что вез из аэропорта в отель, с удивлением оглядывался на благоухающего туриста и давил в пол педаль газа. В номере Хворостов принял душ и вымыл

голову двумя шампунями. Запах стал слабее, но жену все равно тошнило.

Вечером, когда стали ложиться спать, она сказала, чтобы Федор шел на балкон.

Федькины нервы к концу дня стали совсем не железные, в ответ он сказал жене, чтобы тоже шла... куда-нибудь. А сам отправился в бар.

На его подушке спала Пенелопа. В Турции ей нравилось больше, чем в аэропорту.

НЕМЕЦ И БОБЕРМАН

Боберман и Немец – оба жили в Квасовке, но до поры не встречались. Боберман в деревне объявился недавно, Немец же жил там с самого рождения. И даже имел когда-то дом. И звали его тогда не Немец, а Гера.

Когда его маманя померла, дом достался им с братом напополам. Поскольку Гера любил «заложить за воротник», то брат у него половину дома выкупил, а потом дом продал и уехал в город. А Гера остался на малой родине – на заветной скамье у ворот. Сперва жил у подружки, пока она его не разлюбила и не выселила из хаты. Тогда он стал жить у нее в бане. Вот подруга-то и дала ему прозвище – Оккупант, потому что долго не могла его из бани выгнать. Потом Гера перешел жить в сарайчик к приятелю, которому помогал по хозяйству. Там тоже долго не задержался, так как с зеленым змием его по-прежнему связывали крепкие неофициальные отношения...

Парадокс природы был в том, что, где бы Гера ни появлялся, обязательно что-нибудь пропадало, то моток алюминиевой проволоки, то мешок картошки, а то и пустой газовый баллон, приготовленный для обмена. Потом уже вся деревня стала звать его не Оккупантом, а для краткости и выразительности его подлого существа – Немцем.

А Боберман в Квасовке появился буквально только что, можно сказать, – на днях. Осенью, когда из окрестных садоводческих товариществ дачники стали перебираться на зиму в город, Тимоха Суразаков, бывший сторож, а ныне пенсионер, выйдя из двора, увидел, что возле его калитки сидит коричневый кобель с рыжими подпалинами. Хвост короткий, ушки треугольничками, голова клинышком. Красивый пес, но худой, как Тимохина жизнь. Из-под мелкой шерсти ребра видно. Сидит и смотрит на Суразакова. А на морде прям-таки написано: «Человек, я не ел шесть дней. Если покормишь и обогреешь, буду служить верой и правдой до самой своей собачьей смерти».

Тимофей скотину любил, у него и корова жила, и поросята. Открыл калитку, пес немного подумал и вошел. Снова сел и опять смотрит. Тимофей вынес ему каши и кусок хлеба дал. Барбос все старательно съел и миску до блеска вылизал. Так и остался жить у Суразакова.

Пес оказался на удивление умным. Все понимал с полуслова. «Видно, обучение проходила собачка, – решил Тимофей. – Как же тебя зовут, однако?»

Через пару дней заглянул к нему сосед и удивился:

– Тимка, откуда у тебя такая собака?

– Так вот, прибилудилась. Ученый пес, а какой породы – не знаю...

– Чего тут знать! Это чистокровный доберман. Ты это... Продай мне его. Я тебе пять тысяч дам! На кой тебе такая собака?

Тимоха надвинул кепку на лоб, почесал затылок и подумал: «Эге, чево сейчас эти пять тысяч? Принесут мне пенсию и будут у меня деньги. А где я еще такого бобермана найду? Да и с ценой поди что соседушка объегорить хочет. Как-нибудь боберман чистых кровей больше стоит!» И отказал соседу.

Тот, уходя, сказал:

– Ну, ладно, ты подумай еще, мое предложение остается в силе. Вообще эти собаки уход любят. Смотри, какая шерсть у него короткая, подшерстка нету. Он у тебя мерзнуть будет на улице, когда холода настанут. На них зимой одежду надевают...

Тимоха сперва не поверил. Подумал – шутит сосед. Но потом, когда выпал первый снежок, сам заметил, что зябко его Боберману. Так он стал звать собаку за неимением других персональных данных. Умный пес на эту кличку охотно отзывался.

«Что ж, – решил Тимофей, – раз ты теперь дом охраняешь, благословлю-ка я тебе свою рабочую фуфайку. Самая подходящая для сторожа одежда. Я и сам когда-то в ней магазин охранял».

И Тимоша надел на песика фуфайку. Оторвал от сердца, можно сказать. Фуфайка добрая, ей еще и десяти лет нету. Всего две заплатки. Укрыл псину, как попной, передние лапы сунул в рукава, кои подвернул, чтоб по земле не волочились, по поясу перетянул шпагатом, воротник поднял, чтобы в шею не дуло. Одежда хоть куда – любо-дорого поглядеть! Никакой мороз не страшен. Боберман, умница, к экипировке отнёсся с пониманием, не сопротивлялся. Привык к ней и весело нарезал круги по огороду в зимнем обмундировании.

В тот день Немец решил добыть себе какого-нито подножного корму на вечернюю похлебку. Лишь только на Квасовку стали надвигаться сумерки, он принял на грудь для храбрости, взял мешок, лопатку и отправился в рейд по огородам. Картошку в ту пору уже выкопали, но у многих селян оставалась неубранной морковь, свекла и капуста. За этим овощным набором и отправился Немец.

Пошел он сперва к Тимохиному огороду. Идет вдоль прясла в три жерди и видит – бежит фуфайка. Темновато уже, ног собачьих совсем не видеть. Ученый Боберман не лает. А фуфайка бежит. Немец остановился, глаза протер – неопознанная фуфайка прет прямо на него! С ним плохо сделалось, и глаз задергался. В его богопротивной жизни уже был случай, когда он наблюдал картины, которые в голову не придут даже сюрреалистам Монмартра, обладающим самым креативным воображением. Короче, Немец подумал, что с ним опять белая горячка приключилась и его снова увезут в психдиспансер. Тут и произошла с ним форменная истерика.

Тимоха был во дворе, когда услышал, что в его огороде кто-то рыдает. Направившись туда, увидел – сидит на корточках Немец, прислонившись спиной к забору, и хнычет, а Боберман молча сидит рядом и охраняет.

Увидал Немец Тимоху и закричал, присвистывая выбитым зубом:

– Слава богу, это собаська, а я ус сего тока ни подумал. Ну, слава богу, собаська, а не белоська! Забери своего пса, Тимосей! Так ведь карасюн слуситься мозет. Ис ты, сево удумал, собак наряжать! Изверг! Садист!

Тимоха поглядел на него, пожал плечами, псу скомандовал:

– Сидеть!

А Немцу сказал:

– А ты иди отсель! Будь здоров!

Немец поднялся и, вытирая мешком слезы радости с небритой морды, в ответ пожелал Тимохе:

– И ты не сдохни!

И отправился за урожаем на другой конец деревни.

Больше они с Боберманом не встречались, потому что Немец обходил Тимохин огород за три версты.

**Владимир Иванович
ФИЛИМОНОВ**

Член Союза писателей России. Автор книг: «Все мы родом из детства», «Пора цветения», «Капелька жизни», «Письма с фронта. Святое имя – Учитель» и других. С 2008 по 2019 г. – руководитель Курганской областной писательской организации. С 2015 по 2023 г. – редактор альманаха «Тобол».

Член редколлегии литературно-публицистического журнала «Тобол».

НЕПРОЩЁННЫЕ

По улице родного села шли двое мужчин. Шли в ногу, соприкасаясь плечами. И если кто-нибудь в этот миг приподнял бы их склоненные головы за подбородок, то увидел бы в глазах слезы...

... – Тихо, Вовка, не шурши, – раздался в ночи свистящий шепот, – и так крапива жжется!

– А я виноват?! Ты сам сказал: ночью пойдем!

– Ладно... Поползли дальше...

Застарелая, а от того еще больше жгучая крапива, нескончаемой полоской протянувшаяся вдоль забора, стала почти непреодолимой преградой для полуголых локтей двух пацанов. Непрочные рубашонки задирались на животах, ступни ног в сандалиях без носков добавляли мучения, покрываясь мелкими волдырями.

– И кто ее только изобрел? – вновь раздался шепот одного из соучастников будущего налета. – У меня уже и голова чешется!

– Тихо ты! Доползли. Сейчас в плетне дырку сделаю...

Друзья проникали в чужой огород, а точнее – во фруктовый сад к бабушке Парунье по улице Красивой в зауральском селе Сумки. Так ее звали в селе. Почему так звали – никто не задумывался. Но сад у нее был знатным, давнишним. Не одно поколение хулиганистых сельских ребятишек облизывалось на провисшие от яблок ветки. Десяток яблонь, не меньше, разных сортов, а потому и расцветок манили маленьких варнаков начиная с начала августа и вплоть до середины октября.

Что только бабушка не делала: и на лавочке возле дома яблоки грудями на газеты высыпала – бери не хочу, и объявления, намалеванные большими и корявыми буквами, на забор вешала – мол, хотя бы ветки

не ломайте, и ругалась на всех без исключения проходящих мимо пацанов – ничто не помогало.

Да, яблоки разбирались мгновенно проходившими мимо школьниками, но все равно в сезон мальчиши-плохиши налетали на ее сад, как саранча на зелень. И трещал от напора горячих и бесшабашных тел старый ивовый плетень с торчащей во все стороны и уже отставшей корой, гнулись и ломались сгибаемые дурной мальчишечьей силой яблоневого ветки. А бабушкина собачонка, умудренная печальным жизненным опытом, забивалась в конуру и лишь оттуда изредка судорожно и жалобно вала...

...Дырку в плетне выламывать не пришлось. Их было много, заделанных с другой стороны фанеркой, заплетенных какой-то проволокой, а то и просто перекрытых забитыми в землю колышками. На одну из таких и наткнулись малолетние разбойники...

Ай-я-яй! Воришки... Два ученика, два выдумщика, два сыночка, трепетно любимые родителями, – они удачно дополняли друг друга в своих, порой неразумных, шалостях. Вовка – подвижный, как ртуть, инициатор большинства приключений... Колька – обстоятельный и осторожный, вечно сомневающийся и крепенький, как боровичок. Я смотрю на них сейчас с высоты своих лет... Сколько же им тогда было? Девять? Десять? Тогда любой запретный плод казался слаще: игры на перепревших назьмах в прятки за огородами и в зарослях конопли до темноты, купание до синевы на губах, опасные пробежки по первому и гнущемуся льду, всякие такие огневые и взрывающиеся штучки... Тогда все было новым и интересным.

Вот и сейчас задумывались ли они о подоплеке своего поступка? Конечно же нет. Таинственность манила, поздний вечер был тих, луна светила тускло, будто зазывала встать на путь разбоя. Они в тот момент были не воришками, а разведчиками в тылу врага, монтигомо-ястребиными когтями, джимами хокисами и юными героями недавней войны одновременно. А то, что за яблоками чужими шли, – это не воспринималось как воровство, а как достойная и долгожданная награда за ночные страхи, волдыри, и главное – это было столкновением с неизвестным и потому вдвойне волнующим действием.

...Раскачав и выдернув слабо вбитые в землю колышки, поохав от прощальных ожогов крапивы и поахав от царапанья ребер узким горлышком лаза, друзья оказались в саду.

Здесь было царство запахов! Дыхание сада накрыло весь проулок, растворяло в себе часть улицы, расплескивалось по сторонам волнами даже при слабом ветре... Но под яблонями это дыхание осязалось особенно остро, как будто было густо намазано по влажным от вечерней росы травам. Запах зрелости в сочетании с почти неуловимым запахом гнильцы выстроил дворец из мира нездешнего, стороннего, сказочного, бесконечного. Проказники еще не знали этих слов, но своими неискусшенными сердчишками понимали, что это – чудо, и ненадолго притихли. Так продолжалось, кажется, целую вечность.

– Отодвинься, не дыши мне в ухо, – прошептал Колька.

– Я здесь, – и тоже шепотом послышалось откуда-то со стороны.

Колька, мысленно вздрогнув, медленно повернул голову. Темное, размытое пятно, облитое лунным светом, находилось совсем рядом с его головой. Два, будто

стеклянных, глаза смотрели ему прямо в лицо, а затем приблизились и... лизнули. С трудом удержавшись от вскрика, Колька оттолкнул от себя собачье тельце.

– Фу, Тузик! Ты-то тут как?

Бабушкина собачка пришла поприветствовать грабителей. Ребята частенько подкармливали шустрого Тузика, неперменного участника многих их маленьких удовольствий в любое время года.

– Ты сюда играть с собакой пришел или за яблоками? – послышалось из темноты. – Собирай давай!

Вовка нагнул ближайшую ветку, тряхнул, и прямо в руки посыпались начавшие лопаться от собственного достоинства, прозрачные до зернышек и легкие до пуха спелые-преспелые, белого налива, яблоки. Набив пазухи и отведав на месте шедевр природы, пацаны ретировались, но уже на спинах, сквозь те же дырочки. Тузик протянул их до самого выхода, помахав на прощание хвостиком и даже не гавкнув.

Усмиряя руками заправленные в штаны рубашки, набитые яблоками до потрескивания пуговичных ниток, ребяташки добрались до Вовкиного дома, забрались по лестнице на чердак и разгрузились.

– Во, набрали! – хвастались они друг перед другом. – Завтра всех пацанов угоstim и сами наедемся!

Вытерев липкие руки прямо о липкие же штанишки и грязные рубашки и съев еще по яблоку, друзья разошлись по домам.

А через несколько дней открылась новая школа. Стены ее, еще не разрисованные чертиками и любовными признаниями, пахли свежей салатовой краской, ровный пол вспыхивал от блеска в лучах восходящего солнца, все окна и двери были целы. Три года строилась она и все это время служила местом игр и развлечений.

К примеру, в одном из будущих классов в навал был насыпан цемент, который так красиво взрывался при падении на землю, если его насыпать в кулек. А чугунные батареи, сваленные по коридорам, время от времени утаскивались в ближайшие кусты, разбивались на мелкие кусочки и использовались вместо камушков для разномастных рогаток. Почему? Да потому, что летели с посвистом и точно в цель.

В группе ветеранов войны и труда, пришедших поздравить школьников с началом учебного года, стояла и она, та бабушка, в сад которой лазили неугомонные ребяташки. Друзья напряглись. Неужели за ними? Неужели видела и сейчас опознавать будет? Но нет. Ей не предоставлялось слова, что-то о ней торжественно говорил директор, но в памяти не отложилось что.

Подрастали ребята, а сад почему-то хирел. Казалось бы, гнулись и ломались ветки, так ну и что! Сильней расти будут!

Вот, к примеру, березы. Сколько кос с них не дергай на веники для бани или для кроликов, от этого кроны лишь пышнее становятся!

Но яблони, видать, жили по каким-то другим законам. Спасая себя, от корней они разбрасывали отростки по всему саду. Но те не успевали подняться, потому что безжалостно вытапывались юными сорванцами. Яблони, испугавшись разбоя и сражаясь за свою жизнь, устремляли ветки в небо. Там было много ровного солнца, свежего воздуха – и они плодоносили наконец-то бурно и с наслаждением.

А на высоту не каждый шалопай рискнул бы полезть. А если и рискнул бы, то мог запросто свалиться в темноте, не успеть сбежать от пучка крапивных стеблей, которыми бабушка стегала воришек по голяшкам, или от зубов все-таки довольно злой собачонки. Не все же ее подкармливали...

Но там, наверху, жили и другие напасти. Стаи ворон и галок, тучами носившиеся осенью и в предзимье, усеивали яблони темными покрывалами, выклеывая из яблок мягкое и сладкое нутро. Ветра игрались с плодоножками так нахально, что яблоки сыпались градом на землю. И уже здесь, униженные и измятые, они становились жертвами ос, мелких птичек и мышей. Гниль захватила весь сад. Морозы сушили и вымораживали вершинки, а они, беззащитные и хрупкие, ломались и висели в воздухе на недостижимой высоте, ожидая часа своего падения и тормозя развитие детинца. Сад приходил в упадок, быть может, не только из-за разбойных набегов, но и от старческого бессилия...

...Лишь через много-много лет идущие сейчас по улице уже взрослые мужчины узнали, почему бабушку деревенские прозвали Паруньей. Да потому что берегла и лелеяла она своих пятерых сыновей, как курица бережет своих деток-цыпущек. А главное – сад этот, где хозяйничали они несмышленишками по праву разбойному, незаконному, посадил еще до войны пропавший на фронте без вести муж, велел беречь как зеницу ока до своего возвращения. Она и блюла, все верила, что вернутся ее кровинушки. Хоть кто-нибудь. Но все они полегли на великой войне, и жила она одна. Так и появилось ее прозвище, кому-то – обидное, а ей – дорогое, потому что правильное.

Но не оттого мужчины шли молча и опутив головы. Час назад, веселые и слегка нетрезвые, взбудораженные встречей с одноклассниками, они по единодушному согласию пошли в магазин, набрали несколько пакетов продуктов и пришли к бабушке с покаянием. Напомнили о себе, поставили на ветхое крыльцо купленное. Совсем уже старенькая, сгорбленная, выцветшими голубыми глазами она смотрела на них, но не переспрашивала, мол, кто такие да чьих кровей будете.

Она не хотела их знать. А в ответ на просьбу о прощении, одышливо роняя слова, ответила: «Это мужнин сад... он вернется... а вы... и такие, как вы... его изурочили... Не прощаю!.. Уходите...»

Бесплодный и мертвый сад за ее домом слепо и безразлично упирался в небо сухими стволами засохших яблонь, затянутых в корсет прелой коры, трухлявых и непригодных даже на дрова. Лишь в углу его развесистая дичка, усыпанная мелкими и бесполезными плодами, весело помахала ветками уходящим мужчинам. Уж ей-то никто жить не мешал.

И если кто-нибудь в этот миг приподнял бы за подбородок их склоненные головы, то увидел бы слезы. Это были запоздалые слезы раскаяния...

КОРОТКАЯ СКАЗКА ПРО ДЕТСТВО

Как ни странно, Вовка помнил себя лет эдак с трех. Не все, конечно же, эпизодами. Но и их хватало, чтобы понять – он живет, и живет славно. Обрывки воспоминаний были такими памятными, что закрой глаза и видно, как там, далеко-далеко за годами, босиком по пыльной поселковой улице идет белобрысый ребенок с прутиком в руке – защитой от собак, куском черного хлеба, подаренного проходящей мимо женщиной и почему-то заплакавшей в тот момент, в штанишках с лялочкой через плечо.

В те достославные времена Вовка, можно сказать, беспризорничал. Семья-то была в полном составе: папа, которого он почти не знал, мама, учительствующая в школе и оттого отсутствующая постоянно, бабушка Анисья, которую Вовка еще не видел, но заранее звал Оней, потому что так короче было. Однажды она появится в нашем рассказе, но при определенных остросюжетных обстоятельствах.

Свобода разбаловала Вовку до такой степени, что, даже когда мама была дома и проверяла какие-то тетрадки, он рвался на улицу, ибо там было очень много нужных и важных ребячьих дел, масса восхитительного и интересного. Почему, к примеру, гольян в озере живет, а в банкедохнет? Его же здесь лучше кормят – настоящими хлебными крошками. Почему мама жалуется, что денег нет, а в нижнем ящичке комода – целая кучка монеток? Почему на фундаменте дома растут грибы, а если их тронешь – становятся черными? А не попробовать ли их на вкус? И попробовал, и было тошнехонько. Или почему, когда неглубоко нырнешь под воду, мир над головой становится выпуклым?

Кстати, насчет нырнешь... Стояли они как-то на мостках с соседскими пацанами, а те начали прыгать и раскачивать их. И Вовка, сам того не заметив и еще не умея плавать, соскользнул в мягко раздавшуюся глубину и именно оттуда увидел, что небо стало именно выпуклым, а еще удаляться и удаляться. А потом что-то рвануло его вверх, и испуганный голос закричал, встряхивая: «Дыши, дыши, придурок!» «Да дышу я, дышу», – кашляя и выплевывая воду, ответил, наверное, Вовка. И с тех пор он полюбил эту ласкающую влагу, которая без ограничений и до крупных пупырышек на коже дарила удовольствие общения – и совершенно бесплатно. Хотя что такое «платно» – он не знал еще очень долго.

Там, на свободе, жили его кровные дяди и тети разных возрастов. Среди них были двое – тетя – немножко постарше, дядя – немножко помладше, но именно они составляли костяк группы по свершению тех самых важных дел. А если они пытались вырваться из-под контроля, то время от времени Вовка осыпал их мукой. Но такое случалось редко, всего-то один раз. Потом выпороли всех, и лидерство безоговорочно перешло к среднему.

И снова начались прятки, догонялки, скакалки, пугалки... Какое сладкое и беззаботное время-времечко! Так вот – прятки...

Они были главным развлечением детворы. Собиралась большая команда из таких же беспризорников и малозанятых – и начиналось действие, воспетое даже, как потом оказалось, еще Александром Пушкиным: «Любви, надежды, тихой славы/ недолго нежил нас обман...» Однажды мама ходила по комнате и бормотала эти строчки, видимо – заучивая, а Вовка, уже полусонный и лежащий под своим разноцветным

одеялом на составленных в ряд двух стульях, почему-то ей сказал: «Это Пушкин про прятки написал...» Он еще не знал, кто такой Пушкин, но мама засмеялась, ей такая интерпретация понравилась. И лишь через много лет Вовка понял, что был все-таки прав.

Так вот, собственно, – прятки. Собирались, мысленно представляя, куда прятаться, и начинался счет: «Раз, два, три, четыре, пять, вышел зайчик погулять, тут ворона прилетела и тебе водить велела!» И все, кроме одного, радовались, что не ему велела. А вот Вовке почему-то нравилось голить, то есть искать спрятавшихся. Иногда он делал это даже вне очереди, так захватывал его поиск. Но и осторожность была не лишней, потому что подбежавший первым и постучавший по условному месту сорванец в этой игре уже к голению не привлекался. Прятались там и так, как Бог на душу положит: под лавочку, вокруг дома, в траву, в заросли картошки, в канаве, за деревом или в бане.

В пылу прятальной суматохи Вовка залез в ведро над колодцем, но только он перенес в него вторую ногу, ведро почему-то поехало вниз, и через несколько секунд он оказался в холодной воде. Взрослые вытащили его не сразу, изрядно продрогшего, но счастливого, что никто из участников прятки так его и не нашел. Разогнали всех, выпороли доложившего о падении двухлетнего дядю Кольку и самого не запланированно испугавшегося.

Прятки на сегодня не задались. А когда Вовка сидел в колодце, то слышал сверху торжествующий голос дедушки Миши: «Ну что, сорванец, охолонул! Думаешь, я тебя прямо сейчас доставать буду? Поплавай-поплавай, неслух!» По цепи спустился старшеклассник дядя Гена, ухватил за шиворот судорожно вцепившегося в него Вовку, намотал цепь на руку, и всем миром их вытянули к свету.

Как вытаскивали, Вовка не помнил, помнил только холод и высоко-высоко над головой кусочек такого синего-синего неба, что ему захотелось побывать и там. Тогда не побывал, видимо, рано еще было. Но даже не простудился, все напасти и потом, и далее до бесконечности стекали с него как с гуся вода. Как говорила бабушка Феша: «Моего золотого внучечку Боженька бережет!»

Дедушка Миша был суровым человеком. Да и будешь таковым, если прошел Великую войну от первого до последнего дня, два ордена солдатской Славы заслужил, четверть века работы водителем в райкоме партии после нее, шесть детей мал мала меньше. А тут еще и внук нервы на кулак мотает. Поневоле запсихуешь.

Прошло время, родные успокоились, и опять у двора стали собираться неутомные ватаги недорослей. И снова Вовка вляпался в историю. Желание превзойти всех, а это значит – не нашли, подтолкнуло его к ларю, в котором хранилось зерно. Подтащив ящик и с трудом приподняв обитую жестью крышку, он забрался внутрь, слышал голоса искавшего, искавших, ищущих. И уснул на мягкой, пахучей пшенице. А проснувшись, вылез и пришел домой.

Смеркалось. Но, не обращая на это внимания, его снова отлупили кожаным дедовым ремешком, которого до умопомрачения боялся Вовка.

Как потом выяснилось, был обыскан и колодец, и близлежащие перелески, и железнодорожные пути, и пилорама, и все соседние сады, и огороды. Родных колотило от нервного напряжения. И только бабушка сидела спокойна, величава и чай пила. Она-то знала, что с ее внуком ничего не случится.

«Почему вы, автор этой небольшой совсем даже не сказки, а явно автобиографической справки, все время вспоминаете какое-то непедагогичное битие маленького ребенка?» – спросит кто-то из читателей. Действительно, ничего сказочного.

Что он, трехлетний мальчишка, может помнить из далекого детства, кроме этого? Мороженого не было, конфет тоже, их он увидел лишь в первом классе. Еда – морковь, капуста, огурцы, помидоры, жареная картошка, хлеб, молоко не каждый день. И не потому, что жалко родителям было лишнего передать, просто скудный родительско-учительский бюджет не выдержал покупки хотя бы полкилограмма карамелек-подушечек «дунькиной радости» – так они тогда назывались. А подарок в те годы был единственный – картонный заяц, которого Вовка хранит до сих пор. Но все равно те годы были настолько воздушными, нежными и вспоминаемыми, что иначе, как сказочными, их и не назвать.

Но поверьте, главные суперсказочные эпизоды из детства этого беспокойного и вольнолюбивого ребенка еще впереди...

Однажды он снова пришел в местный Дом культуры. Беспризорный белоголовый мальчишка был здесь всеобщим любимцем и постоянным посетителем всех кинокартин, которые демонстрировал очаг культуры. Как он узнавал, что идет новый фильм? Наверное, шел туда, куда шли многие, иначе и не объяснить. Постепенно любовь к экрану, на котором постоянно что-то происходило, нравилась пацану все больше и больше, и вот уже на очередной сеанс без какого-то билета он входил торжественно и важно, сразу проходя в первый ряд. Его знали и любили хотя бы за то, что он не хулиганил, не резал кресло ножиком, как некоторые, не свистел, потому что не умел, не топал ногами, хотя при своей непонятной свободе и независимости мог бы. «О, опять учительский Вовка пришел!» – приветствовали его знакомые контролеры, сунув в руку заранее приготовленную домашнюю печенюшку. И начиналось кино: скакали кони, строчил пулемет, бродили люди, пахавшие землю и поившие в озере коней. Глазки мальчика бегали по экрану бездумно, без запоминания, события не волновали – он просто был при деле и хотя бы чем-то занят. Потом накатывали волны полного душевного равновесия, и Вовка засыпал, просыпаясь лишь от того, что включался свет и хлопали откидываемые спинки сидений. Но однажды он не проснулся. Когда открыл глаза, было темно и тихо. Вот тогда ему действительно стало страшно. Вовка тыкался по углам, плакал, кричал, но никто не пришел, и он, свернувшись калачиком и всхлипывая, уснул на мягком стуле контролера. А когда открыл глаза, то увидел над собой яркий свет и злое лицо матери. Это она, разыскивая его по поселку и используя все возможные варианты, подняла ночью директора Дома культуры, открыла кинозал и обнаружила Вовку, зарезанного, вздрагивающего во сне, но живого и невредимого. Обрадованная, она даже не наказала его, но предупредила строго: мол, если в кино пойдешь, то клади-ка ты, сын, на середину стола своего картонного зайчика. Но заяц укладываться не захотел, потому что в маленькой и ранимой душе своей Вовка так перепугался темноты и одиночества, что больше в кино не ходил. Как отрезало.

А однажды произошло то, после чего и появилась в их доме своя бабушка, мама то появляющегося, то исчезающего папы. Наигравшись с ровесниками – маленькими тетей и дядей, скушав на дорогу пару огурцов, Вовка вышел из их дома и пошел почему-то не направо, как обычно, а налево, туда, где грохотала поездками и потенькивала рельсами еще не освоенная территория – железная дорога. Вход и путь туда были запрещены категорическими требованиями матери, подкреплены строгими распоряжениями деда, отторгнуты округлившимися от страха глазами приглашаемых туда же несмышленных малых родственников. Вовка пошел не потому, что был вредный и противный, а потому, что оттуда жизненное пространство дышало чем-то неизведанным, стальным и новым, едко и пыльно. Даже в доме бабушки, стоящем

довольно далеко от «железки», пролетающие составы сотрясали оконные стекла, а в старинном резном шкафчике позвенкивала посуда. Да что посуда! Подрагивала сама земля, как от небольшого землетрясения! Так что даже и посмотреть нельзя, что это такое грохает. Это было выше Вовкиных сил. И он пошел один.

Где-то в детских мозгах свербила мысль о неправильности своих действий, поэтому к железной дороге он подбирался как к чему-то страшному и запретному, осторожно и с оглядкой. Здесь была совсем-совсем взрослая и непонятная жизнь. Натертые до блеска теплые рельсы, бесконечно убегающие вдаль, смола, проступившая на шпалах и липнущая к пальцам при прикосновении, густая пыль на придорожных траве и лопухах... Запах неживого, нездешнего, опасного. Но здесь неожиданно оказалось и то, ради чего стоило рискнуть и восхититься: между путями матово светились камешки, разновеликие и гладкие, будто шлифованные. Он, конечно же, не знал тогда таких красивых слов, но был действительно и восхищен, и камешки были действительно будто шлифованные. Мальчишка дорвался до удовольствия: уселся между рельсов и начал набирать в единственный карман и за пазуху эти подарки судьбы, мечтая поделиться со всеми родными и знакомыми. А для чего же тогда он их набирал? Не просто же так.

Вдруг откуда-то донесся зычный крик: «Ребенок на путях?! Маневровый, маневровый идет! Малец, убегай!» Заподрагивали рельсы, какие-то мужики уже бежали к нему от полосатой будки, а он стоял на разом ослабевших от грозных криков ножках и не знал, что делать. Вдруг кто-то рванул его вбок, а через секунды оглушающий скрип тормозов огласил окрестности. Искры и окалина дугой взметнулись из-под гигантских колес, пахнущее соляркой чудище промчалось мимо и остановилось неподалеку. На мать, сдернувшую его с путей, матерились подбежавшие мужички, от остановившегося маневрового поезда ковылял машинист, держась за сердце. А Вовка лежал на боку в пыльных лопухах и сжимал в кулачках два красивых камушка.

А далее повторилось уже знакомое вам действо... Можно лишь добавить, что шлепками по попе тут уже не обошлось. И с этого момента Вовка полюбил таинство и запах железной дороги, избрав ее в качестве своей постоянной подружки, а она всегда отвечала ему взаимностью.

Мать наконец-то поняла, что еще немного – и уже подросший до четырех лет ребенок в ближайшее время ринется осваивать не только уже знакомые улицы, но и ближайшие леса. Тогда много сложнее будет его хотя бы найти. И в доме, как бы ни было трудно с житьем-бытьем, появилась бабушка Анисья, Оня – называл ее Вовка, потому что так короче было. И зажили они спокойно и счастливо. И жили так, пока она была с ними до долгожданного приезда отца, все-таки получившего образование. Но это уже совсем другая сказочка...

ИРИСКА

Помните эти конфеты? Они – сладостный вкус детства, всколыхаемый сейчас сознанием через много-много лет. И помнится он, быть может, оттого, что был несчастным, новогодним, вкупе с запахом рыжеватых мандаринов и разноцветными огонечками на разукрашенной детсадовской елке. Конфетки были сладко-вязкими и светло-коричневыми, как первый загар на работающих руках моей бабушки в майские посадки.

Бывало, положишь маленький золотой слиток за щеку, да так и ходишь с ней полдня, с наслаждением рассасывая. А захочешь себя на прочность испытать, так сожмешь

крепко челюстями, а потом растягиваешь ее вверх и вниз, рискуя выдернуть еще не окрепшие зубы. А бывало и так, что в знак особого расположения приходилось делиться с соседской девчонкой, отдавая ей уже изрядно замусоленный кусочек счастья.

Но что-то я отвлекся, ибо мой сегодняшний рассказ не о конфете, а о... кошке с одноименной собственной кличкой – Ириска.

Появилась она в нашем доме случайно. Сердобольная тетушка, не желая злой участи новому кошачьему выводку, предложила со слезами в телефонном разговоре: «Да уж возьмите, не пожалеете. И уж такая она баская: и грудка белая, и лапки белые, и глазки открылись, и тихая-тихая, от мамки ни на шаг, не то что ее братья и сестры непутевые, все по углам шлендают. Берите, не ест, не пьет, под кровать не ходит...»

Этот аргумент «добил» нас окончательно. Быть может, и без особого желания с моей стороны, опыт общения имелся... Но подрастал сын. А жена моя, как всякая эмансипированно-образованная женщина, где-то вычитала, что «ребенок должен общаться с живой природой, это благотворно влияет на его психику». Взяли.

Так появился на нашей территории этот маленький «клочок шерсти», робкий (по первости) и малозаметный, почти не евший и не мяукающий. На горшок заводской да с песочком, правда ваша, тетушка, пошел сразу.

По вечерам, когда вся семья возвращалась с учебы и работы к домашнему очагу, мы с удовольствием и смехом смотрели на прыжки и выверты юной кошечки, подбрасывали ей шуршащие клочки бумаги, катушки из-под ниток, а потом дружно доставали их из-под шкафа. Это объединяло. И здесь оказался прав неведомый мне психолог.

А теперь скажите мне: что едят городские кошки? Глупый вопрос, ответит кто-то. Ну, конечно, молоко пьют, захлебываясь; мясо – по предложению; рыбу, урча от жадности. Мышей не ловят – откуда им взяться на пятом этаже?

...В прошлой, деревенской, жизни, я был знаком с котом, который обожал огурцы и морковку, а от молодой клубники его гоняли палкой. Особенно уважал нападавшие с яблони ранетки. Спугивал несусек с корзин, прокусывал и выпивал яйца. Случалось, пропадали и цыплята. Но не пойман – не вор. Так и жил жизнью ловеласа и разбойника, изредка появляясь во дворе с обкусанными в драках с конкурентами на любовном поприще кончиками ушей

Познакомились мы с ним на рыбалке. По старой привычке пойманных карасиков я отбрасывал за спину в траву, а когда вознамерился их собрать, то не нашел и половины. А из ближайших кустиков доносилось потрескивание костей очередной рыбьей жертвы во благо кошачьего рода. Мораль: млекопитающие из семейства кошачьих должны есть все!

Ан нет! С Ириской начались чудеса превращения. По молодости лет она еще пивала молочный продукт. Но настал миг – и для семьи начались проблемы. Она отказывалась от всего, что ей предлагали. Ослабев от голода, она бродила по комнатам, пошатываясь, и мяукала умирающим голосом. Жалко было животину. И ей случайно отрезали кусочек ливерной колбасы. То-то был праздник для кошачьего желудка! Одним жевком проглотив лакомство, не такое уж и лакомое, она ныла и ныла, выпрашивая еще и еще. С тех пор так и повелось: Ириска ела только ливерку да водичку попивала, не признавая ничего другого. Как вам это нравится?

И начались для семьи «суровые» будни. Изредка ливерка (смотри-ка, в рифму сказал) пропадала из магазинов, и тогда мы «уговаривали» Ириску скушать хотя бы что-нибудь. Она остановилась на яичке, ела с подчеркнутой неохотой, но только сердцевину, безразлично сдирая с усов остатки белка. Такие вот гастрономические изыски...

Постепенно, чувствуя, что мы идем на уступки, она ощутила себя полновластной хозяйкой и начала захватывать сантиметр за сантиметром наше жизненное пространство. Стоило встать со стула, как на нем тут же оказывалась Ириска. Ее не пугало даже то, что на нее несколько раз садились. Презрительно вякнув, она пересаживалась на освободившийся и косила глазом – когда же тепленькое местечко освободится? И так до бесконечности, приучив оглядываться перед поиском точки опоры.

Если кто-то шел в ванную комнату, она садилась у дверей и начинала томно стоять, как бы просясь на горшок. Но стоило открыть дверь, как она гордо уходила в поисках новых способов убеждений в своем величайшем предназначении.

Просто лечь на диван становилось опасным: кошка моментально забиралась на живот и требовательно царапала когтями руку с настоятельной молчаливой просьбой почесать у нее за ушком. А если ее сбрасывали (извините, ласково ссаживали на пол), то шла в угол, поворачивалась спиной и долго так сидела, обиженная, демонстрируя свое недовольство не по ее сценарию развившимися событиями. Ну как тут не приласкать.

И все-таки ее свободолюбивая натура однажды прорвалась на волю в прямом смысле слова. Собрались мы как-то на дачу и взяли ее с собой. Ириска шла осторожно, не отставая, принюхиваясь и приглядываясь, мир был огромен и заманчив, зелен и доступен уже не из окна, а рядышком. На даче мы увлеклись работой, почти не обращая внимания на кошку, голова которой то тут, то там, появлялась из травы. И вдруг она исчезла. Только была – и уже нет. «Ириска, Ириска!» – побежали мы с криками по дачным закоулкам, но она как сквозь землю провалилась.

Все, потерялась, загоняют ее собаки... До самого вечера мы искали пропажу, но так и не нашли.

И появилась она через три месяца, под конец дачного сезона! Худая, извините – блохастая, но с довольной мордашкой, наглотававшаяся свободы по самое не балуйся. С тех пор природой любоваться ей приходилось только из окна.

А уж как спала! Как королева! Приспособилась выдвигать нижний ящик из шкафа, зацеплять коготками белье, выбрасывать его на пол и укладывалась в выкопанную ямку.

Но этот разбой – еще полдела. Во сне она храпела! Я не ошибся. Храпела как заправский мужик после трудов праведных. Иногда, усталые от дачных дел или работы, мы усаживали ее на ночь в ванной комнате, чтобы выспаться, но делали себе только хуже: Ириска скреблась и мяукала. Поэтому было принято стратегическое решение: успевать заснуть до того, как она захрапит. Ее ночное воспитание тапком успеха не имело. Забравшись опять-таки под наш диван-кровать, она продолжала похрапывать до полной победы над вздумавшими прикорнуть в ее присутствии.

Так у нас, царей природы, было сформировано убеждение, что весь мир принадлежит Ириске, а мы – лишь обслуга ее интересов, бестолково путающаяся под ногами, вовремя не покормившая и не помывшая горшок.

Она жива и сейчас, ест и спит, спит и ест. Да нас воспитывает. Не верите? Приезжайте и убедитесь. А мы с надеждой смотрим в будущее и свято верим, что никто нам больше не предложит «и грудку белую, и лапки белые...».

А под занавес так скажу: не теряйте возможностей познакомиться с миром иным, нам недоступным по своей развитости, – миром кошек, собак и иной почти человеческой живности, мгновенно оценивающей вкусноту и доверительность подносимых угощений.

**Марьям Файзрахмановна
ИСАКОВА**

Родилась в 1953 г. в городе Шумихе Курганской области. Живет в Челябинске. Училась в Челябинском филиале Московского государственного гуманитарно-экономического университета по специальности «экономика».

Автор публикаций в журналах «Казань» и «Тобол», альманахе «Миры Зазеркалья» (Челябинск), член литобъединения «Лира» (г. Шумиха Курганской области).

ВЫБОР СОЛДАТА

Он сидел возле ее могилы, бережно подбирая комья земли, разбросанные вокруг, словно поправляя последнее ложе, где она заснула вечным сном.

Снова подошел сын, тихо сказал:

– Атый, тебя ожидают аксакалы на краю кладбища.

– Сынок, я еще посижу.

– Завтра едем в город получать награду...

– сын не успел договорить, отец замахал руками: мол, не сейчас, потом.

Ссутулившись, тяжело переступая ногами, он подошел к аксакалам. Окинув взглядом людей, удивился, что у обочины дороги его ожидали все.

– Вода, что утекла, и жизнь, что прошла, – не возвращаются, а мы, Урал, будем жить дальше. – Придерживая его, мулла продолжил: – Поистине мы принадлежим Богу. И мы к Нему вернемся. А на айте третьего дня помянем Маргариту.

Подполковник Шилкин любил играть словами, подходя снисходительно к затеям подчиненных:

– Старший сержант Алимгулов, батыр ты наш степей башкирских! – обратился начальник штаба.

– Так точно, товарищ подполковник, батыр! Мне бы еще коня аргамака, – подхватил его иронию боец.

– Задание выполнил, молодец! Не зря ты «языка» тащил через минное поле – бойцов сохранил. Ценный оказался фриц. Хотел представить тебя к награде, да вот заминка: что будем делать с твоей немкой?

Алимгулов, прищулив глаза, улыбнулся. Все насторожились. Солдат вытянулся, щелкнув каблуками, отчеканил:

- Товарищ гвардии подполковник, разрешите обратиться. Орден подождет. Разрешите жениться на Маргарите?
- Интересно. Как ты это себе представляешь? Она лютеранка, ты мусульманин – родители что скажут?
- Примет Маргарита нашу веру, проведут Никах – и все тут.
- Сколько ей лет? На вид подросток, лет четырнадцать, наверное.
- Девятнадцать ей. Филтрационную справку показывала. В лагере ее не кормили. Корова у моей матери есть, на парном молоке поправится.
- Сватов кому будем засылать?
- Солдат не растерялся и на этой же иронической ноте отчеканил:
- Товарищ начальник штаба, у нас аксакалы говорят: «Хорошему коню плетка не нужна, хорошей девушке сваха не нужна».
- Ну и ну, на все у тебя есть ответ. Пиши заявление. Я один не решаю.

Разведчик Алимгулов был на особом положении среди сослуживцев. От начальства держался подальше. Среди товарищей, ставших одной семьей, он был старшим не по званию, а по складу ума: по-деревенски рассудительным, обстоятельным и надежным, несмотря на молодой возраст. К боевому заданию готовился, просчитывая до мелочей все походы в тыл противника.

– Подползем неожиданно, тут уж кто кого обхитрит – знамо дело, облапошим, затем и пришли, – завершающие слова командира ободряющей надеждой откликались в душах разведчиков.

Он вместе с «языком» мог прихватить провизию, а однажды взял у немцев рацию, припрятал у них же, а затем, сделав вылазку следующей ночью, аппарат принес связистам.

В последующей наступательной операции полковая разведка приблизилась к городским окраинам Аушвица, где женщины-военнопленные рыли заградительные траншеи. Получив задание от командира взвода, сержант Алимгулов целый день крутился возле стереотрубы, рассматривая те лазейки противника, где бы они могли пройти незамеченными.

Ночью, в крошечной темноте, он вспомнил напутственные слова сведущего «пластуна» Митрохина: «Все ходы-выходы знаешь, но осторожничай: переползайте бутры мышиным зверьком, продвигаясь тихой сапой, оно так-то вернее будет». По дыханию и шороху ползущих разведчиков командир различал каждого, но если кто-то застревал, натываясь на умерших женщин, все слышали знакомый отрывистый свист от него – насторожиться и залечь – это был приказ, глухое побрякивание – движение вперед. Такой вид связи не подвел их и на этот раз. Алимгулов был замыкающим при возвращении назад.

В предрассветном тумане луна зависла над горизонтом, а всполохи зари, словно лучами, прогоняли ее. «Надо поторапливаться», – озираясь на небо, подумал командир. Еще один рывок человека, почти вприпрыжку он мелькнул в тумане и растворился, только вспорхнувшая и затрепетавшая крыльями птица вскрикнула, нарушая тишину. Солдат плотнее прижался к земле, но рукой наткнулся на что-то мягкое и, как ему показалось, живое. Непонятные хрипы, похожие на зов, привлекли его внимание. Маленькое живое существо – девушка, она свернулась, сжалась в комок и закрыла лицо руками, как будто это было ее единственной обороной от непри-

ятеля. Он тронул ее худенькую, как плоть, руку и понял – живая. Встав перед ней на колени, бережно, подбирая ее ноги, поднял на руки. Она беззащитным ребенком прижалась к его плечу, и он почувствовал биение ее сердца и дрожь во всем теле. Словно мокрый котенок, она всем своим существом тыкалась в большое, массивное плечо Урала и в благодарность что-то непонятное нашептывала. Солдат еще крепче прижал ее, и она обмякла, согретая теплом живого человека.

Девочку Алимгулов отнес связисткам. Ее отмыли, накормили и передали в прифронтовой госпиталь.

При каждом возвращении с боевого задания Урал спешил в госпиталь проведать спасенную девочку. Они подружились. Звали ее Маргарита. Она стала поправляться. Ее открытые серо-голубые глаза светились счастьем при встрече со своим спасителем. Он старался угостить ее трофейным шоколадом. Однажды в заброшенном доме отыскал ей платье и ботинки. Поначалу она радовалась как ребенок, но со временем Маргарита стала стесняться и больше не кидалась к счастливому Уралу в объятия. Урал тоже заметил в ней некоторые перемены. Она поправилась, похорошела, налилась молодой девичьей статью, вызвавшей в самом юноше ответный отклик.

Война войной, а та, убогая в траншее, обернулась для него единственной надеждой, чтобы жить ради нее.

Они возвращались из Германии счастливые, и ничто не могло омрачить их существование в этом мире без войны. Маргарита чувствовала себя защищенной и в товарном эшелоне, и в тамбуре плацкартного вагона, и на тормозной площадке хвостового вагона рядом с мужем Уралом из неведомой для нее России. Они смеялись своему счастью, когда Маргарита произносила слова по-русски, а он переводил их на башкирский язык, нескончаемый смех удивлял окружающих.

– Плохая примета, когда попадаешь в марте в зимний буран, – вспомнил Урал слова матери.

На станции предложили переждать буранные дни. Но пророческие слова матери не могли их удержать: зов родного порога приближал к дому, думать о каких-то приметах и в мыслях не было.

Неприятности начались с военкомата. Военком долго не соглашался делать запись в военном билете о том, что Алимгулов женат. В отделе ЗАГСа тоже наотрез отказались регистрировать, считая воинскую справку¹ незаконной. В деревне встретили настороженно. Только бабушка Залиха стала на сторону Маргариты:

– Радуйтесь, что наш Урал батыр пришел живой с войны. Маргарита будет у него старшей женой, а младшие подрастут – в накладе не останутся. Выбор джигита надо уважать.

– Маргарита, ты понимаешь, а вот возражения от уважаемого муллы Арыслан бабая меня удивили, – рассказывал потом Урал жене. – Спасибо председателю колхоза за убедительную беседу с ним. Арыслан мулла не унимался тогда: «Хисамитдин, – говорил он председателю, – какой я должен держать ответ перед Всевышним,

¹Справка, заверенная командиром полка, начальником политотдела и начальником СМЕРШа воинской части, о том, что отныне Урал и Маргарита являются мужем и женой, была действующей для предъявления в отдел ЗАГСа по месту жительства.

если мы воевали с немцами, а теперь в семью немку возьмем, пренебрегая своими девушками?» А председатель отвечал: «Арыслан бабай, я тебя понимаю, но ты и меня пойми: многие мужики получают в городе паспорта и там остаются, в деревню только проводить родителей наведываются. В колхозе мужиков один-два – и обчелся, и то большинство инвалиды. А тут здоровый, рукастый парень вернулся, а ты артачишься...»

Урал улыбался, вспоминая об этом разговоре двоих уважаемых людей.

– Ты бы слышала, Маргарита, пересуды среди нареченных невест. Называли тебя Ак кош – стало быть, лебедем за то, что волосы у тебя с соломенным отливом и кожа просвечивает, что фарфоровое блюдце на солнце. А старые девы злорадствовали: «Албасты, злобная демониха, род наш притащилась портить!» Мужики завидовали! Я их понимаю: «Такую кралю городскую привез!» На айте, во время Никаха, глаз с тебя не спускали, а ты смотрела на них и краснела, как будто в чем-то провинилась. А наш прижимистый Карим-бай ерничал с ухмылкой: «С Германии вагонами прут трофейное добро, а ты, Урал, курам на смех, девицу-немку привез...»

На аят в тот день собрались все деревенские мужики и женщины от мала до велика. Интерес каждый имел свой: женщины-вдовы наряжали подросших мужчин в рубахи и тюбетейки погибших на войне мужчин и любовались ими, накрывая стол незатейливыми угощениями. После мужчин за стол садились женщины, обновив угли в самоваре, сами под шум закипающего самоварного торжества начинали слушать молитву от одной из старейших и уважаемых Каракаш-бика. А дети, слушая молитву, не могли дожидаться, когда же их пригласят за стол: ведь на такое угощение они впервые пришли после долгих военных дней.

Послевоенные дни и годы в деревенском раздолье протекали быстрым полowedм весной и созревшими колосьями осенью, тем и радовали всех, кто работал на земле.

Нареченная мусульманским именем Мадина, законная жена Урала приняла веру мужа. Вскоре расцвела она тем потаенным цветком беременной женщины, что даже солнечные лучи отразились на ее лице крупными веснушками. Мудрая Залиха абий углем рисовала отметину на лбу Маргариты, повязывая платок, оберегала ее от дурного сглаза.

Залиха абий точно угадала роды у своей маленькой «килен», так называла она ласково невестку.

– Зачем, зачем, я заранее не беру подарков, к тому же рано ты беспокоишься, – отнекивалась бабка-повитуха, а сама с любопытством заглядывалась на сверток с отрезом материи, привезенным из Германии.

– Первородная, повозиться придется. А так – что беспокоиться! – женщины все одинаковы на земле, родит и ваша «килен».

– Урал, Урал! Новость какая! Родила! Джигита темненького родила, повитуха говорит, на тебя похож. Слава Аллаху, мальчик родился! – перекрикивая шум ветра и задыхаясь от радости, кричала младшая сестренка, бежавшая вслед за трактором. Урал предчувствовал и сам, ждал гонцов, кто первым принесет долгожданную новость, и приготовленный гостинец, как и положено по традиции, торжественно вручил сестренке Сажиде. Закружил ее вокруг себя и закричал что есть мочи:

– У меня сын родился! Я мечтал, спасибо Аллаху, род Алимгуловых продолжается!

Эхом уходили в лесную чащу его восклицания и возвращались отголоском: «...ых-ых-ых», и он повторял еще и еще, радовался, что впервые ощутил себя на родной земле счастливым и начинает прирастать корнями – рождением сына.

Разным житейским премудростям научила старая Залиха свою любимую «килен». Ожидая с колхозного поля на завалинках дома хозяина – Урала, она развлекала ее, жалела по-старушечьи, шутила, как с маленьким ребенком. Из темноты играючи появлялся долгожданный и любимый Урал, подхватывал обеих, долго кружил, крепко обнимая их. Перед крыльцом старуха наказывала внуку:

– Береги ее, не обижай, она смотрит на тебя глазами своей души с такой искренней любовью и своим третьим глазом видит в тебе отца, мать и то родное место, где родилась.

О каком третьем глазе твердила бабушка, Урал не понимал.

Многое пришлось пережить Маргарите в новой семье в чуждой для нее башкирской деревне. Слышать вослед «немчура проклятая», видеть озлобленные взгляды своих сверстниц, выдерживать насмешки острословов. Только ее молчаливое согласие с собеседницами спасало ее, потому что она не понимала многого из того, о чем они говорили.

Утешали детские воспоминания о хуторе Фольваре, что в Верхней Силезии. Семья Маргариты жила своим хозяйством, не бедствовала. В ожидании лютеранского Рождества, втайне мечтая о суженом, Маргарита представляла благородного рыцаря, который спасает ее в непредвиденных обстоятельствах.

Поэтому в своем спасителе она почувствовала запах хуторского подворья, удаль деревенского силача, было в нем что-то звериное от природного естества, захватывающее дыхание.

Отец и мать Маргариты (настоящие пруссаки), когда они еще проживали в довоенной Польше, считались «предателями нации». С приходом нацистов семья переехала в Браславу, столицу Нижней Силезии, но здесь их сочли хуторскими прислужниками и переселили в польские лагеря. Маргарита никак не могла понять: почему ей, истинной немке, нет места в богатой Германии? Приходится довольствоваться лоскутным краешком неба через колючую проволоку неволи.

– У такой маленькой птахи вам еще многому надо поучиться: смотрите, как она все делает аккуратно, – указывала бабушка Залиха своей старшей невестке, что приводило ту в ярость.

– Что же, в насмешку, что ли, поставили городскую девчонку раздаивать первотелок? Попрошу председателя – пусть телятницей работает, справится, она сноровистая, там моя золовка поможет, – заступилась однажды за нее старая Залиха, определив ее судьбу труженицы на скотном дворе коровника.

Со временем старшая женщина в доме Алимгуловых Залиха абий умерла. Поладила ее «килен» и со своей свекровью, которая тоже вскоре заболела и слегла. Долгих семь лет Маргарита ухаживала за ней. Разлетелись деверя, золовки по своим домам. Теперь она только успевала встречать их в родительском доме:

заводить стряпню, топить баню, привечать своей неизменной улыбкой покорности и добра.

– Орден Славы третьей степени вручается сержанту Уралу Алимгулову...

Виновник торжества не смог сдержать волнение, чуть отвернувшись, чтобы смахнуть слезу.

Солдат стыдился своих слез, но не в силах был раскрыть тайну своей жизни, что главной наградой и судьбой для него была – Маргарита.

После суеты и поздравлений Урал Алимгулов поспешил к своей женщине, которая не отпускала его своим невидимым присутствием. Время для него остановилось в стоячем болоте, откуда не было выхода в открытое озеро их безмятежной жизни.

Мужчина брал в руки комья земли, крошил их над бугорком могилы своей любимой и беззвучно плакал. Только звонкие птичьи голоса возвращали его в ту действительность, где ему предстояло теперь жить без Маргариты.

ИНТЕРНАЦИОНАЛЬНАЯ УЛИЦА

Время неумолимо движется вперёд, и вот уже рубеж миллениума оказался за спиной. А Роман и Алексей при встрече не чувствуют своих, как говорится, «сороковника с гаком», потому что в глазах ещё горят искорки детского озорства и мальчишечья бесшабашность. Вот и сегодня они встретились возле родительского дома Романа. Когда-то этот дом возвышался на углу, где сходились три дороги, и от него бежала извилистая тропинка к школе. Перебивая друг друга, друзья долго говорили о том, что многие дома знакомых уже проданы, а другие замерли с закрытыми ставнями, словно храня память об ушедшей жизни. Вместе с ними тогда, в их детстве, жили и учились дети переселенцев. Почему они оказались в Зауралье, – об этом молчали.

Но, как обычно бывало между ними, разговор быстро перерос в спор:

– Слушай, а почему, когда нас «железка» возила в Москву, курганцы пошли на экскурсию в Кремль, а мы отправились на ВДНХ? – лукаво спросил Алексей.

– Да мне в то время было неважно, куда нас повезут. Главное – мы в Москве! Такой подарок железная дорога сделала! Вообрази, на Новый год! Три дня в Москве! – возбуждённо ответил ему Роман, привыкший к каверзным вопросам друга.

– Роман, вот я тебе скажу почему... – Он не успел договорить. Перебив его, друг продолжил:

– Наверяд ли сегодня «железка» на такое раскошелится. Вспомни только: ночевали в интернате, кормили нас бесплатно.

– Виной всему твоя сеструха, – всё-таки решил договорить Алексей.

– Так она в Москву не ездила с нами!

– А какую заваруху она устроила сначала на улице, а потом и до школы дошло!

– Моя сеструха много что творила.

– Драку-то с полевыми она затеяла!

Ребята с Южной улицы возвращались из школы. Портфели, потёртые на углах, болтались у каждого на одном ремне за спиной. Они шли гурьбой, обсуждая контрольную по химии, когда дорогу им преградили ребята с Полевой улицы. Те вышли из-за угла сарая тихо, как волчата, и встали стеной.

– Смотрите на них, выстроились, может, вы ещё на первый-второй рассчитаетесь! – язвительно воскликнула сестра Романа Гуля.

– Ты, нацменка, закрой свой рот! – резко крикнул один из толпы, целясь взглядом в смуглую девчонку. За его спиной переминались с ноги на ногу ещё человек пять. Но девочка Гуля, с чёрными глазницами, сама тонкая, как тростиночка, не испугалась. Она шагнула им навстречу, сверкнув взглядом:

– Сам заткнись, хохляк чубатый!

Толпа южан дружно засмеялась. Но смех был нервный и напряжённый.

– Пацаны, нам домой надо, пропустите, – выдвинулся из толпы Алексей с Южной улицы – он был постарше остальных.

– Эй вы, «шанхайцы», идите в свой Шанхай через болото! – рявкнул приказным тоном полный мальчик с густой шевелюрой.

– Подсохнет болото, тогда и пойдём. Вам что, жалко?

– Больно девки у вас задиристые, особенно вон та, нацменка.

– Но вы же через нашу Южную ходите в лес, и ничего с вами не делается.

– Ты мне зубы не заговаривай, уходите отсель, и всё тут, иначе напощаём, – чубатый не успел договорить, как Николай с Южной улицы скомандовал дружкам:

– Айда, пацаны! Навались, пробьём дорогу!

Началась рукопашная. Дрались отчаянно, зло, по-мальчишески честно – без камней и палок. Из подручного в ход шли только портфели. Тяжёлые, набитые учебниками, они летели в неприятеля, как тараны. Вся эта куча-мала кряхтела, сопела, вскрикивала от глухих ударов. Толпа с Полевой улицы и с Южной улицы впервые так мутузили друг друга. Со стороны казалось, что они упиваются дракой.

Победили «южане», или, как их называли в школе, «шанхайцы». Взлохмаченные, раскрасневшиеся, с рваными рубашками и ссадинами на скулах, они пробили себе дорогу. В глазах у всех горел азарт, блеск и гордость победы. Они шли и бурно обсуждали, кто кому заехал, кто как нырнул под удар, кто как положил соперника на лопатки.

Вдруг Роман предложил:

– Пацаны, а давайте все к нам пойдём обедать, мы же ещё со школы не ели. У нас бачок с картохой для скотины с утра стоит на плите, наверное, сварился.

– О, Рома, а хлебушек матушка вчера испекла? – с одобрением спросил мальчик Гена.

– А знаете, мужики, предлагаю так сделать: пока Роман картоху выбирает из бачка, кочегарит самовар, сходим по домам и принесём кто что сможет. К примеру, ты Серёга – огурцы возьми...

– Сало с прослойкой принесу я, – перебил его Колян.

– Ты, Богдан, что сможешь? – оценивающим взглядом обратился Алексей к нему.

Семья Богдана ещё до войны была выселена из Западной Белоруссии в Зауралье. Мальчик родился в Советском Союзе – так он обычно отвечал на вопрос о месте рождения. Жили они скрытно и в достатке. За плотный забор их дома никто не мог пробраться. Замкнутый, Богдан не вступал в пионеры и не был комсомольцем.

К всеобщему удивлению, лакомством для всех стало повидло – плотное, упругое в разрезе, принесённое Богданом к чаю. Сам приход его поразил товарищей: мальчик никогда не выходил на уличные игры с пацанами. За чайным столом Богдан с аппетитом ел сало с хлебной корочкой, нахваливая и то и другое.

– Пацаны, я не понял: почему они нас обзывают «шанхайцами»? Это что за слово такое? – раздувая самовар, обратился ко всем Гена.

– Нас, татар, я слышал, называют нацменами. Не только мою сестру, но и меня дразнят этим словом, – вступил в разговор хозяин стола Роман.

– А нас ведь тоже дразнят такими же обидными словами... – с досадой высказал своё недовольство и Михай, молдаванин по национальности.

Семья Михая тоже была из переселенцев. На родине семья жила хуторским хозяйством. В Зауралье к ним относились с уважением, хотя они с трудом изъяснялись на русском языке. Своим природным оптимизмом и независимым духом молдаванская семья словно излучала исконное добродушие. Их музыкальный дар, казалось, был врождённым, – будто они родились уже со скрипкой. И отец, и все мальчики в семье великолепно владели этим инструментом. Звучание музыки в волшебных руках молдаван стирало все границы условных запретов для переселенцев.

– Ребята, я – русский! – искренне обратился к ним Алексей. – Я здесь родился, и мои предки здешние! Давайте прикинем, какие национальности живут на нашей улице.

– Богдан – белорус, Роман – татарин. Я – русский по отцу, – начал перечислять Колян, но его прервал Алексей:

– Айбятоты? Они кто? Вроде мусульмане?

– Также переселенцы, из Ульяновской области прибыли. Отец говорил, что они крымские татары, – ответил ему Роман.

– У нас ведь ещё казахи есть. Отец у них в заготконторе работает, а летом они всей семьёй табуны пасут, – снова вступил в разговор Колян.

– Да, Сапиевы. Нурлан, их сын, с моей сеструхой учится, – подтвердил Роман.

– А Ёся Жданов? Он вроде еврей, только фамилия у него русская, – опять вклинился Колян.

– Стало быть, наша улица – интернациональная! – с гордостью провозгласил Алексей.

– Крымские татары! – воскликнул Роман. – Мы, местные татары, отличаемся от них. А ты ещё забыл про баптистов!

– Не, Рома, баптисты тоже русские, но живут своей общиной, – поправил его Алексей.

– А кто по национальности Эльбрус Исянгулов, имя как у горы на Кавказе, их в семье тринадцать детей? – заинтригованно, подняв указательный палец, спросил Гена.

– Да они местные аборигены, из Сафакулевского района – башкиры, – ответил ему всезнающий Алексей.

– Пацаны, а давайте у нашего завуча, Виктора Аркадьевича, спросим: почему нас так обзывают? – не унимался Колян. – Вот ты у нас самый умный, Лёха, ты и спроси! Как раз завтра история первым уроком будет.

– Как обзывают? – не унимался Алексей.

– Нас всех нацменами обзывают, кроме тебя, – разъяснил Николай.

– Ребята, кому что непонятно из сегодняшней темы – задавайте вопросы. Жду, – доверительно обратился к ученикам Виктор Аркадьевич. Увидев поднятую руку Алексея, учитель подошёл к нему и мягко произнёс:

– Ну, Алексей Федотович, что вас интересует?

Учеников старших классов Виктор Аркадьевич называл по имени-отчеству и обращался к ним на «вы». Каждый, даже самый хулиганистый из парней, замолкал и пасовал, услышав своё «возвеличенное» до отчества имя.

– А кто такие нацмены?

– Да, вопрос вы задали очень сложный. До конца урока осталось, – он взглянул на часы, – всего три минуты. А давайте на следующей неделе устроим факультатив после уроков, кому интересно будет – приходите.

На педсовете школы Виктор Аркадьевич предложил провести открытый урок на тему «Национальные меньшинства» с привлечением родителей.

– Тема щекотливая, не боитесь? – возразила Олимпиада Константиновна.

– Как директора школы, я вас понимаю, но умы наших выпускников взбудоражены не только на почве уличных стычек. Раз вопрос уже возник, лучше ответить на него в школе, – не отступал учитель истории.

Зная авторитет своего завуча, она всё-таки согласилась и предупредила:

– Хорошо, я доложу в райком партии. Не удивляйтесь, если они кого-нибудь пришлют. Привлекайте родительский комитет. Согласитесь, по вашему сценарию дело хлопотное.

Последний урок вела классная руководительница Таисия Григорьевна, и в конце она объявила:

– Ребята, у вас сегодня будет дополнительный урок истории на очень интересную тему. Мы, учителя, тоже придём послушать.

Пропустить занятия завуча воспринималось как проявление неуважения, поэтому все сорок два человека были на месте. Виктор Аркадьевич умел не столько рассказывать, сколько «показывать» историю, раздавая ученикам роли героев далёких событий. Оживление и участие в спонтанных сценах, придуманных учителем на лету, по-настоящему увлекали ребят.

И на факультативном уроке он сочинил историю про живущих вместе людей, которые приехали из разных мест со своими традициями и укладом на узловую станцию Южно-Уральской железной дороги. Все дружно заплодировали по взмаху учителя, когда он сказал, что сегодня в гостях башкиры, молдаване, белорусы, казахи, татары, евреи и другие ребята, вышедшие на сцену. Понятие «национальные меньшинства» после такого события прояснилось для всех ещё и потому, что в интернациональном спектакле каждый, выходя на сцену, поприветствовал присутствующих на своём родном языке, а потом приглашал к праздничному обеду. Приветствия на родных языках воспринимались на слух как мелодия из другого мира. Дети охотно поверили в эту игру учителя: жить вместе – дружить вместе. Но взрослые-переселенцы восприняли посыл учителя настороженно. Вскоре учителя проводили детей в школьную столовую.

На богатом столе стояли национальные блюда. Многие ребята пробовали такие угощения впервые. Горкой возвышался татарский чак-чак, большими шарами –

казахские баурсаки, пышной стопкой – кружевные русские блины. Молдаване напекли печенье гогош с яблочной пастилой. А мама Коли нахваливала с украинским задором свои бублики-свистуны.

Караваем на медном блюде красовались аппетитные кыстыбыйчики, лепёшки, начинённые картофелем, мамы башкира Эльбруса. Мама белоруса Богдана скромно предложила дергуны. Еврейская бабушка Ёси на узорчатом блюде раздавала детям цветные шарики из моркови с изюмом, называя их цимес-кнедли. Это было самое сладкое лакомство на столе.

Рассказывая за чаем о Всесоюзной выставке достижений народного хозяйства, Виктор Аркадьевич подытожил:

– Богатство нашей страны в том, что мы живём дружной семьёй разных народов. Сплочённые в единый кулак, мы победили всех врагов, которые приходили к нам с мечом. Большой русский народ объединил вокруг себя все малые – в этом наша сила. Малые народы и есть национальные меньшинства.

Виктор Аркадьевич волновался и сомневался: поверят ли родители, убедил ли он их такими доводами? И каждый раз, обращая внимание на отклик родителей, на их улыбку, молчание некоторых, – немного тушевался.

Когда говорил учитель, дети переставали жевать и ловили каждое слово.

– Николай Алексеевич, – обратился он почтённо к Коляну, – я читаю в ваших глазах вопрос, сейчас отвечу... – он вдруг замолк, оглядывая родителей.

– Жить в дружбе можно, если она не ложна, гласит русская пословица, а ей вторит украинская. – Учитель взглянул на маму Коляна:

– Плохо жить, коль с соседями не дружить!

Учитель перевёл дыхание, чтобы продолжить, но тут включилась мама Романа:

– Что слаще халвы? Дружба после вражды!

А ей вторила, улыбающаяся, с искринкой в глазах, мама Нурлана:

– За дружбу дружбой платят!

Эстафету поговорок подхватила смуглая, с ярким румянцем мама-молдаванка Михая:

– Друга нашёл – говорят, клад отыскал!

– А у нас говорят: лукавый друг хуже недруга, – с румяным лицом, подобно полной луне, воскликнула мама башкира Эльбруса.

Теперь Виктор Аркадьевич взмахнул рукой перед родителями, как смычком в дружном оркестре, и, обращаясь к Алексею, подытожил:

– Алексей Федотович, я рад, что вы внимательны на моих уроках. Ваш вопрос о единстве народов вылился сегодня в такой праздник. – Учитель перевёл взгляд на родителей и торжественно продолжил: – Все мы, собравшиеся здесь, живём в сплочённой семье Союза Советских Социалистических Республик.

На какое-то время все затаив дыхание перестали жевать и смотрели на учителя, тот в свою очередь смутился.

– Я рад, что откликнулись родители. Это они сегодня, дети, для вас устроили пир горой.

Все дружно снова принялись пробовать и нахваливать национальные угощения хлебосольных родителей. Настроение учителя вселяло надежду, что тематический урок получился и значимое событие для детей и родителей запомнится на всю жизнь.

Открытый урок прошёл на удивление гладко. В актовом зале кроме родителей и учителей сидел незнакомый мужчина в тёмном костюме – тот самый «товарищ

из райкома». Всё занятие он просидел с каменным лицом, изредка делая пометки в блокноте. Но к финалу, когда дети на разных языках приветствовали друг друга, а родители начали наперебой хвалиться национальными угощениями, лицо его дрогнуло. После урока он подошёл к завучу, пожал ему руку и сказал тихо, чтобы никто не слышал:

– Я искренно удивлён вашим новаторством и творческим вдохновением. Честно говоря, такого не ожидал. Он помялся, покосился на свой блокнот и добавил:

– Вот только как мне теперь докладывать об этом в райкоме? Товарищ, который меня послал, в зале не сидел. Ему нужны факты, а не вдохновение.

Виктор Аркадьевич улыбнулся в ответ:

– Так и доложите, что урок прошёл в рамках воспитания патриотизма и дружбы народов. Это ведь чистая правда.

Товарищ из райкома вздохнул, спрятал блокнот в портфель и, уже уходя, бросил:

– Ладно, попробую так. Но если меня снимут – приду к вам учителем истории.

Виктор Аркадьевич, вместе с ребятами пробуя и нахваливая угощения родителей, вдруг сказал:

– Ребята, будете в Москве, после посещения Красной площади сразу поезжайте в метро до остановки ВДНХ, – он говорил так вдохновенно, как будто у всех присутствующих была такая возможность.

И надо же, сбылись пожелания учителя: девять учеников (ещё в школьные годы) побывали в Москве. А гидом в павильонах Выставки достижений народного хозяйства стал школьный кумир – учитель истории.

– Столько лет прошло, наши дети уже школу окончили, а мы всё ещё её забыть не можем, – задумчиво сказал Роман. – Вот почему так?

– Да потому что школа была центром притяжения не только для нас, но и для родителей, – ответил Алексей. – Наш Виктор Аркадьевич ведь тоже был из переселенцев. А ты не помнишь, его как-нибудь по-другому называли?

– Нет, – Роман покачал головой. – А вот Олимпиаду Константиновну – да, её Графиной звали. Химия, биология – козырные уроки были! Я до сих пор помню её опыты.

– Благодаря ей я в химтех поступил и сессии сдавал экстерном, – усмехнулся Алексей. – Да, были разговоры, что она графского происхождения, с породой. Походка у неё царственная: не шла, а плыла. Я потом долго не мог жениться, всё похожую на Олимпиаду жену себе искал.

– А что тогда на нашей Гульке женился?

– Сравнил! Она же королева Востока! Вот и Гуля моя идёт.

– А детей почему так называли?

– Интернациональные имена выбирали, чтобы обидно не было: дочь – Сара, пацаны – Марат, Артур.

Подошла Гуля, обняла своих любимых мужчин и пригласила к столу, где восседал тот самый угольный самовар из далёкого детства.

ФЁДОР

Дед Федор устал жить и ждал смерти. Не стало радости жизни, энергии, планов. Один план – в яму! Жизнь прожил без взлетов, особого усердия, смысла, подвига – заодно с другими на земле. Вроде жил – вроде нет. Главное, что у него есть большой сын – сгусток его генов, помыслов, побед и поражений. Человек бессмертен, если у него есть дети и внуки.

Старуха у него умерла, а сын с внуками жили в городе, навещали его редко – чаще звонили и сухо докучали, что «все хорошо». Остался Федор один со своими воспоминаниями. Никому не нужны старые, ветхие люди – обуза молодым. Отжили, отработали, перебесились – хватит! Дайте другим пожить!

Из личного хозяйства у Федора остались только куры да огород. Впрочем, какой огород, если в нем росли только лук да картошка. Зачем ему огород, к которому не лежит душа? Летом он ходил в лес по грибы и ягоды, на рыбалку – проверял на озерах мордушки. Затем солил на зиму грибы, варил варенье и сушил рыбу. Сын звал его жить в город, но разве поедет сельский человек в городские трущобы, чтобы путаться у родных под ногами, вызывая раздражение и досаду.

В деревне дедов дом, воспоминания, соседи, лес и два больших озера, кладбище, где похоронены жена, родные и близкие ему люди. Здесь прошла его жизнь! Зимой он сидел дома, грел на печи радикулит, больные ноги и за горячим чаем ударялся в прошлое.

Жили по-разному – иногда хорошо, иногда плохо, но всегда трудились. Все приходилось делать самому. Нет в деревне наемных мастеров и бригад! Не приглашать же к себе из города электрика или инженера! Жизнь – учитель, всему научит – и сеять, и

**Сергей Львович
ЛЕОНЧУК**

Родился в г. Кургане. Школу окончил в селе Сумки Половинского района. Литературной деятельностью занимается с 2010 г. Автор публикаций в журналах: «Урал», «День и ночь», «Подъем», «Искатель», «Дон», «Тобол». В 2019 г. вышел сборник рассказов «Сгусток энергии».

собирать урожай, и дома строить, и на машине, тракторе-комбайне робить! Деревенский человек в любом деле себя найдет!

Жена у Федора была мастерица, все умела делать – дома всегда чистота и порядок, с коровой и телятами – любовь, в огороде все растет, варений и солений – полный погреб. Насолит груздей целую кадушку – а грузди ядреные, на чесноке, укропе и хрене, – наесться не можешь! Особенно когда их ешь с вареной картошкой да лучком! А то борщ приготовит, шанег да пирожков напечет! Ешь не хочу! Да вот умерла старуха, бросила его! Душа к ней зовет! Летят годы, как осенние листья с деревьев!

Собака Стрелка и та пропала – внезапно захрипела, захаркала, будто подавилась, ушла за сарай, легла на худой живот, заскребла ногами и перестала дышать. Тоже старая была! Федор похоронил собаку у забора, а рядом яблоню посадил – будет память о друге. После смерти жены в доме Федора стали собираться бродячие кошки. Федор подкармливал их. В ответ они пели-мурлыкали ему кошачьи песни, облегчая чувство тоски и боль одиночества.

В деревне почти никого не осталось – старики в своем большинстве поумирали, а молодежь, которая бойкая, уехала в город. Что ей делать в деревне, если нет заработка? По запустелым деревням ездят подростки, хулиганят, отбирают у стариков железо, предметы старины – самовары, медную и бронзовую утварь, иконы, требуют сапогов. На их телах синют нацистские знаки – черепа с костями, горящие кресты, храмы, свастика. Себя они называют немецкими именами Ганс, Курт, Отто, Макс и зигуют при встрече, выбрасывая правую руку вперед. Случается, они пьяные на моторах с факелами кружат вокруг деревни, требуют с пенсионеров пожарный налог. Участковый грозил им, да что толку!

Дед Федор со старухой завещали свой дом внукам – другого ничего не нажили! Трудились, себе во всем отказывали. А где накопления? Если нацисты сожгут их дом, то после них ничего не останется. Будто и не жили вовсе!

Если в деревне нет дела, деревня деградирует. Деградируют земля, постройки, техника, людские отношения. Плачет заросшее бурьяном поле, двери и окна клуба забиты досками, закрыты школа, детский сад. Скот забит. Птицу в деревне и ту перестали держать. Коровники разобраны на кирпичи и железобетонные блоки, все, что плохо лежит, давно растащено и увезено. Нет тракторов и комбайнов, грузовых машин – зачем они, если нет хозяйства? Растоптали, унизили вековую деревню, подвели ее к краю!

Дед присмотрел себе место на кладбище – рядом с холмиком жены. Смерть соединит нас, решил он. Он прибрался вокруг, поправил могильную оградку, поставил внутри ее столик и лавочку, посадил рядом яблоню и рябину. «Кто потом будет все делать?» – правильно рассуждал он. Придут на могилки родные люди, сядут на лавочку и вспомнят его с матерью. Мы много думаем о жизни, но дело заключается в том, чтобы вовремя подвести под ней золотую черту и без унижения старости уйти в прошлое. Зачем держаться за жизнь, если в ней нет божественного смысла и назначения?

Федор с утра вязал березовые веники для бани – куда в деревне без нее? Затем складывал в поленницу дрова. В калитку зашла почтальон Нинка – принесла пенсию.

– Я взяла со всех пенсионеров по одной тысяче! – залопотала она, гася сигаретный окурочек.

– Как так? – удивился дед Федор, выходя ей навстречу.

– Мне на зимние сапоги надо! – Нинка поправила на плече почтовую сумку. – Как я буду зимой старикам пенсии разносить? По морозу босиком? – она засмеялась. – Останетесь без почты!

Вечером к пряслу подошел дед Игнат – сосед Федора, руки его нервно тряслись, голос срывался:

– Повадилась лиса в курятник! – запричитал он. – Это же рэкет, нарушение закона! Беспредел!

– Сын обещает приехать в отпуск в деревню со снохой и внуками, больше года его не видел! – перебил его Федор.

Федор жил встречей с семьей сына – сажал для родных картошку, откладывал деньги с пенсии. Но главное он берег для них отчий дом, колыбель их рода. Хорошо, когда у тебя есть близкие – преемники фамилии. Если ты живешь будущим молодежи, событиями ее жизни, твоя душа молодеет. Федор жил для потомков, расцвета молодой поросли. Жить для себя не принято в русской традиции, нужно жить для кого-то!

На другой день дед Федор поехал в райцентр на прием к врачу-терапевту – беспокоило сердце.

– Снимите кардиограмму! – не отрываясь от стопки бумаг, сказала врач. – Затем зайдете ко мне.

– Я вам карасей принес! – сказал Федор.

– Вы сами наловили? – удивилась терапевт. – Я очень люблю рыбные пироги!

– Съедите, я вам еще наловлю! – дед Федор поставил возле врача ведро с рыбой. – У нас полные озера карася! – в голосе деда звучала радость. – Сын обещает с семьей приехать в деревню! Пойдем с ним на карася! – улыбнулся дед.

– Какое счастье иметь детей! – терапевт подняла глаза.

Дома Федор увидел сломанную дверь в баню – кто-то пытался вырвать из бани тяжелую печь из нержавеющей стали, но печь, приваренная к железобетонной подошве, не поддавалась.

– Ты не видел, кто у меня в гостях был? – хмуро спросил дед Игната, сосед пасся на задах.

– Похоже, нацисты! – сморщился Игнат. – Видел, что на моторах ездят! Все в наколках! Я хотел к ним выйти, поговорить, – сердито добавил он, – да боялся, захлестнут шаровкой! Ничего святого! Может, тебе в прокуратуру обратиться? – сосед повысил голос. – Найдут хулиганов! Посадят!

– Вот и волки пришли! Нет власти в деревне! – Федор поставил дверь бани на место.

– А участковый? У него пистолет!

– Его, как и тебя, захлестнут шаровкой! И пистолет заберут! – сплюнул Федор.

– Как так? – не унимался Игнат.

– Ты слышал, в соседней деревне дом сгорел? – Федор погладил бороду. – Где твоя власть?

– Участковый сказал, что причина пожара – несчастный случай! – встревожился сосед.

– Может, и так, только бедолаги не стали платить волкам пожарный налог!

Вечером к дому деда Федора на моторах подъехали нацисты. Старшим у них был Ганс.

– Дед, плати пожарный налог! – Ганс загоготал. – Иначе красный петух запляшет по твоей ограде!

Вурдалаки фарами осветили его деревянный дом и ограду.

– Я вот возьму ружье – тогда некому будет платить налог! – ответил дед. – Ко мне сын приезжает из города, он вас, как котят, раскидает!

– Ты не пугай, мы пуганые! – нацисты разразились отборной бранью.

Дед Федор выстрелил вверх.

– Теперь выстрел за мной! – прохрипел Ганс.

– Откуда стрельба? – Игнат трусливо подошел к пряслам.

– Ворон с огорода отпугивал! – Федор мел листья в ограде.

– Ружье сдай участковому! – заявил Игнат. – А то пьяные вурдалаки сожгут наши дома! Будем ночевать в поле!

– Ружье у меня по закону! Я охотник-рыболов со стажем!

– Не ищи лихо, пока тихо! – Игнат недовольно махнул рукой. – Надо звать на помощь участкового!

– Сын поговорит с вурдалаками!

Дед Федор привычно сидел на озере и рыбачил. Место было прикормлено, и он к обеду наловил полведра карасей. Он уже собрался идти домой, как к берегу подъехали нацисты.

– Ну, что, дед, посчитаемся? – Ганс ногой перевернул ведро с рыбой. Караси запрыгали по песку.

– Может, тебе рыбы надо? – оскорбился Федор, сворачивая удочки.

Ганс ударил его кулаком в грудь. Дед упал на песок, затем извернулся и бросил горсть песка ему в лицо. Ганс на минуту ослеп, затем вытащил из мотоцикла обрез.

– Ты забыл, что выстрел за мной?

– Пусть платит пожарный налог! – дружки пытались унять Ганса.

– Эй вы, партизаны! – к озеру спускался участковый. – Всем отбой!

– Дед, много рыбы наловил? – обратился он к Федору. – Может, на уху пригласишь?

– Приглашу! – ответил дед Федор, собирая с песка рыбу.

– Сдайте обрез! И не злите меня, а то посажу! – лейтенант гневно посмотрел на нацистов. – Я добрый, если не злой!

Лейтенант довез деда до самого дома.

– Если будешь продавать дом, – он понизил голос, – продай его мне! –

А нацистов я приструню!

Вскоре к дому деда Федора вновь подъехали нацисты.

– А ты, дед, молодец! Не испугался силового давления! – Ганс снял мотоциклетный шлем. – Я осенью буду проситься в горячую точку! Что дома без дела сидеть? – пьяный Ганс обнял размалеванную Нинку, кутившую в люльке мотоцикла.

– А нацизм?

– Нацизм – это ребячество, игра в войну!

– Выходит, проверяли меня? – удивился Федор. – А я думал...

– Дед, займи два куса до завтра! – перебил его Ганс. – Мы молодые, спешим жить! Дед Федор недоверчиво вынес деньги.

– Тебя обмануть проще, чем вдовую бабу! – Ганс спрятал деньги. – Водки выпьешь с нами?

Вурдалаки заулыбались. Нинка скривила рот.

На другой день к Федору заглянул Игнат.

– Боюсь, что спьяну нацисты спалят наши дома! Может, заплатить кровопийцам пожарный налог? Как думаешь?

– Я буду стрелять! – Федор топил баню, из трубы валил дым.

– Не хочу на улице остаться! – перекрестился Игнат. – Каждая жизнь должна иметь свой дом! Нет дома – нет жизни! – Игнат не находил себе места. – Как думаешь, есть Бог на свете?

– Если Бога нет, тогда наша жизнь случайность, в ней нет высокого смысла! Все в печную трубу!

– Когда твой сын придет? – строго спросил Игнат Федора. – Пропадем!

– Обещал – значит придет! – Федор верил и не верил в приезд сына. – Он мечом и огнем наведет порядок в деревне!

– Огнем не надо! – сосед тревожно засучил ногами. – Мне скоро корове на задах стог сена ставить!

В выходные дни из города к деду Федору наконец приехали сын, сноха и внуки. Возле ворот его дома встала большая иномарка. Федор пошел их встречать. Лицо его светилось счастьем.

– Целый год не приезжали! – сказал он, обнимая гостей. – У нас карась пошел – люди ведрами его с озер таскают, грибов и ягод в этом году полно! Я вас заждался! – сердце Федора металось.

Сноха сразу стала собирать на стол. Сын, улыбаясь, ходил по ограде, вспоминая босоное детство. Внуки играли с кошками. Федор ходил за сыном, рассказывая ему деревенские новости.

– Как здоровье? – озабоченно спросил сын отца. – Вроде истощал!

– Деревня город кормит! – улыбаясь, ответил дед. – А не наоборот!

– А то переезжай к нам! Дом продадим!

– Как можно продавать дом? Этот дом еще твой прадед строил, дом пережил войну, спасал в морозы, здесь жили мы с матерью! Здесь прошла жизнь целых поколений! – захохот Федор. – Дуб возле ворот посадил твой дед, черемуху в палисаднике – мы с матерью!

– Тебе старое ружье нужно? – неожиданно спросил отца сын. – Меня друзья зовут на утиную охоту, а у меня ружья нет!

Федор хотел рассказать сыну про свою тоску, одиночество, частые боли в сердце, бессонные ночи, вурдалаков, но смолчал. У сына семья. Зачем ему чужие заботы? Своих забот – полон рот!

– Забирай! Я на охоту больше не хожу! Ноги болят! – пояснил он. – Я баню затопил – помойтесь с дороги! Веники...

– Мы к тебе ненадолго – на море собрались! – торопливо сказал сын. – Пообедаем и домой! ... У тебя картошка с прошлого года осталась?

– Берите в погребе! Для вас и сажал с запасом! – заволновался Федор.

– Не понимаю, что хорошего на море? У нас озера, лес, целебный воздух! Я знаю, где дикий мед можно добыть! – дед стал хвалить деревню.

– У нас завтра самолет! – сын махнул рукой. – Осенью приедем помогать молодую картошку собирать!

– Мы возьмем к себе котеночка? – к деду подошли внуки, держа в руках пушистого котенка.

– Не надо мне его! – сморщилась сноха. – Кто будет за ним убирать?

– Мы будем убирать! – закричали дети. – Честно-честно! Посмотри, какой он хороший!

– За собой-то не убираете! Постоянный кавардак в детской комнате!

Пообедав, гости стали собираться домой.

– Ты звони, если что! Поможем! – сын складывал в багажник картошку, банки дедовского соленья и варенья, сушеную рыбу. Сноха рвала цветы. Котенок жалобно пищал в машине, внуки гладили его.

– Мать навестите на кладбище! – перекрестился дед. – Она вас давно ждет! Должно быть стыдно!

– В другой раз! – сноха торопила сына. – Еще вещи не собраны!

Федор помахал гостям сухой рукой. В его глазах стояли слезы расставания. Он снова остался один со своей тоской, бродячими кошками и старостью. Ожидание сына и внуков продляло его жизнь, насыщало ее смыслом, звало в будущее. Их отъезд вызвал обратную реакцию.

Ночью Федор умер.

ПОД СНОС

В центре города стоял старый деревянный дом, как вопиющий анахронизм. Его давно хотели снести, но как-то все не доходили руки, а может быть, и головы. К тому же хозяева дома никак не сдавались и строили всякие препоны администрации города, чтобы сохранить его, как семейную ценность и историческую память. Дом повидал всякое на своем веку, поменял множество хозяев, пережил войну, был свидетелем всего, что составляет цветастое полотно нашей жизни. Но кто ж его сегодня об этом спросит и выслушает, и кому он и что может рассказать?

Как бы там ни было, старый дом отжил свое. Ну, не может жить развалюха среди парадного новодела! Как жаль, что этого не знали ласточки, свившие гнездо под самой крышей. Они каждый год здесь вили уютное жилье для своих малышей. Дом прельщал их душистой землей, зеленью деревьев, отсутствием городского шума и душевной теплотой хозяев. Они радостно щебетали, ожидая появления птенцов. Не знали о сносе дома еще и мудрые деревья, растущие вокруг, большой сад-огород, старый кот Васька, безмятежно лежащий на крыльце, и верная собака Стрелка, который год оберегающая дом от незваных гостей. Все они были неотъемлемой частью старого дома и не представляли себе жизни без него, впрочем, как и сами хозяева. «Кому нравятся мертвые бетонные новоделы, ну и живите в них! – рассуждали они. – А это наш дом и наша жизнь! Мы здесь родились, горевали и радовались, растили детей, трудились. Здесь и болезни отступят, потому что дом вылечит!»

Все помнит старый дом – и свадьбы, и похороны, и повестки на фронт, и саму войну. И все было в нем, как, наверно, в любой большой жизни. Дом даже помнит,

как его хозяева бегали босиком, играли в пятнашки и прятки, ходили в школу, прятались от мороза на печи, спускали в подпол соленья, молодую картошку, держали корову и пили из подойника парное молоко.

И вот дом стал стар и немощен, отжил свое. Это как жил-жил человек, постарел и брошен, потерян и всеми забыт! Ложись и умирай! Хозяева дома, может, и согласились бы жить в каменном мешке. Но куда же деть старого кота, сторожевую собаку, домового, духи-воспоминания о прошедшей жизни, молодости, которыми полон дом, где каждый угол, досточка и гвоздь – это целый роман-эпопея? А свадебный танец цветущих яблонь под аккомпанемент – жужжание пчел, и огород, который преданно кормит каждый год? А парная русская баня с березовым веничком и богатырским духом? И кто же будет пить мертвую воду из крана, когда в ограде есть колодец с живой водой!

Дом, как магнит, притягивает к себе все живое – высокие тополя, рябину и сирень в палисаднике, сад-огород, георгины у окон, колодец, баню, дровяной сарай. На чердаке дома также идет своя жизнь: лежат куски шифера и листового железа, доски и рубероид, зимние рамы. Здесь хозяева на своем месте, нужны дому, от них зависят жизни их малых друзей. А вот если дом снесут, то и жизнь здесь закончится, ибо нет дома – нет и жизни! Любая жизнь имеет свой дом!

Но пришел бульдозер и разбудил патриархальную тишину. Как любим мы решать проблемы бульдозером! Хозяев дома поставили перед фактом сноса, что терпеть старый дом больше нельзя, так как портит он внешний вид города, как бельмо в общем городском глазу! Власть – она во все времена власть, ее на хромой кобыле не объедешь! И пошло, поехало, загромыhalo, будто наступил конец света. Вот он, бездушный прогресс! Старики, кот Васька и собака Стрелка попали под раздачу и были согнаны с насиженного места, как и ласточки. Все в испуге бросились прочь. Им было страшно смотреть, как трещит и рушится их Ноев ковчег, а с ним и годами налаженная жизнь. Они видели, как падают под трактор и превращаются в щепы рябина и сирень, плодовые деревья, как льет горькие слезы колодец и стонет годами ухоженная земля. Ласточки бесстрашно атаковали железного коня, жалобно кричали, потом сели на электрический провод и беспомощно, как люди на похоронах, заплакали. Погибли их птенцы. Сгорбились надломленные старики, прощаясь с домом, где прошла их жизнь. Завыла, залаяла верная старому дому Стрелка, обиженно сжался в комок кот Васька. Красные ягоды растерзанных плодовых деревьев своим соком-кровью окрасили гусеницы бульдозера. Пурпурные лепестки георгинов, как бесчисленные письма-похоронки, разлетелись по сторонам, извещая о смерти ветерана. Случайные зеваки столпились, наблюдая, как тяжело умирает дом. В их глазах были праздность и любопытство. Но были и такие, которые начинали взывать к Богу и судорожно креститься, прося у него прощение за грехи своих нерадивых сынов. Дом объединял поколения людей, живших в нем, в одно целое, одну семью и определял общую линию судьбы, жизни. Теперь все осиротели, будто прервалась связь времен, прошлого и будущего, дедов и внуков.

За два часа от дома ничего не осталось, только горы мертвого мусора и долгое эхо на пустыре от лязганья гусениц, стона досок, кирпичей, стекла, деревьев, колодца и одинокий вой убитой горем несчастной собаки.

Закончился большой виток жизни целых поколений, и жизнь, как вихрь, полетела дальше, рождаясь и умирая одновременно!

ГЛАВНАЯ ДОРОГА ЖИЗНИ

Непьющий Ленька стал выпивать. Сначала редко, затем все чаще. Поводов выпить было бесконечное множество – свадьбы и похороны, встречи и проводы, радость и горе, опять же вспашка зяби, боронование, посевная, сбор урожая. Иначе ничего не вырастет и голодать начнет народ! А затем и без повода – после работы, бани, для аппетита! Главное, что Ленька потерял меру, – пил до упора, пока не упадет! После первой рюмки шла вторая, и он уже не мог остановиться! Потом наступало тяжелое похмелье с головной болью, депрессией, и он пускался в длительный алкогольный запой! Ленька и не заметил, как потерял индивидуальность, сузился и обмельчал! Жена на него давно махнула рукой, а дети уехали жить в город. Однако на работе Леньку держали, так как работник он был исправный и руки у него росли откуда надо! Иногда Ленька тосковал, ему было жаль себя, свои пропитые мечты, душевную красоту и непорочность. «Как легко свернуть с верной дороги и заблудиться! – думал он. – Потом эту дорогу днем с огнем не найдешь, пропадешь на бездорожье!»

Однажды Ленька вылепил из глины свистульку в виде петушка, который «рано встает и спать не дает». Свистулька всем понравилась, дети уговорили сделать еще! Тогда он усложнил задачу – вставил в горловину петушка металлическую мембрану, чтобы он лучше пел, разукрасил его яркими красками и покрыл лаком. Игрушка получилась лучше заводской! Пошли заказы, хоть открывая лавочку! Ленька начал делать детские игрушки – петушков, белочек, зайцев, лисичек. Но главное, что в делах он перестал пить, глаза его блестели в веселом порыве. Игрушки получались все краше. Постепенно с глины он перешел на резьбу по дереву, а затем и чугунное литье. В творческом азарте Ленька поставил у себя деревянные резные ворота, вырезал на окна красивые наличники, а на крышу посадил золоченого петуха. Затем он приставил к дому высокое королевское крыльцо с причиндалами, обновил в ограде колодец и баню. Получилось сказочно и красиво. Все ходили и удивлялись. Никто не знал, что в Леньке скрывается народный умелец!

Но случился пожар, сгорели царские ворота, королевское крыльцо, колодец, баня и столярные инструменты. Загоревал Ленька и запил по-черному, и никто не мог его остановить! К нему приходил с работы бригадир, приходили соседи, примчались дети из города, убеждая не пить! Но все напрасно – не было слов, которые вылечили бы его обожженную пожаром душу. Он вновь потерял главную дорогу жизни. Внезапно к Леньке пришли ребята с его глиняными свистульками – под окнами сразу засвистели майские соловьи, разгоняя его тоску. Настоятель церкви обратился к Леньке за помощью – нужно было срочно поставить в церкви высокие деревянные двери с ангелами и голубями в переплетах.

– Своими поделками и мастерством вы разбудили матушку-Русь, зажгли в ее балалаечной душе фонарь веры и надежды! За это вам низкий поклон! – настоятель низко поклонился Леньке по пояс и перекрестил его.

Вечером после работы к Леньке зашли директор школы и трудовик, они уговорили его показать детям свое искусство резьбы по дереву.

– Вы народный умелец! – заявили они Леньке. – У вас есть чему учиться молодежи!

А затем портрет Леньки вместе с лучшими работниками областного опытного хозяйства повесили на Доску почета.

Ленька просветлел душой – он нашел главную, столбовую дорогу своей жизни!

ШАДРИНСКАЯ ЛЕГЕНДА

Ходит в Шадринске легенда,
мол, скрывался в граде сём
Цесаревич, что был кем-то
чудным образом спасён.

Здесь, простой семьёй крестьянской
будучи усыновлён,
жил, вырослел наследник царский
под столетних сосен звон.

И однажды искрой Божьей,
что у каждого в душе,
он в российском бездорожье
растворился, вдаль ушел.

Уходя, благословил он
Шадринск, малый городок...
Вправду ли такое было?
Сказка – ложь, да в ней намёк.

ОБИТЕЛЬ СЕРДЦА

Высокий берег над Исетью.
Коль день погж и даль светла,
увидишь – точно сквозь столетья –
Далматовские купола.

Село Крутиха. Недалече
Загайнова. А за рекой
в Коротковой уж топят печи,
Максимово – подать рукой.

И Замараевское близко,
и Нижний Яр – вёрст пять всего.
Вот где души моей прописка,
обитель сердца моего.

В сём околотке нешироком,
меж этих деревень и сёл,
что можно враз окинуть оком,
я годы лучшие провёл.

Весенние мои годочки...
Когда почую, что вот-вот,
у Бога попрошу отсрочки –
вернуться в околоток тот.

**Сергей Александрович
ПЕРУНОВ**

Родился в 1976 году в г. Шадринске Курганской области. Член Союза писателей России с 2016 года. Автор книг стихов «Весна-река», «Неопалимая рябина», «Берёзовое причастие», «Тише воды». Лауреат литературной премии имени Святителя Филофея (2025), член правления Тюменской региональной писательской организации Союза писателей России. Живёт в г. Тюмени.

Юрий ВАЛЬТЕР

Юрий Вальтер – литературный псевдоним Шибаева Юрия Вальтеровича. Под ним автор известен в сетевом журнале «Самиздат», где в основном размещены его произведения.

Родился в 1951 г. в Башкирии. Окончил факультет иностранных языков Курганского педагогического института, Академию МВД СССР. Преподавал в школе, работал в органах внутренних дел, службе судебных приставов. Печатался в местной периодике, еженедельнике «Попутчик-криминал» (Санкт-Петербург), коллективном сборнике «Сила символа» (Рязань), журнале «Голбол». Автор сборника стихов и рассказов «Вернуться к самому себе». Живет в Кургане.

К ВОПРОСУ О ПРОИСХОЖДЕНИИ ВИДОВ

Когда сэр Чарльз попал на небеса,
Его спросил Господь, нахмутив брови:
«Скажи, ты это все придумал сам
Или с подачи беса набуровил?

А где же я все это время был,
Пока вы там, в бульоне, вырастали?
Ты, парень, или конченный дебил,
Или тебя мой вечный враг наставил».

Всевышнему не станешь пудрить мозг,
Вот и настала истины минута.
Чарльз Дарвин так ответил на вопрос:
«Прости, Господь! Конечно, бес попутал».

У КАМИНА

Хорошо вечером у камина,
Когда вьюга гудит за окном,
Дегустировать старые вина
И с теплом вспоминать о былом.

В полумраке каминного зала
Мне привидятся лица друзей,
С кем надежно судьба нас связала
На развилках житейских путей.

Многих нет уже в мире подлунном,
А как будто бы только вчера
Мы сидели за стойкой салуна
И тянули глинтвейн до утра.

Нет смешливой, восторженной Мэри,
Не вернётся, зови не зови.
Никогда не забыть мне потери
Нашей первой, безумной любви.

Догорит огонёк бледно-рыжий,
Я засну и, возможно, во сне,

Если звезды так лягут, увижу
Тех, что близки и дороги мне.

ОСЕНЬ

Пожар осенний вовсе не опасен.
Горит листва, но только понарошку,
И падает устало на дорожку,
И небосвод на редкость чист и ясен.

Душа светла, все боли отболели.
В такие дни подводятся итоги.
Но почему меня невольно ноги
Несут в тот парк, в те тихие аллеи?

Присяду на скамейку, где когда-то
Сидела с нами ветреная юность.
И вспомню всё, и тихо пригорюнюсь
В косых лучах прощального заката.

ПОСЛЕ БУРИ ЯРЧЕ ДЕНЬ

Штормило. Ветер тучи рвал,
На юте дико завывая.
Сгущался мрак. За валом вал
Шли чередой, не уставая.

Матросы выбились из сил,
Спасая парус и оснастку,
А ветер брамсели сносил,
Забыв, что был когда-то ласков.

Вот так судьба порой штормит,
Срывая крышу, двери с петель,
Круша уют, привычный быт
И оставляя гарь и пепел.

Но после бури – ярче день.
Утихнут грозные зарницы,
И в дней неспешной череде
Жизнь к новым далям устремится.

Лариса КРЕЧЕТОВА

Лариса Кречетова – литературный псевдоним Ларисы Евгеньевны Глазковой. Окончила филологический факультет КГУ, работала в издательствах КГУ и «Звонница». Стихи публиковались в газетах «Советское Зауралье», «Новый мир», «Курган и курганцы», «Вечерний Курган», в сообществах «Православные стихи» и «Поэзия. Двадцать первый век Новой Эры» «ВКонтакте».

В «Тоболе» публикуется впервые.

СЕНТЯБРЬ

Сентябрь – охапка украшений,
Что разложила осень рьяно
В бескрайности своих владений.
Их роскошь может сделать пьяным.

Глаза глядят – не наглядятся:
Всё крашено в цвета восторга!
И мысли радостно ложатся
На листопадную скатёрку.

Сентябрь вбирает без остатка,
Горит хрусталь очарованья!
И мир поёт печально-сладко
Про снежной тайны ожиданье.

ЛЮБИМАЯ УЛИЦА СОВЕТСКАЯ

Раннее летнее жёлтое утро.
Улица тихая, вдаль уводящая.
Словно пастельной присыпаны пудрой
Ясные блики, на клёнах лежащие.

Лёгкой походкой, глотая смешинки,
Девушки тонкие – в путь неразгаданный
(Голые икры – в июньских пылинках);
Шаг, в тополиной туманности спрятанный.

Море событий вдали, в перспективе –
Ярки мажорные, тусклы – минорные.
Ждёт молчаливо бесстрастная нива,
Как её вспашут – неловко, проворно ли...

Но через дни, и недели, и годы
Светишь ты ясно, любимая улица...
К бабушкам милым в заботе проводишь,
Вон их дома – перед взором рисуются!

Ясельки наши – на улице этой:
Белые, старые, крепкие... краткие.
Тут же наш корпус университета,
Моё училище... Дразнит загадкою:

Сколько здесь раз мы прошли по асфальту,
Летом ища что-то в кронах раскидистых,
А в январе, как под сводом из смальты, –
Блеск созерцая, как в сказочном видео?!

В восьмидесятые прошлого века
Были тут малые домики частные,
Зелени неистощимые реки,
Зайчики солнечные разномастные.

Помню: зимою хрустишь сапогами,
Щёки морозец потрогает шуткою.
Дивно так пахнет из печек дымками:
Их аромат как компот с сухофруктами.

Очень достойны на улочке этой
Здания купеческие и дворянские.
Дух старый, мощный, простор для поэта,
Сгусток энергии старой курганской.

Архитектура домов самобытна,
Новые здания в лад также вписаны,
И много лет мне смотреть любопытно
На этот стиль, светлым духом пронизанный.

Сон про тебя – он волшебен и ярок...
Ты моя улица: взрослая, детская.
Ты мой заманчивый мир, мой подарок,
В прошлом – Дворянская, нынче – Советская.

**Екатерина Николаевна
ГРУШИХИНА**

Родилась в Москве, проживает в г. Красногорске Московской области. Первая подборка стихов напечатана в 1993 г. в газете «Рабочая трибуна», г. Москва. Публиковалась в альманахе «Хронометр»; альманахе «ЛитСоты», литературно - историческом журнале «Родная Кубань»; литературно-публицистическом журнале «Тобол»; литературном журнале «Северо-Муйские огни»; литературном журнале «Ротонда»; журнале «Звонница»; в газете русских писателей «День литературы»; в литературном интернет-журнале Национальной ассоциации драматургов «СценГазета»; в электронном журнале LITERRA; в донбасских изданиях: «Пять стихий», «Сундук», «Крылья», «Донбасо»; в альманахе «Приокские зори», журналах «Нижний Новгород», «Александръ» и других.

Лауреат, финалист и дипломант международных, всероссийских и региональных конкурсов: «Тихая моя Родина» им. Николая Рубцова (2024); «Литературные Старки» (2024); «Муза Новороссии» (АНР) 2023/2024; «Золотое перо Руси» и др.

Член ЛИТО «Звонкая строка», г. Красногорск, Московская область.

ЖАННА ДА МАРК

— Аннушка разлила маслице. Аннушка уже разлила маслице, — крутилась надоедливая пискливая шарманка в голове Марка Эдмундовича Бересклетова.

Девять часов лёта с другого конца нашей необъятной Родины неприятнейшим образом сказались на самочувствии и так близкого к неврастении выпускающего редактора маленького провинциального издания.

Подземелье — московская гнетуще-торжественная подземка — предстало перед оголенной душой работника культуры во всей симбиотической красе. Оно давило, расплющивало, вытесняло из легких последний воздух, а точнее, океанический бриз, которым Марк Эдмундович жадно напивался в последние деньки пребывания на родном дальневосточном побережье.

— Маричек, ну куда тебя черти-то несут? — причитала неделей ранее Агнесса Павловна, целуя в лысеющую маковку своего гениального отпрыска. — И ведь Ларочку оставляешь одну. Бедная, бедная девочка! Столько лет с тебя пылинки сдувала, и тут на тебе — уезжает он, за деньгами большими погнался.

— Ма, ну хватит уже. Ты же знаешь, что Ларка мне твоя как кость в горле, — по-мальчишески отмахивался Марк, устремляя ясный провидческий взор в светлое столичное будущее.

А тем временем московское метро размеренным цокотом колес умерщвляло последние радужные перспективы гостя столицы.

— Следующая станция «Площадь революции», — двуязыко прощebetал роботизированный женский голос, повелевая несостоявшемуся революционеру готовиться то ли к выходу, то ли к расстрелу.

Бересклетов готовился, скорее, ко второму. Подгоняемый вечно спешащей толпой, он китайским болванчиком вывалился на плат-

форму и, озираясь по сторонам, застыл в изумлении от красоты мраморно-бронзового ансамбля станций.

Неожиданно наш герой обнаружил, что хаотично снующие вдоль и поперек платформы пассажиры с помощью касаний и поглаживаний активно контактируют с бронзовыми поверхностями немногочисленных, но весьма любопытных статуэток.

Начищенная до золотого сияния морда бронзовой собаки смотрела на Марка Эдмундовича с дружеским призывом: «Погладь меня». Марк сначала неуверенно, а потом, вполне себе войдя во вкус, помассировал золочёный собачий нос. На душе воцарились тепло и радость, ведь собака, как-никак, друг человека, а значит, и Москва обязательно станет ему другом.

Влекомый и к другим статуэткам, к предметам их гардероба и бронзовеющим частям тела, Бересклетов усилием воли придушил свое фетишизированное альтер эго и направился в сторону эскалатора, дабы выйти на улицу, где ему была назначена деловая встреча.

Летний жаркий июльский денек заставил приморского гостя изрядно попотеть. Беспокоясь о мокрых разводах на спине и в области подмышек, Марк неуверенным шагом, испытывая скованность во всем теле, вошел в означенное кафе на улице Никольской, где его уже должны были ожидать партнеры.

Бересклетов огляделся по сторонам и, к своему удивлению, обнаружил, что в кафе он абсолютно один, не считая двух полусонных официанток.

– Двойной эспresso, пожалуйста, – вежливо попросил Марк одну из них. Далее последовал безалкогольный мохито, сэндвич с сыром, средний латте. Наконец двери кафе отворились, обдав тесноватое помещение тридцатиградусным жаром извне, и внутрь впорхнула невысокого роста женщина с черными, как смоль, короткими волосами.

Быстрым и уверенным шагом дама направилась в сторону распивающего кофий Марка Эдмундовича, на лице которого застыла улыбка вопиющего удивления.

– Жа-а-анна??? Какими судьбами...ты...здесь...в Москве? – запинаясь и заикаясь, промямлил Бересклетов.

Жанна бросила сумочку на стол и уверенным жестом позвала официантку.

– Бутылочку хорошего вина принеси-ка нам. Того, которым на прошлой неделе Альберт меня угощал. Вспомнила? Ну так поторопись. Что застыла? – Жанна, выпучив голубые глаза, издевательски посмотрела на оробевшую официантку.

Бересклетов оробел не меньше официантки, если не сказать, что больше. Что ей от меня надо, этой прошаренной во всех смыслах, нагловатой особе по имени Жанна? Бересклетов хорошо помнил, что новоиспеченную выпускницу журфака состоятельный отец немедленно пристроил в крупное издательство на руководящую должность, другие же выпускники, включая Бересклетова, разъехались по городам и весям несолоно хлебавши. Многие из них давно свинтили из неблагоприятной журналистики на вольные хлеба, Бересклетов же зацепился в маленькой приморской газетенке, где и прослужил лет пятнадцать за мизерные деньги.

И вдруг как гром среди ясного неба ему поступило предложение стать редактором топового столичного издательства. Но списывался ведь и созванивался он с неким Александром Ильичем, а вовсе не с Жанной.

– Жанна, а ты случайно не коллега Александра Ильича? – боязливо выдавил из себя Бересклетов, преодолевая крайнее стеснение.

Жанна прогремела почти гомерическим хохотом:

– Ну какая я ему коллега, Маркуш, я его хозяйка. Я купила его вместе с его куриными мозгами и потрохами за тридцать сребреников.

– А я-то? Я тебе зачем? – полными недоумения глазами Марк Эдмундович всматривался в эпатажный облик бывшей сокурсницы.

– Зачем, зачем, ты, Бересклет, совсем другое дело, и мозги у тебя отнюдь не куриные, а золотые. Да и вообще, с тобой наше издательство будет нести золотые яйца. – Жанна снова захохотала, но на этот раз в ее смехе проскользнула едва уловимая грустинка, будто бы смех протискивался сквозь слезы.

Бересклетов чувствовал себя наиполнейшим дураком. Пролететь столько часов, потратить огромные деньги на билет, чтобы встретиться с ней, с этой... ну с этой... прости господи, Жанной.

– Марк, здесь Красная площадь рядом. Прогуляемся? – почти нежно прошептала подвыпившая женщина.

– Хорошо, пойдем, Жан, но только недолго, я, может быть, утренним рейсом еще успею обратно вернуться.

– Дурачок ты, Бересклетик, наивный глупенький буратинка. – Жанна неожиданно чмокнула Марка в щеку, взяла за руку и демонстративно вывела из кафе.

Гуляли они долго, до самого утра. Сколько широченных бульваров, уютных зеленых скверов и петляющих московских улочек стали свидетелями и хохота, и шепота, и молчания этой загадочной парочки. Бересклетову особо рассказывать было не о чем, а вот Жанна не скупилась на детали собственной биографии. И, как оказалось, биографии довольно банальной и вовсе не радужной. А самое печальное, вообще, заключалось в другом – Жанна была больна, и, по уверениям именитых врачей, – неизлечимо. Кто-то давал ей полгода, кто-то год, а кто-то и пару месяцев жизни. Она мужественно перенесла несколько операций и химиотерапий. Вроде бы в данный момент у нее случилась ремиссия, но врачи, опять же, уверяли, что ее форма онкологии настолько агрессивна, что рассчитывать на долгосрочную ремиссию не приходится.

– Так что, Маркушенька, теперь ты все знаешь обо мне, а вот о самом главном пока не догадываешься. Мне не на кого оставить мое детище, мое издательство. Отец стар и не потянет точно. В других претендентах я совершенно не уверена, руководить они не умеют, они похоронят бизнес – не пройдет и сорока дней с моей кончины, – включив стратегический ум и транслируя сверхчеловеческую прямоту, вещала Жанна.

– Типун тебе на язык, Жанка, – запричитал Бересклетов.

– Ой, Маркуш, давай называть вещи своими именами, даже если эти вещи пахнут кладбищенской землей, – рассудительно и без эмоций выпалила женщина.

– Короче, смотри, ты приступаешь к работе завтра же, точнее, уже сегодня. Я введу тебя в курс дела, ознакомлю с основными бизнес-процессами, представлю ключевым партнерам. Через неделю я ложусь в клинику в Германии, и далее от меня ничего уже не зависит, а только лишь от Господа Бога.

Жанна не плакала, нет, она просто констатировала факты и спешила, спешила, спешила. Бересклетов только сейчас понял, насколько глубока трагедия этой маленькой хрупкой женщины. Он обнял Жанну и крепко прижал к себе.

– Я сделаю все, что ты скажешь. Можешь быть уверена во мне, – произнес Бересклетов и, сам не ожидая от себя подобной дерзости, поцеловал женщину в губы. Жанна не сопротивлялась. Ночь, точнее, ее предраассветный остаток парочка провела в гостинице неподалеку, наслаждаясь друг другом, словно одинокие путники, которых

судьба-злодейка разъединила на целых дцать лет. А ведь могло бы быть все иначе, если бы в далекой юности неприступная Жанна хотя бы раз ответила взаимностью на робкие и вежливые ухаживания Бересклетова. Он не переступал грань, воспитание, видимо, не позволяло. Как же он жалел все эти годы о своей нерешительности! Каким слабаком ощущал себя! И даже теперь, когда ему выпало счастье целовать горячее и желанное тело любимой женщины, проникать в ее плоть, сливаться с ней воедино, даже теперь, он ощущал ее превосходство над собой, и его душа предательски металась в неизвестности перед грядущими событиями.

Через три месяца Жанны не стало. После очередной операции пациентка впала в кому и более не приходила в сознание. Вскоре врачи констатировали смерть.

Бересклетов стал управляющим директором издательства и его же главным редактором. Под началом Марка Эдмундовича издательство значительно повысило свой рейтинг, привлекло новых одаренных авторов, дело покойной прозорливой руководительницы попало в невероятно хорошие руки.

Бересклетов долгое время не мог смириться со смертью Жанны, на этой почве он по-сыновьи сблизился с ее отцом, они вместе и рыбачили, и охотились, и бизнес-планы продумывали. Бересклетов периодически приглашал его в заповедные места родного Дальнего Востока.

Поздними вечерами, восседаая в кресле своего роскошного кабинета в одной из знаменитых башен делового центра «Москва-Сити», Марк Эдмундович глазами, полными слез, вглядывается в чарующую даль с высоты птичьего полета и беспомощно проговаривает: «Аннушка, ну зачем же ты разлила маслице? Ну зачем...»

ЗВОНОК НА НЕБО

– Дедушка, дедушка, а как это: «Бух в котел – и там сварился»? – шестилетний Ивашка вопросительно посмотрел на деда.

– Ну, как-как, Ванюш. Представь себе кастрюльку с кипящей водой или молоком. Если в него сунуть пальчик, то что будет? – внимательно спросил Феоктист Ильич любимого внучонка.

– Дед, так пальчик сварится же! – Ивашка сделал гримасу, глядя на свой указательный палец. – Как сосиска же сварится, да?

Феоктист Ильич отложил книжку про Конька-Горбунка в сторону и улыбнулся внуку.

– Дедуль, а зачем тогда царь полез в этот котел? – не унимался Ивашка. – Он же царь, у него вон сколько золота! Он мог операцию сделать себе пластили – пластили – пластилиновую. – Внук попытался выговорить взрослое трудное слово.

– Пластическую операцию, Ванюш, – поправил дед внука, – только она ничем не поможет старику, не сделает его молодым.

– Дедушка, а ты тоже был молодым? – неожиданно поинтересовался Ивашка.

– Было дело, мой дорогой. Еще каким молодым! – засмеялся Феоктист Ильич.

– И моложе меня даже был? – Ивашка округлил глаза.

– И моложе тебя был, и новорожденным даже. В люлочке спал под мамину колыбельную, – задумчиво произнес дед, наблюдая за танцующими в свете фонарей снежными хлопьями.

– Дед, я тебя не представляю в люлочке, – захихикал Ивашка. – У тебя, смотри, какая нога огромная. – Ивашка окинул взглядом дедушкины клетчатые тапочки сорок пятого размера.

Вечер близился к своему логическому завершению. Ивашка, уставший от насыщенного детсадовского дня, постепенно закрыл глазки. Сонная трясина засосала его хрупкое тельце, погружая в иные многослойные миры.

И вот – он уже верхом на Коньке-Горбунке пролетает мимо Аринки Трусовой. На златокудрой Аринкиной голове воссиял невиданной красоты кокошник. Аринка, с девчачьим кокетством, делает руки в боки и хвастается сарафаном, вышитым золотыми нитями, да сафьяновыми сапожками с зелеными камушками.

Ивашка по-гусарски спрыгивает с Горбунка и бравым шагом направляется к Аринке.

– Трусова, я хочу тебе кое в чем признаться! – смело заявляет Ивашка.

Во сне он ничего не боится, не робеет, не краснеет перед Ариной, как это обычно происходит в детском садике.

– Трусова, ты знаешь, я же тебя...

– Да знаю, Федотов, знаю. Ты в меня с трех лет влюблен. Только мне нет до этого дела. – Арина резко перебивает Ивашку и смотрит на него с высоты своего пунцового кокошника, обрамляющего аккуратную белокурую головку.

– А знаешь что, Ваня, подари мне свою лошадку. Подаришь? – Аринка, не церемонясь, хватается Конька-Горбунка за поводья и пытается погладить его курчавую гриву.

Конек стоит смирно, будто вкопанный, только ноздри раздувает.

– Арин, я бы подарил, но только Конек-то не мой. Он сказочный. Я его в аренду взял в одной сказке.

– Федотов, а что это значит – «в аренду»? – Арина удивленно распахивает свои лазоревые глаза.

– В аренду – это значит, что не навсегда, и мне придется вернуть Конька. Завтра же утром и вернуть, – расстроено промолвил Ивашка.

– Скучный ты какой-то, Федотов. Ладно, так и быть, забирай своего коня. – Аринка обиженно отпускает поводья и удаляется в сторону подъезда. Вместе с ней удаляется и пунцовый кокошник, и сарафан с золотой вышивкой.

Ивашка просыпается весь в поту. Он чувствует нестерпимый жар и такую же нестерпимую резь в горле, будто сам вместо непутевого царя прыгнул в кипящий котелок.

– Де-е-д, дедушка! – мальчик пытается позвать деда.

Феоктист Ильич тревожно вскакивает с постели и направляется в комнату внука.

– Дедушка, очень сильно горло болит, – жалуется внучок.

Дедушка трогает лоб Ивашки и судорожно начинает искать в серванте коробку с лекарствами и градусник.

На градуснике тридцать девять и пять. Дедушка хватается за телефонную трубку, чтобы позвонить Ивашкиной маме. Но раздаются лишь долгие гудки. У деда наворачиваются слезы.

– Дедушка, ты опять маме звонишь? Сам же говорил, что на небо не дозвониться, – раздосадованно произносит Ивашка.

– Да, милый, да, туда не дозвониться. Дедушка опять напутал. Сейчас вызову врача. Сейчас. Потерпи, хороший мой, – Феоктист Ильич набирает «112» на своем кнопочном телефоне.

– Это скорая? Мальчику плохо. Да, шесть лет. Температура высокая.

Ивашка чувствует, как голос деда будто растворяется в воздухе и пропадает вовсе.

Картинка резко меняется – маленькая комнатуха многократно увеличивается в размерах, стены и потолок словно расползаются, свет от люстры солнечными зайчиками скачет по изумрудной листве. Рядом с Ивашкой любимая мамочка в струящемся, небесного цвета, сарафане, и гуляют они по благоуханному райскому саду. А в том саду и груши со спелыми бочками, и яблоки наливные, и целое полотно земляники. Никогда прежде Ивашка не видел маму такой счастливой.

Мама нежно обнимает Ивашку, прижимает к себе и долго не отпускает. Солнышко уже норовит спрятаться за деревьями, а мама все не отпускает. Ивашка наблюдает, как за ее спиной вырастают белоснежные ангельские крылья, их шелест становится все непрерывней и тревожней. Неожиданно мама начинает трясти Ивашку за плечи. Сильно-сильно трясти.

– Сыночек, просыпайся, сыночек! – Ивашка отчетливо слышит мамин взволнованный голос и открывает глаза.

Вокруг серые безликие стены, Ивашка сразу понимает, что больничные. Однажды он уже видел похожие стены в палате, где лежала его мама.

– Федотов поступил с гипертермией и судорогами, еле-еле купировали, – над мальчиком навис обеспокоенный голос врача. Справа от Ивашкиной кровати стоит одноногая капельница, от нее отвешивается тонкий проводок, вставленный в Ивашкину руку на локтевом сгибе. Девушка-медсестра ласково гладит маленького пациента по голове.

Мальчик видел подобное одноногое сооружение за два дня до маминого ухода на небо, когда приходил навестить ее в больницу. Мама тогда уже не вставала.

Ивашка зарыдал.

– Дяденька доктор, я что, скоро умру? – громко всхлипывал он.

– Ты что, боец, с ума сошел? – добродушно улыбнулся врач. – Смотри, какой ты здоровяк! А вот холодное молоко больше не пей. – Дяденька доктор усталым шагом вышел из палаты.

В ту ночь Ивашке больше ничего не снилось. А через день его и вовсе выписали домой на долечивание от простуды.

Аринка Трусова всю неделю слала Ивашке на телефон красные сердечки, очень похожие на тот кокошник на ее голове, что привиделся мальчику то ли во сне, то ли наяву.

– И совсем она не вредная, эта Трусова, – рассуждал Ивашка. – Просто как все девчонки – глупая и любит подарки.

Ивашка достал коробочку с пластилином и вылепил самого настоящего Конька-Горбунка с золотистой гривой.

– Обязательно подарю его Арине, пусть исполняет все ее девчачьи новогодние желания, – размышлял Ивашка, прислушиваясь к бою настенных часов и глядя на задремавшего в кресле дедушку. В руках деда переливалась елочная мишура. А в углу стояла красавица елка, источающая густой хвойный аромат.

– Интересно, где дедушка ее срубил? – озадачился Ивашка.

Вновь раздался бой настенных часов, дедушка вздрогнул во сне и, спохватившись, поспешил наряжать елочку. Ивашка подавал ему игрушки, старательно выбирая самые яркие шарики.

– Ничего, ничего, внучек. Где наша не пропадала. Проживем с тобой не хуже других, мой дорогой. А то и лучше! – дед воодушевленно вешал игрушки, набрасывая разноцветную мишуру на зеленую красавицу.

– Дедуля, тебе и в котел прыгать не надо. Ты вон какой молодой и сильный! – залиvistо рассмеялся Ивашка и обнял деда.

Какое-то время дед с внуком стояли обнявшись, пока вновь не раздался бой часов, приближая новогоднюю ночь, после которой непременно все наладится. А кто не верит в хорошее, так это потому, что сказок не читал и народную мудрость не постиг. Но Ивашка не такой – он в чудеса верит. Он точно знает, что в волшебную новогоднюю ночь исполняются самые сокровенные желания и можно будет во сне позвонить маме на небо. И мамочка обязательно ответит.

ЧАС ПИК, ИЛИ СЛУЧАЙ В ПОЕЗДЕ

Третье июля – это вам не третье сентября. Одуревшие от зноя пассажиры с охами, вяло перетаптывались на остановке в ожидании транспорта.

– Йокарный бабай, – нервозно затараторил Антоха Полозков, коренастый атлетичный мужчина тридцати пяти лет, в запотевшей футболке и растянутых по сторонам света трениках, пытаясь втиснуться в забитую часпиковую маршрутку. Антоха ехал ни куда-нибудь по маловажным и пустяковым делам, он ехал к своей любимой в другой город и сильно опаздывал на поезд.

Влетев в вагон ровно без двух минут до отправления, ругаясь про себя на чем свет стоит, Полозков грузно ввалился в купе, опоясанный спортивной сумкой с говорящей надписью «Самбо-70». В купе сидели трое пассажиров и во все глаза рассматривали четвертого.

– У вас верхняя полка, – злорадно проверещала сухонькая пожилая дама с пекинесом, вызвав у Антохи неодолимое желание того, чтобы ее «диван-чемодан-саквояж» немедленно сгнули в недрах багажного отделения. Двое других пассажиров оказались тишайшими мужчинами средних лет, поразительно похожими между собой, их отличали разве что цвета наглаженных рубашек и оттенки радужки глаз от янтарного до почти черного.

– Вот же ненормальные, – подумал Полозков, закидывая сумку на верхнюю полку, – в такую жару они разделились как франты, сюртуков только не хватает.

Уставший Антоха, исполнив почти что акробатический этюд, взобрался наверх. Дежурно пролистав соцсети, он с блаженной улыбкой вырубился под монотонный стук колес, убаюканный мыслями о предстоящей встрече с любимой.

Ночью Полозкову стало холодно, он проснулся от дрожи во всем теле и, шаря руками по сторонам, попытался нащупать плед. Вдруг его руку кто-то лизнул. Полозков в ужасе подскочил, ударившись макушкой о потолок вагона. Судорожно включив экран мобильного, Антоха обнаружил того самого пса, что ранее восседал на руках у тощей старухи.

– Тузенька, вот же, бесенок, куда забрался, – вновь заскрипела пожилая дама, но на этот раз ее голос, в прямом и переносном смыслах, парализовал Полозкова. Антоха округлившимися глазами посмотрел вниз и застыл от изумления и ужаса. Эта самая дамочка, в черном атласном платье с воротником жабо и крупной золоченой брошью в форме черепа, костлявыми пальцами перебирала веер из игральных карт. Близнецы сидели напротив нее, облаченные в элегантные дорогие костюмы и начищенные до блеска лаковые туфли. На красной бархатной скатерти были небрежно разбросаны карты всех мастей, оживая метросексуальными валетами, властолюбивыми королями и гламурными дамами.

– Сползай к нам, горемыка, – скомандовала сухая старуха, – на твою душу играем. Кто выиграет, тот ее и заберет, – гомерически захохотала она, растянув в припадке смеха морщинистый рот. Полозков податливой боксерской грушей скатился с верхней полки, придерживая дрожащую и дражайшую собачонку.

– Вы кто? – беззвучно промямлил Антоха, уставившись на игроков глазами пойманного на мотыля карпа.

Старушеница молниеносно заметала карты на стол, близнецы же, оторопев, во все янтарно-черные глаза смотрели на карточное священнодействие. Через мгновение все купе было заполнено пиками, бубнами, червями, трефами. Зависая в воздухе, карты словно переговаривались между собой на таинственном языке, валет же червей заигрывающе подмигнул несчастному Полозкову.

– Туз, Тузик, Тузенька, – старуха протянула к песелю ладонь с увесистыми кольцами на артритных пальцах. Тот охотно запрыгнул к ней на колени.

– Береги Тузика, головой за него отвечаешь, – обратилась к Полозкову престарелая попутчица и тотчас же растворилась в удушливом полумраке вместе со своей свитой и карточным антуражем.

Светало. Свернутый калачиком на верхней полке, Антоха уверенно покидал царство Морфея. Кошмарный сон неприятным послевкусием разлился в районе солнечного сплетения. Полозков спустился вниз и уселся за столик. В купе он был совершенно один. Через несколько минут в дверь постучала проводница и предложила завтрак и чаю.

– А где мои попутчики? – с удивлением спросил он у милой девушки.

– Так бабушка и двое с ней сошли еще в пять утра на Игральной. Станные они какие-то, серые, как мертвецы, – поежилась улыбчивая проводница.

– Фух, – с облегчением выдохнул Антоха и радостно откусил пирожок, громко отхлебывая чай из фирменного эржедешного стакана. Вдруг краем глаза он увидел нечто черное, косматое, копошащееся за его спортивной сумкой. Из-за сумки выглянула взлохмаченная голова пекинеса.

– Вот же бабуленция, вот же стерва старая, – в сердцах запричитал Полозков.

– Ладно, пес, пойдем. Повезло тебе, что я сегодня добрый.

– Поезд под номером три прибывает на седьмую платформу, – роботизированно сообщила в микрофон женщина-диспетчер.

Спортивный мужчина с маленькой собачкой на руках и большой сумкой на плече вышел на платформу. Тузик добродушно поскуливал.

– Какое чудо! И это все мне? – воскликнула Вероника, ожидающая своего любимого на перроне.

– Тебе, любимая, тебе. С днем рождения, дорогая, извини, что опоздал чуть ли не на сутки. Как же я соскучился!

Сладкая парочка уверенно зашагала в светлое будущее – строить свой карточный домик, сажать дерево и рожать сына. Ах да, еще выгуливать и кормить Тузика.

Надо заметить, что Антохе неожиданно стало везти во всех сферах жизни. Из нефартового увальня он превратился в настоящего баловня судьбы.

Но иногда, темными южными ночами вглядываясь в безбрежное, как океан, небо, Полозков наблюдает очертания полоумной старухи, разбрасывающей по небу звезды, будто игральные карты.

– Тройка, семерка, Тузик, – приговаривает она беззубым ртом, заливаясь гомерическим хохотом, после чего, обратившись в прямоугольный обрезок глянцевого картона, падает высокородной дамой пик на позолоченное блюдо луны.

ПОТЕРЯННАЯ ЛИНЗА

Эрнеста стало подводить зрение, но он безумно стеснялся носить очки. Казалось бы, продвинутое поколение зуммеров должно относиться нейтрально к ношению очков, а особенно в модных оправках, но, видимо, сыграла роль детская установка от отца, который вечно шурился, вглядываясь вдаль, но очки надевать категорически отказывался. Отец, по глупости, рассказал сыну, как его, тщедушного третьеклассника, засмеяли друзья во дворе, обозвав «мартышкой в очках», а Мишка Бóлотов, предводитель мелкой шпаны, так и вовсе сорвал с мальчугана очки и бросил их на землю, грозясь растоптать оптическое изделие.

Зато Эрнест несказанно гордился своим экзотическим именем. Названный родителями в честь Хемингуэя, которым оба предка зачитывались и в юности, и в уже зрелом возрасте, юноша ощущал себя причастным к незаурядной личности писателя. Что уж скрывать, и сам юный Эрнест клинически подсел на труды старины Хэма. В особо сложные периоды своей бурной студенческой жизни, когда на носу был важный зачёт или экзамен, Эрнест вместо учебника по патанатомии выхватывал с полки томик великого тёзки и утопал в «Старике и море», утоляя душевную жажду живительными ручейками строчек. Это действие странно было бы назвать чтением, скорее созерцанием, психотерапией, сеансом исцеления, а то и вовсе – массажем души.

«Все у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море, веселые глаза человека, который не сдаётся»,¹ – прочел юноша и живо, в сотый раз, представил себе старого нищего, ошпаренного тропическим солнцем, рыбака с весёлыми глазами.

Эрнест отбросил книжечку в сторону и внутренним взором увидел своего препода по химии Исидора Даниловича, тоже дряхлеющего, отчасти немощного человека, но с веселыми глазами, которые загорались пляшущими огоньками, когда тот тщательно вырисовывал на доске очередную, неподвластную студенческим умам, химическую формулу.

Интересно, чему он радуется? – философски рассуждал Эрнест. – Как хорошо, что у меня впереди целая жизнь. Какие же несчастные люди – этот рыбак и мой химик. Смерть дышит им в затылок, а у них глаза веселые.

Еще минут двадцать Эрнест перебирал в голове знакомых с веселыми глазами и не-веселыми обстоятельствами жизни, после чего незаметно улетел в царство Морфея. Ему снилась деревянная пустая лодка, прибитая штормом к берегу и скелет огромной рыбы, который зачем-то по косточкам разбирал его преподаватель по патанатомии, пытаясь огромным как тесак, скальпелем отсоединить мощный рыбий хвост.

Отец разбудил сына раньше обычного.

– Вставай, сын, вставай! Я тебе новые глаза купил, – съехидничал отец. – Продвинутые, нового поколения, водоградиентные, – не унимался родитель.

¹ «Все у него было старое, кроме глаз, а глаза были цветом похожи на море, веселые глаза человека, который не сдаётся». – Эрнест Хемингуэй, повесть «Старик и море».

– Па, линзы, что ли? Водо...что? – сын потирал слипшиеся спросонья веки.

– Линзы, линзы. Иди скорее, надевай, и твой мир заиграет яркими красками! – снова захихикал зрелый любитель Хемингуэя.

– А сам-то чё, пап? Слабó в глаза инородное тело запихнуть? Решил на мне эксперимент поставить? – недовольно пробурчал Эрни, но покорно проследовал в ванную комнату.

Опыт ношения контактных линз у Эрнеста, конечно же, был, но не очень большой и не очень удачный. На сей раз отец раскошелился на дорогие и весьма качественные оптические изделия, следуя заверениям лучших мировых производителей.

Надев линзы, Эрни увидел в отражении зеркала вполне себе счастливые глаза и напавился пить кофе с бутербродами.

– Отец, пожалуй, эти линзы – высший пилотаж. Я очень чётко вижу твою безобразную трехдневную щетину, – пошутил над папой сынуля и смачно отхлебнул кофе.

– Ну вот и славно, – по старинке сощурился отец, вглядываясь в бегущую строку новостного спортивного телеканала. – Вот ироды, опять проиграли, – неодобрительно воскликнул мужчина, укоряя за очередной проигрыш любимую футбольную команду.

Эрнест придал ускорение поеданию бутерброда и поспешил на трамвай до универа. Сегодня предстояло сдать сложный экзамен. А вчерашнее валяние дурака с книжкой вместо учебника и вовсе не способствовало его (экзамена) успешной сдаче.

В аудитории было тихо. Студенты молча уставились в конспекты. Эрни не стал исключением в судорожной попытке запомнить экзаменационный материал.

– Пичугин, ну что, тяните билет, – монотонно, будто себе под нос, прогнусавил преподаватель химии Исидор Данилович, обращаясь к Эрнесту.

– Что, он рыба, что ли, тянуть его, – проскользнула чудаковатая мысль в голове студента. Сам же запустил пятерню будто в пучину морскую и выловил билет из общей массы.

Эрнест прочел первый вопрос, ужаснулся и, машинально потерев глаза, погрузился всеми извилинами в злополучный билет. И о чудо! На белом полотне билета проявился ответ, сначала бледным шрифтом, потом всё ярче и ярче. Парень был ошеломлён, да что там, земля уходила у него из-под ног, аудитория же представлялась местом силы, а он, Эрнест, – повелителем микроэлементов и носителем вселенских знаний своих пращуров.

– Пичугин, что вы застыли как истукан? Отвечайте, молодой человек, – раздражённо произнес преподаватель химии с веселыми глазами.

Эрнест выпалил ответ на одном дыхании, слова, будто запрограммированные, отскакивали от зубов.

Исидор Данилович, не поднимая головы, смотрел на свои старческие скрещенные пальцы ладоней и слегка пожимал ими, машинально выполняя упражнение на гибкость суставов. Когда Эрнест закончил отвечать, химик всё ещё сидел неподвижно, тренируя костяшки пальцев, затем, повернувшись всем телом к экзаменуемому, неожиданно зааплодировал.

– Bravo, bravo, юноша! Вы раскрыли тему много глубже, чем следовало, и этим несказанно меня обрадовали. У нашей науки есть будущее. С такими, как Вы, у нас есть великое будущее! – торжественно и громогласно заявил преподаватель.

Пичугин вновь потерял глаза и вернулся в свое обыкновенное состояние. Лица студентов были серыми и ничего не выражающими, каждый из присутствующих в аудитории отрешенно смотрел в смартфон либо в конспект.

– Чертовы линзы, что-то с ними не так, волшебные они, что ли? – Эрнест чувствовал себя не в своей тарелке. Как будущий медик, он начал скрупулёзно анализировать свое состояние: или же он испытал спонтанные галлюцинации от вечного недосыпа, или же его предприимчивый отец торговал линзы у реликтового джина из кувшина. Но второй вариант Эрнестом не рассматривался. Джин может быть только с тоником и никак иначе. Парень хихикнул где-то глубоко внутри, но в следующий миг его сердце буквально выпрыгнуло из груди, холодея от ужаса.

– Эрнесто, мальчик, подсоби! – словно из радиорубки раздался глухой, но отчетливый голос Исидора Даниловича. – Подсоби, лодка трещит по швам, мы попали в шторм, вот же дерьмовая ситуация! – голос преподавателя срывался на крик, звуки которого проглатывались в порывах налетевшего из ниоткуда шквалистого ветра.

Эрнест с изумлением поднял глаза и посмотрел на преподавателя. Стекланный графин с питьевой водой в руках Исидора Даниловича раздулся до невообразимых размеров. Через трещину в стекле неукротимым фонтаном била голубая струя, с бешеной скоростью разливаясь по аудитории.

Эрнест ринулся к выходу, дернул дверную ручку, но тут же был сражён обрушившимся на него громадным гребнем волны. Очутившись под водой, Эрнест предпринял отчаянные попытки вынырнуть, но не тут-то было. В голове крутилась единственная мысль: «Я что, погибаю?! Господи, я погибаю?!»

Парень попытался закричать, позвать на помощь, но казалось, что, издай он хотя бы один звук, его легкие в ту же секунду перестанут функционировать, наполнившись соленой морской водой. В следующее мгновение крепкая сухая рука вцепилась в руку утопающего юноши и увлекла за собой наверх, из морской пучины на свет Божий. Слепящее солнце ударило Эрнесту в лицо. Он лежал на дне деревянной, болтающейся, как поплавков, лодки и приступообразно кашлял, пытаясь освободить от воды свои несчастные легкие.

– Эрнесто, мальчик, ну я же велел тебе не ходить со мной в шторм! – улыбающиеся глаза Исидора Даниловича, как две круглые бусины, ласково смотрели на Эрни, – почему ты не послушался? Что я теперь скажу твоему отцу? Что ополоумевший нищий старик чуть не угробил его сына, стараясь наловить рыбы себе на ужин?

– И-си-дор Данилович, где мы? – попытался выдать из себя парень, захлебываясь кашлем.

– Ну как где? Мы, сынок, в открытом море. Ты же так хотел порыбачить вместе со стариком и выловить во-о-от такую рыбу. – Старик развел руки в стороны и добродушно рассмеялся. Лохмотья его затрапезной одежды развевались по ветру, словно потрепанные штормом паруса, его же тощее костлявое тело было нестигаемым, как прочная корабельная мачта.

– Знаешь, сынок, над чем я трудился всю свою сознательную жизнь?

– Над чем же? – искренне полюбопытствовал Эрни. – Над формулой любви, наверное?

– Глупец, формула любви – это же элементарно! А вот путешествие в глубоководье, где обитают герои твоих любимых книжек, – задача посложнее. Но, как видишь, нет ничего невозможного для человека, искренне любящего точные и не очень точные науки, – воодушевленно воскликнул старик.

– Да это все из-за проклятых линз! – Эрнест нервно заморгал и сощурился, указывая на линзы.

– О нет, юноша! Линзы всего лишь проводники в иной мир. Но сам мир воссоздан твоим воображением. Когда образ в твоей голове, подобно потоку энергии, преломляется

сквозь линзу, сквозь чистейший кристалл твоего подсознания, то формируется новая реальность. Ты – почитатель Хемингуэя, поэтому твоя реальность – море, старик и ты – мальчик с огромным, как мир, сердцем.

Старик неспешно перебирал вёслами, утлая деревянная лодчонка подпрыгивала на курчавых морских барашках. Время будто бы замерло или умерло. Интересно, может ли время умереть?

– Я хочу обратно, хочу в прежнюю реальность, – умоляюще произнес Эрнест.

– Наслаждайся закатом, мальчик. Смотри, какая божественная красота вокруг! – озвучив собственные мысли, вдохновенно произнес учитель химии.

Эрнест потерял глаза и с ужасом обнаружил, что одна контактная линза безвозвратно утеряна. «Неужели не получится вернуться обратно?» – сердце юноши предательски забилося.

– Знаю, знаю о твоей беде. Но какая же это беда? – будто читая мысли, спокойно произнес Исидор Данилович. – Вернется один из нас, только один, это закон природы, с ним не поспоришь. Кто-то рождается, кто-то умирает. Ничего не бойся, дружок, старику нужно еще порыбачить, огненный закат обещает хороший улов.

Исидор Данилович, этот поразительный человек, сотворяющий настоящую поэзию на языке химических формул, не оборачиваясь, рассекал лопастями вёсел океаническую гладь.

Эрнест, словно загипнотизированный, наблюдал, как невероятно худая, но излучающая бесстрашие и уверенность мужская фигура в лодке медленно удалялась от него, обращаясь в слабо различимое пятно, пропитанное золотом тропического солнца. Лодка, подобно диковинной рыбине, вытянулась в размерах, расправила воображаемые плавники и вскоре, покачивая кормой, выбросила парнишку за борт.

Через мгновение, «выйдя сухим из воды», как в той поговорке, Эрнест очутился в аудитории университета. Перед его взором предстала взволнованная толпа студентов-медиков, пытающихся оказать первую помощь преподавателю химии, чьё тело неестественно обмякло на стуле и безжизненно возлегло на краешек стола.

Вот уже подоспела скорая помощь и, слава Всевышнему, нащупала пульс у больного, предположительно, сражённого инсультом. Исидора Даниловича доставили в реанимацию городской больницы и подключили к аппаратам жизнеобеспечения. Оставалось уповать разве что на божий промысел, нежели на чудеса медицины. Слишком тяжелым было состояние пациента.

Эрнест выбежал на улицу и набрал номер отца: «Пап, срочно скажи, где ты купил эти линзы? Срочно, срочно! Я потерял одну!» – кричал он в трубку.

– Да к чему такая спешка, сын, – опешил отец. – На третьей Корабельной, дом 26. «Оптика» там. И кораблик еще на вывеске нарисован. Точно, кораблик в очках, типа бинокля, – детализировал он.

Через десять минут Эрнест был на Корабельной улице. Но дома с номером 26 на ней отродясь не было, равно как и «Оптики», – о чем, пожимая плечами, с уверенностью сообщила милая бабулька, жительница дома напротив по той же Корабельной.

Эрнест чувствовал себя бесконечно виноватым, но оправдывал себя лишь тем, что линза выпала из его глаза по трагической случайности, в неравной схватке с водной стихией.

Исидора Даниловича не стало тем же вечером. Ничего не поделаешь – возраст, ишемический инсульт и слабое здоровье, поговаривали между собой студенты и преподаватели медицинской кафедры.

Но точную причину смерти знал только он, Эрнест. Вот если б тогда, в лодке, он не смалодушничал, не оторопел от страха, а взял бы весло и вместе с Исидором Даниловичем погрёб навстречу неизвестности, навстречу крошечному островку надежды в огромном океане, то, может, и удалось бы вернуться им обоим. «А если бы не удалось?» – роились в голове юноши пугающие мысли. Ну а если бы не удалось, то старик с веселыми глазами обязательно приготовил бы вкуснейшую уху и накормил ею мальчика по имени Эрнесто и соседскую хулиганистую ребятню. Парень расплылся в мечтательной, но горькой улыбке и беззвучно зарыдал в подушку, чтобы не потревожить сон дорогих родителей.

– И всё-таки что за чудо – человеческий мозг! – в глубине души восхищался Эрнест, внимательно изучая строение головного мозга, сполна погрузившись в учебное пособие. Веки тяжелели, увлекая юношу в царство Морфея, но его внутренний голос звучал как никогда отчётливо: «Я обязательно придумаю, как спасти тебя, старик. Обещаю. Моя формула защитит человечество от скоропостижных смертей. Ты будешь мной гордиться».

В эту ночь Эрнесту ничего не снилось, он спал крепким сном младенца, а назавтра его ждали великие дела!

Вместо эпилога.

Как тонко, как странно любимые наши приходят –
То музыкой ветра, то лёгким касанием рук.
И всяк, утопающий в бездне небесных рапсодий,
Однажды получит надежды спасательный круг.

СЛЁЗЫ ЛИТЕРАТУРЫ

Это был не ресторан. Обычная забегаловка. Полутемный зал с обшарпанными столами, с низким потолком. Барная стойка неопределенного цвета с набором разноцветных бутылок за спиной скучающего бармена. Его белоснежная рубашка и черный галстук-бабочка не могли поднять статус забегаловки до элитного ресторана. Бармен не проявлял никакого интереса к единственному посетителю, что сидел за дальним столиком в полном одиночестве. Какой интерес мог быть к тому, кто час назад заказал бутылку водки, салат и больше никак не напоминал о себе?

Посетитель за дальним столиком тоже не проявлял никакого интереса к окружающей обстановке. С первого взгляда можно было заметить, что его костюм не соответствует интерьеру заведения. Темный костюм «в елочку» безупречно выглядел на посетителе, несмотря на расстегнутый пиджак. Бренд-вые туфли словно смеялись над полумраком зала, рассеивая его своим дорогим видом. Модельная прическа посетителя могла напомнить о глянцевого обложке журнала мужской моды. Но зал был пуст. Только прокурный воздух забегаловки и пятнистые стены оставались свидетелями непривычной для них картины благородной внешности. Эту картину немного портил яркий галстук посетителя. Не своими трехцветными узорами, а тем, что его конец неряшливо покоился в тарелке с остатками салата в компании с пустым стаканом и полупустой бутылки водки рядом с тарелкой.

Хозяин галстука сидел неподвижно, словно спал, упервшись локтями в стол и уткнувшись лицом в ладони. Для него не существовало ни пустоты, ни тишины, ни убогости забегаловки. Он не обратил внимания на скрип входной двери, которая открылась и

**Сергей Леонидович
ОЛЬКОВ**

Родился в 1957 г. в Кургане. Окончил школу №36 и поступил в Высшее инженерное морское училище г. Владивостока, которое окончил в 1980 г. по специальности «судовой электромеханик». Работал мастером на Славянском судоремонтном заводе. С 1982 г. работал электромехаником, старшим электромехаником тяговой подстанции в Кургане на Южно-Уральской железной дороге. С 2017 г. пенсионер.

Лауреат сайта «Свой вариант» за лучшую публикацию 2022 г., лауреат конкурса «Уральский книгоход» и конкурса фантастики «Великое кольцо» питерского журнала «Мост».

впустила нового посетителя. Бармен тут же приветливо кивнул вошедшему. Это был мужчина лет сорока, среднего роста, коренастый, с черной кучерявой шевелюрой, с черными усами и энергичным блеском в глазах. Пышные усы казались дополнением к его улыбке, которая не сходила с лица мужчины и придавала ему добродушный вид. Он удивленно окинул взглядом пустой зал и сел на высокий стул у барной стойки со словами:

– Привет, Стас! Это что такое?! Где все?! – голос его звучал приятно, хотя и громко, словно наполняя все вокруг какой-то позитивной энергией.

– Тебе как обычно? – прозвучало вместо ответа. Бармен поставил на стойку большую кружку пива с шапкой пены.

– Так что же ты скажешь, Стас? Как ты дошел до такой жизни, а? Где твои посетители – кормильцы и мои друзья?! – голос мужчины продолжал звучать энергично и жизнерадостно.

– Где-где, – ворчливо передразнил бармен, – Лигу чемпионов смотрят, будто не знаешь.

– Это потому, что отсталый ты человек! – весело засмеялся усатый. – Я еще когда тебе говорил, что во всех питейных заведениях стоят «ящики», чтоб посетители могли смотреть их, не отрываясь от приятного общения с пивом и с друзьями. И что?! Вот тебе результат, – мужчина обвел рукой пустой зал, сверкая веселыми глазами и своей добродушной улыбкой.

– Да будет тебе «ящик», – так же добродушно ответил бармен, но усатый уже забыл про свои слова.

– Слушай, а это кто там? Что-то я раньше его не видел, – кивнул он в дальний угол в сторону неподвижной фигуры за столом. Бармен пожал плечами:

– Не знаю. Не мой клиент. Второй час сидит.

– Непорядок, – еще больше оживился усатый. – Живая душа требует внимания к себе, потому что нуждается в общении, даже если ее хозяин общается с бутылкой, – торжественно произнес он и шутливо показал вверх указательным пальцем.

– Трепло, – прервал его бармен. – Где ты тут увидел души? Напился человек и сидит, никого не трогает. Угомонись.

Но усатый не унимался.

– Стас, ты же меня знаешь! Все будет ОК! С хорошим человеком приятно пообщаться. Это я про себя, – улыбнулся он бармену своей усатой улыбкой и с кружкой пива пошел к дальнему столику. Бармен не удержался и пробурчал ему вслед:

– Дело твое, Жэка, смотри сам, но я не знаю, что это за тип.

Жэка уже сидел с кружкой пива и своей добродушной улыбкой напротив неподвижного посетителя.

Незнакомец никак не отреагировал на голоса вдали, на новые звуки возле столика. Он оставался в своей неподвижной позе, уткнувшись лицом в ладони. Жэка не обратил на это внимания, чувствуя себя на правах радушного хозяина рядом с незнакомым гостем.

– Извините, уважаемый, не подскажете, который час. Я свои часы дома на камине оставил, – шутливым, но вежливым тоном произнес он и приложился к своей кружке, не сводя глаз с незнакомца. Оказалось, что незнакомец не спал. Он мотнул головой, словно отгонял назойливых мух, откинулся на спинку стула и посмотрел в сторону неожиданного соседа по столику. Жэка увидел его лицо. В следующее мгновение он пожалел о своем игривом настроении и шутливых словах. В глазах

незнакомца блестели слезы. Слезы, которые еще не успели скатиться по щекам и превратиться в капли на столе. Хватило мгновения, чтобы увидеть и те и другие, достигшие стола. Их нельзя было спутать с пролитой на стол водкой. Это были слезы, и они выглядели следами беды, упавшими на стол из глаз человека, попавшего под колеса неотвратимости. Не успел Жэка прийти в себя от увиденного, как услышал невнятное бормотание захваченного врасплох человека:

– А?... Что?... Что Вы говорите?... Где я?... Ах да, сейчас... Вы уже закрываетесь?

Незнакомец оглядывался по сторонам, постепенно приходя в себя и возвращаясь в действительность. Жэка встретился с ним взглядом и поспешил помочь ему, радушно улыбаясь:

– Все нормально. Мы не закрываемся. Мы пьем пиво и отдыхаем после работы, а в одиночестве какой же отдых, когда вокруг ни души.

Незнакомец молча посмотрел на него. Жэка сидел с видом человека, встретившего старого друга. Его лицо своей широкой улыбкой и доброжелательным взглядом всегда располагало к общению. Он это знал.

– Вы кто? – тихо спросил незнакомец. Взгляд его стал осмысленным, а в глазах уже не было ни малейшего намека на слезы.

– Я? Я здешний обитатель, можно так сказать, – голос Жэки изменился, как и он сам. – У тебя что-то случилось? – не вытерпел и выпалил он неожиданно для самого себя. Он терпеть не мог слез еще с детских лет, когда привык защищать во дворе свою младшую сестренку.

– С чего Вы взяли? – пожал плечами незнакомец и снова огляделся по сторонам, оглядывая пустой зал.

– Мне показалось, – неуверенно ответил Жэка без прежней энергичности, без показного веселья.

Незнакомец медленным движением провел ладонью по лицу, словно снимал или надевал маску, прежде чем что-либо ответить:

– Да, Вам показалось, – тихим голосом произнес он. – Все в порядке. Жизнь вокруг продолжается. К тому же все будет хорошо, как целыми днями повторяют со всех сторон. Вам показалось, – повторил он и посмотрел на Жэку. В глазах его не было ни малейших признаков слез. Взгляд был спокойным и даже трезвым, как заметил Жэка, несмотря на полупустую бутылку.

– Ты извини, – начал Жэка. – Я по-простому. У нас тут все свои. Если я помешал, то могу уйти.

– Нет, ничего. Скорей я мог помешать, оказавшись здесь. Сам не пойму, как это получилось. Видимо, задумался, – горько усмехнулся незнакомец. По его виду не трудно было догадаться, что он гораздо старше Жэки, но его моложавый вид сбивал с толку и позволял Жэке чувствовать себя с ним на равных.

– Да ты не спеши, – начал Жэка. – До закрытия еще далеко, а здесь уютней, чем на улице. Ты мне вот что скажи, – оживился он. – Где я мог тебя видеть? У меня хорошая память, но не вспомню, – покивал он головой. – Ну, убей, не помню. А лицо знакомо, – хлопнул он себя по коленям и потянулся к кружке.

– Не знаю, – пожал плечами незнакомец. – Меня очень многие видели. Работа у меня такая. Ведь я работаю главным редактором. Да, – повторил он. – Главным редактором, – после паузы добавил: – До сих пор мне это нравилось. Нравилось. А теперь... Теперь не знаю, – покачал он головой, глядя в стол, неожиданно потянулся к бутылке, плеснул в стакан и залпом выпил, не морщась.

– Главным редактором?! – ахнул Жэка и поставил кружку на стол, тараща глаза на незнакомца. – Тем более где я мог тебя видеть?! У нас на заводе или в гаражах такие не водятся.

Жэка в раздумье почесал затылок.

– И все же я уверен, что твое лицо мне знакомо, – он улыбался незнакомцу такой дружелюбной улыбкой, что невозможно было бы не ответить взаимной симпатией для налаживания отношений. Но незнакомец думал о чем-то своем, совершенно постороннем, не связанном ни с Жэкой, ни с его обаятельной улыбкой. Он поставил пустой стакан на стол, не выпуская его из руки и не сводя с него глаз, словно обращаясь к нему, тихо произнес:

– Какой смысл?.. Зачем я здесь?.. Зачем я – главный редактор?

Он поднял голову, и Жэка вновь увидел наполнившиеся слезами глаза. Глаза смотрели мимо него. Жэка попытался все перевести в шутку, никогда не принимая всерьез «пьяные» разговоры мужиков.

– Как зачем? – бодро начал он. – Я вот слесарь шестого разряда и знаю зачем – для того, чтобы на заводе все работало и не ломалось!

– Ну и как? Все работает? – неожиданно спросил незнакомец и перевел взгляд со стакана на Жэку, отчего тот вдруг смутился, но не ударил в грязь лицом.

– А как же! Премию каждый месяц получаю!

Незнакомец уважительно кивнул головой и медленно, словно через силу, ответил:

– Тебе проще. У тебя есть смысл работать, – он снова налил в стакан и залпом выпил, не закусывая. Взгляд его опять замер на стакане, как на единственном собеседнике:

– А какой смысл работать мне Какой? Если я работаю, а мой журнал... не работает.

Неожиданно он криво усмехнулся, вертя стакан в руке и обращаясь к нему:

– Нет, он, конечно, работает исправно, каждый день, всем коллективом редакции. А что толку? Его никто не читает!

Незнакомец поднял глаза на Жэку, словно вспомнил о его присутствии.

– Это я так, мысли вслух, не обращайтесь внимания, – глаза его продолжали блеснуть. Им удавалось сдерживать слезы.

Жэка почувствовал себя неудобно, словно он является виновником того, что никто не читает журнал этого главного редактора. Желание подбодрить незнакомца переполняло его по давней привычке не оставлять ближнего в беде. Оптимизм по жизни всегда был тем ветром, что наполнял паруса его желания жить.

– Как не читают?! – бодро воскликнул он, решив любой ценой растормошить незнакомца. Его унылый вид ему очень не нравился. – А что печатают в вашем журнале?

Незнакомец явно не ожидал подобного вопроса и интереса к собственной фигуре. Он долгим взглядом посмотрел на Жэку, словно рассматривая того, кто задал такой вопрос.

– Это литературный журнал, – тихо произнес он, снова налил в стакан и залпом выпил. – Мы печатаем повести, рассказы, стихи. Да... и стихи, – он покачал головой.

– Стихи? – переспросил Жэка и допил свою кружку. – Когда-то в молодости я писал стихи. Когда в армии служил, – он на мгновение закрыл глаза. – Затосковал тогда по дому. Домой отправлял. Моим нравились. Сейчас не до стихов, будто в другой жизни. Да и жить-то некогда. Одна работа с утра до вечера, – махнул он рукой. – Забежишь сюда к друзьям, поболтаешь, и опять туда, на работу. Какие там стихи, – махнул он

рукой. – А тогда, в армии, я и книжки читал. У нас хорошая библиотека была в части. Даже помню некоторые. Особенно одну, и название ее помню, как сейчас. «Месяц до приказа» она называлась. Будто про меня все было написано.

Жэка забыл, о чем еще хотел сказать. Незнакомец смотрел на него, как на свой пустой стакан, но взгляд был пронзительный и удивленный.

– Вы читали мою книгу? – произнес он с удивлением.

– Какую твою? – не понял Жэка.

– «Месяц до приказа». Это моя книжка. Я про свою службу написал когда-то.

Теперь Жэка замер и внимательно рассматривал незнакомца, потом хлопнул себя по коленкам и вскочил со стула:

– Ну конечно! Я не ошибся! Где я мог тебя... Вас, – запнулся он, – видеть! Ну конечно! На обложке! Как же можно узнать человека через столько лет! Я же говорил, что у меня память ого-го! Так это Вы! Нет, я это так не оставлю!

Он схватил пустую кружку со стола и метнулся к барной стойке, откуда послышался его громкий голос:

– Стасик, родной, я же говорил, что все будет ОК! Сейчас я тебя выручу!

Он что-то быстро-быстро начал говорить бармену, после чего вернулся за столик к тому, которого он уже не мог считать незнакомцем.

– Такое только в кино бывает, – возбужденно заговорил он. – Я вашу книжку под подушкой хранил. Помню фото на обложке, а вот фамилию... как же фамилия, – он даже зажмурился, вертя пальцем у виска. – Как же там...

– Там было написано «Юрий Патраков», – произнес незнакомец и вылил остатки водки в стакан.

– Точно! – снова подпрыгнул Жэка. – Юрий Патраков! Хотел бы с Вами познакомиться. Жэка, как меня здесь называют, – стоя у стола, он кивнул головой и сел на стул, не сводя глаз с автора любимой когда-то книжки.

– Так Вы писатель! – произнес он с уважением. – Всегда уважал тех, кто может то, чего не могу я.

В это время бармен подкатил тележку. На столе оказались рюмки, бутылка водки, бутерброды с красной икрой, хлеб, тарелки с нарезкой. Пустая посуда со стола исчезла, как сигнал для обновления отношений.

Перемены на столе не вызвали перемен в настроении нового знакомого Жэки.

– Значит, Жэка, – произнес он. – Неожиданное знакомство в неожиданном для меня месте.

Жэка суетился за столом с видом радушного хозяина, разливая по рюмкам.

– Только должен сказать, вынужден сказать, что я не писатель, увы. Давно не писатель. Я главный редактор. Чиновник. Администратор, если хотите. Не называйте меня писателем, – он говорил, наблюдая за суемой Жэки. – Я отвык от такого обращения.

Жэка протягивал ему одну из рюмок:

– Предлагаю и очень хочу за знакомство, которое никогда не забуду как подарок судьбы!

– Право, не знаю. Не ожидал. Мои мысли далеки от новых знакомств. Будем знакомы. Вы Жэка, очень приятно. Зовите меня просто – Юрий.

– Это по-нашему! Только давай сразу на «ты», – подбодрил его Жэка. И они выпили, чокнувшись, после чего обратились к закуске.

– Согласен, – кивнул головой Юрий. – Теперь все как в другой жизни. Может, поэтому я оказался здесь, в месте, далеко от литературы, – он покрутил вилкой в

воздухе. – Я помню мир литературы и помню то время, когда хотелось писать, творить и получать от этого удовольствие, а не деньги. Было такое время, когда первого было больше, чем второго, и страну наполнял мир литературы. Время, когда за книгами записывались в очередь.

Жэка глянул на него удивленными глазами, но Юрий не замечал.

– Да, тогда литература правила наравне с официальными законами и почиталась наравне с ними. Я считал свой труд важным и полезным, потому что мои книги читали, а меня называли писателем. Это наполняло мою жизнь смыслом, желанием жить, – он посмотрел на Жэку. – А теперь?

– Что теперь? – Жэка протянул ему полную рюмку, которую Юрий взял.

– Теперь?

Они выпили.

– Теперь нет ни смысла, ни желания. Знаешь, Жэка, я смолodu не любил кладбища. Кресты, могилы, памятники. Когда оказывался там, возникало желание бежать прочь. Теперь у меня возникло вдруг такое чувство в книжных магазинах, Жэка! – он грохнул кулаком по столу. – Как на кладбище! Только вместо крестов и могил всюду бесконечные обложки и обложки, яркие, как мухоморы. Жэка! Я начал чувствовать, что мне хочется бежать оттуда, как с кладбища, не пойму даже почему, – он пожал плечами. – Может, от бессилия, что невозможно охватить разумом это бескрайнее изобилие информации и все прочесть, а может, от ощущения, что все эти яркие обложки затмевают собой смысл содержимого, превращая книги в настенные картины, а не в источники разумного, доброго, светлого. Но мне там не по себе, Жэка! – шепотом добавил он.

– Я не помню, когда последний раз был в книжном магазине, – дружелюбно отозвался Жэка.

– Неудивительно. Мир литературы остался в прошлом, он превращен в прошлое, а ты живешь в настоящее время, в мире рекламы, которой правят торгаши, а не литература. А я, когда выхожу из книжного магазина, чувствую себя контуженым.

Меня не покидает одна мысль, не дает мне покоя, Жэка, – он придвинулся ближе к столу и наклонился над ним, словно хотел сказать какую-то тайну:

– Все эти авторы пишут и пишут бесконечно новые и новые книжки, а зачем, Жэка?! Зачем?! Ведь в мире давно все лучшее уже написано, и лучше этого уже никто не напишет, Жэка! Надо только все написанное прочитать! Человеку достаточно в начале жизни прочитать несколько книг, чтобы захотеть на всю жизнь стать человеком!

Юрий словно опомнился и распрямился, отодвинувшись от стола.

– Раньше читали. И ты читал, помнишь. Да, другая жизнь была. Разве могу я забыть те книги, что вывернули мою душу наизнанку, прочистили мои мозги и сделали меня человеком?! Есть такие книги. Они айсбергами возвышаются в книжном море. Встреча с ними остается навсегда, – Юрий незаметно для себя разгорячился. Слова его звучали торопливо, словно он спешил избавиться от того груза, что обжигал его душу.

– Разве забудешь из далекой юности «Трудно быть богом»? А «Лезвие бритвы»? Это невозможно. А «Собачье сердце»? Я не могу, – покачал он головой. – Эти книги сделали из меня человека, я полюбил читать. Можно есть, пить, дышать не потому, что любишь это дело, а потому, что это надо делать. А читать надо любить, Жэка, чтобы почувствовать вкус к жизни, а не к пище или питью напитков.

Жэка протягивал ему полную рюмку, явно проявляя интерес к словам:

– Я согласен с тобой. А твой журнал? Вы какие рассказы печатаете? Новые или те, что давно написаны?

Юрий выпил и посмотрел на Жэку. В глазах его блеснули слезы.

– Потому я и здесь, – тихо произнес он, опустив голову. – Да, мы печатаем. Печатаем... Наш журнал, наша редакция должны выживать не в мире литературы, а в мире бизнеса. Это сегодняшний день, – он опять смотрел в стол и говорил неохотно, с горечью в голосе, словно оправдывался перед самим собой:

– Мы литературный журнал, но печатаем не те рассказы, которые заслуживают этого.

– Как это? – удивился Жэка.

– Нам автор платит за публикацию своего рассказа. Такие рассказы мы печатаем. Это коммерция. Не литература, – слова звучали в полной тишине, как в зале суда при оглашении смертного приговора. Юрий сидел с видом осужденного, осудившего самого себя по зову совести, уставшей от насилия над ней.

Жэка старался поддержать его своим оптимизмом:

– Понимаю вас. Выживать надо. Это нормально и дай бог вам всем хорошей зарплаты.

– Нормально? – прервал Юрий, усмехнувшись. – Может, для завода это нормально, выпускать болванки, какие нужно. Нет, брат, литература ценна сама по себе, а не угодой чужим вкусам и кошелькам. Так что занимаюсь я не литературой, а коммерцией. За счет тех авторов, что печатают у нас свои рассказы. Я не могу называть их писателями. Для меня они авторы своих текстов. Не более. И я не писатель. Бизнесмен с мягким знаком, – пошутил он.

– Почему с мягким? – не понял Жэка шутки, мотая головой от выпитого.

– Так мягче падать, – грустно улыбнулся Юрий. – Падать в своих глазах. Спасибо тебе, Жэка, – добавил он.

– За что?

– За компанию. Очень гадко у меня на душе. Не знаю, как бы выбрался без тебя. Возьми меня к себе на завод, что ли.

Его слова отрезвили Жэку:

– Ты о чем?! – на его громкие слова бармен повернул голову.

– Ты писатель! И для меня и для всех! – он даже привстал со стула от силы своих слов.

– Я слесарь! А ты писатель! И должен писать! Писать про нашу жизнь, про то, что жить некогда!

– И ты будешь читать? – услышал он в ответ тихий голос, который усадил Жэку обратно на стул.

– Вот видишь. Молчишь. Зачем все это? Кому это надо? Может, мое место здесь, рядом с тобой, среди таких, как ты, которые не читают и не нуждаются в этом, а, Жэка? – Юрий не говорил, а шептал слова, будто из последних сил. – Я давно не пишу, и самое страшное то, что не чувствую желания писать. Недавно проснулся с этой мыслью, и мне стало противно.

Жэка энергично закивал головой:

– Вот-вот, это всегда так с похмелья. Жить не хочется, и все противно. Сам себе противен, пока не подлечишься.

Юрий всерьез воспринял его слова, угнетаемый своими чувствами, от которых он не нашел спасения в своем случайном пристанище.

– А как подлечиться мне, Жэка? Душу не подлечишь твоим способом. Уже много лет такие мысли не приходили мне в голову. Мои мысли были о типографской бумаге, о краске, о зарплате работникам, о тиражах и о финансах. Все это есть, Жэка, а там... там пусто, – неожиданно выкрикнул он, стукнув кулаком в грудь, при этом чуть не упав со стула.

– Вы не должны так говорить! – прервал его Жэка. – Все очень просто, – он снова протягивал полную рюмку. – Можешь считать это голосом народа, – улыбнулся он. – Ведь здесь всегда собирается народ, а не ваши писатели. А я самая что ни на есть часть народа. Так вот что я тебе скажу, дружище. Все станет у тебя на свои места, когда ты снова начнешь писать. И душа твоя потянется к жизни, а не сюда, в пивнушку, потому что будет делать то, что ей нравится.

– Зачем, Жэка?! В магазинах книжные кладбища! На это больно смотреть. Чтобы пополнить такое кладбище? А смысл?

Они снова выпили. Жэка, всегда компанейский балагур, душа любой компании и весельчак, сам не ожидал, что способен на такие слова.

– Смысла нет потому, что ты его не там ищешь, – голос его звучал сердито. Он чувствовал себя сердитым. Он должен объяснять простые «вещи» тому, кто способен на невероятное. Тому, кто пишет КНИГИ?! Это раздражало его.

– Для тебя смысл в том, чтобы писать книги! Я так понимаю, – добавил он уже тихо.

Несколько минут они сидели молча. Жэка ждал, когда улетучится из него непривычное сердитое чувство, а Юрий, похоже, приходил в себя от неожиданных слов. Его охватило удивление от того, что эти слова не пришли ему самому. Как просто! Писать и не думать – для чего? Писать, потому что хочется!

– Я говорил, что наш журнал печатает платные рассказы, за деньги, – говорил он спокойным голосом, без былой горечи. – Но я никогда не перестану удивляться талантливости наших людей, Жэка. Присылают такие рассказы, что диву даешься. И ведь простые люди, не писатели никакие. Словно брызги таланта рассыпаны невидимой рукой над страной, и они не дают людям покоя. Удивительно!

Он недоуменно покачал головой и с благодарностью посмотрел на Жэку. В его голосе не чувствовались пьяные нотки.

– Согласен с тобой, Жэка. Эти люди присылают нам свои работы без всякого смысла. Мы не печатаем их, потому что у них нет денег для этого, а у нас нет возможности. Но они присылают. Пишут и присылают, не ищут в этом какого-то смысла, а просто потому, что хотят писать. Знаешь, такое ощущение, что литература невидимой птицей кружит над страной, но силы ее не кончаются. Ей некуда опуститься, никто не поднимет голову, чтобы увидеть ее. Все смотрят в руки, из которых торчат деньги. Но она парит над нами! Есть островки в Интернете, куда она еще может опуститься и отдохнуть под внимательным взглядом читателя. Мой журнал не островок. Болото с лягушками, – ухмыльнулся Юрий.

Он протянул через стол руку:

– Спасибо, Жэка!

– За что?!

– За знакомство. И за твои слова. Голос народа у тебя хорошо получился, – на лице Юрия мелькнуло подобие улыбки.

– Обращайтесь! – Жэка вновь был прежним Жэкой, далеким от голоса народа. – За это стоит по маленькой.

Но Юрий уже встал из-за стола. Движения его были уверенными, без признаков опьянения. Он казался совершенно трезвым, как и его голос.

– Еще раз спасибо. Дела, – развел он руками, затем достал визитку и протянул Жэке. – Звони. Подарю тебе свою книжку.

– Это я обязательно! – неподдельно обрадовался тот и ответил рукопожатием. Юрий застегнул пиджак и спешно направился к выходу.

На краешке стола с его стороны остались две маленькие, едва заметные капельки, которые никто не увидит, если не знает про их существование.

ЖЕРТВА СВЕТЛОГО БУДУЩЕГО

Солнечный день и теплая погода по-летнему согревали уставшую от жары природу. Пожелтевшие и поникшие листья на деревьях напоминали о наступившей осени. В этот погожий сентябрьский день дед Витя, как называли его внуки, сидел на скамейке у калитки своего дома и блаженно шурился. Перед долгой зимой так приятно ощущать солнечное тепло. В доме ему было скучно. Сын с женой уехали в город по делам и взяли младшую внучку с собой. Старший внук в школе. С началом сентября кончились их ежедневные рыбалки на утренней зорьке. Деда приятно удивляла дотошность внука. Тот каждый раз просыпался раньше деда и торопил его со сборами, а мысли внука убегали еще раньше туда, на озеро, где азарт, где рыбалка, где пузатые караси. Деда не могла не радовать мысль о том, что его азарт передался внуку с малых лет.

Теперь лето кончилось, и дед каждый день с нетерпением ожидал, когда школьный автобус покажется на улице и из него с шумом и смехом выскочит наружу толпа ребятишек с ранцами и сумками. Так же было и в этот день. Пыльный автобус оставил на улице стайку шумных ребятишек и укатил обратно, в соседнюю деревню.

Дед с нетерпением ожидал приближения внука, не подозревая, что вскоре его блаженное состояние покоя превратится в сущий катаклизм душевных эмоций, таких эмоций, каких он сам от себя не мог ожидать. Точно так же его внук Сёма не мог представить, что окажется той спичкой, что вызовет вспышку дедовых эмоций. Как он мог такое представить, если всего лишь вернулся из школы и не успел ничего натворить?

Дед сидел на скамейке с закрытыми глазами, делая вид, что не заметил внука. Он услышал, как внук плюхнулся рядом с ним на скамейку и услышал его голос:

– Привет, деда!

По отработанному сценарию дед удивленно открыл глаза и словно встрепенулся от неожиданности:

– Ох, сорванец! Как ты это делаешь?! Почему я тебя не заметил?!

Они оба понимающе рассмеялись. Сёма заерзал на скамейке, ещё не отдохнув от школьного стула:

– Да ладно, деда, я же знаю, что ты не спал!

Дед улыбался.

– Это вам в школе нельзя спать, а мне самое время на солнышке погреться. Ну, что, как дела в школе? Чему там вас учат в пятом классе? Я уже не помню, чему нас учили в пятом классе, – он похлопал внука по плечу. Сёма сидел и болтал ногами:

– Да нормально все. Сегодня пятёрку по географии получил.

– Ну и молодец! – обрадовался дед. – Значит, не заблудишься нигде, если географию знаешь.

– Пойду я, деда, – вздохнул внук.

– А что так? Посиди еще, не поговорили даже, – удивился дед.

Но Сёма уже стоял у скамейки.

– Некогда. Уроков много задали. Да еще сочинение писать надо, – он снова вздохнул.

– Сочинение? – оживился дед. – Так ты напиши про наши рыбалки. И сочинять ничего не надо. Сразу пятерку получишь!

– Нет. Про рыбалку нельзя. Там другая тема. Нам задали про светлое будущее написать, – важным тоном ответил Сёма. – Написать, каким оно будет светлым, хорошим, и чтоб все по справедливости обязательно. Не знаю, что писать, – пожал плечами внук в задумчивости. Его слова произвели неожиданный эффект, от которого Сёма снова опустил на скамейку и с удивлением смотрел на деда. Дед Витя после его слов вскочил со скамейки и нервно ходил взад-вперед, почесывая подбородок и позабыв про свою палку.

– Светлое будущее, – тихо бормотал он, глядя не на внука, а куда-то вниз, под ноги, словно пытался отыскать там то, что было непонятно его внуку.

– Светлое будущее, говоришь? – он перевел взгляд на Сёму, не прекращая шагать перед ним. Его прищуренные глаза странно блестели. От бывшего спокойствия не осталось и следа. Сёма позабыл про свои школьные вопросы и не мог понять странного поведения деда, всегда такого спокойного и дружелюбного.

– Это кто же вас там заставляет писать про такое? – Взгляд деда был непривычным, сердитым. – Не иначе как попы опять придумали.

– Что ты, деда! У нас никаких попов нету. Учитель нам задал на дом сочинение написать. Фантастика это значит. Представить, каким будет светлое будущее. Ты чего?

Но дед не унимался:

– Учитель, говоришь? А учителю кто подсказал такое задание для вас, глупышей?! Нет, я чувствую, что без попов тут не обошлось, – он покивал головой. – Это, выходит, с чего я начинал жизнь, тем же она и заканчиваться будет. Вот уж никак не думал, – голос деда звучал все громче, отчего Сёма приходил в еще большее замешательство.

– А ты что же думаешь? – дед неожиданно уселся рядом с Сёмой и в упор уставился на него, не замечая того, что уже не говорит, а кричит:

– Ты что же думаешь, раньше такого не было, во времена моего деда?

– Ты чего, деда? – Сёма тихонько отодвинулся на край скамейки, а дед продолжал:

– Нет, внучок, было. Попы для того и нужны были, чтобы обещать людям царствие божье какое-то за их терпение при жизни. Чтобы не роптали люди, а горбатились на своих хозяев да царя-батюшку, чтобы за это жить потом в светлом царствии небесном.

Дед снова вскочил со скамьи и зашагал взад-вперед:

– А теперь, значит, вас с малых лет приучают к светлому будущему какому-то! Разве ж это не поповские штучки?! Ты будешь писать свои писульки про светлое будущее, а ездить в школу в соседнюю деревню и ходить туда пешком, когда автобус сломался. И учиться будешь в нетопленной школе, пока не простынешь там! А родители твои будут донашивать обноски, пока ты пишешь про светлое будущее!

Тьфу! – громко сплюнул дед и снова сел на скамейку. – Уж я бы написал. Только написал бы про светлое прошлое. Эх вы, караси! – он погладил внука по голове, успокаиваясь. – Если бы вы знали про нашу прошлую жизнь, то легко бы написали свое сочинение про светлое будущее, – его благодушное настроение вмиг улету-

чилося, он опять зашагал вдоль скамейки перед изумленным Сёмой. Голос звучал снова сердито:

– Зачем надо было превращать наше светлое прошлое в беспросветную жизнь, чтобы потом внуки писали о каком-то светлом будущем?! Тебе этого не понять, Сёма, – усмехнулся дед. – Не понять, что и я, и твои родители виноваты перед тобой в том, что светлое будущее осталось в прошлом.

– Как это? – удивился Сёма, не понимая поведения деда.

– Да вот так! – снова разозлился дед. – Иди и пиши свое сочинение! Никакими писульками не достичь светлого будущего, сколько бы вы ни писали, – дед кричал. – Об этом вам учитель, конечно, не сказал. Хоть каждый день пишите. От этого слаще не станет тем, кому горько. Иди пиши, – он махнул рукой. – Только зря все это, – грустно добавил он.

– Почему, деда?

– Да потому, что уже давно написано о том, как надо достичь светлого будущего. Никакая фантастика тут не поможет. Ничего больше писать не надо, внучок. Надо только прочитать написанное и жить так, как там написано. Только никто не читает и не хочет жить по законам светлого будущего. Живут не по законам, а по своим желаниям. Особенно те, кто их пишет, законы. Тебе вот дай волю, так разве бы ты пошел в школу? На рыбалку бы убежал. Так и все. Живут, как хотят, а не как надо для светлого будущего. Вам ведь не скажут в школе про книжки, где уже написано про светлое будущее. Про то, что их Ленин написал. Он говорил, что самое трудное – это воспитать нового человека. Без него не построить светлого будущего. Иди, Сёма, пиши, – дед сел на скамейку.

Сёма обрадовался, что наконец можно удрать подальше от плохого настроения любимого деда. Он слез со скамейки, но совершил непростительную ошибку, решив, что весь злой запал деда уже вышел наружу, не задев его. Прежде чем уйти, он сказал:

– Учитель сказал нам, что надо не просто написать про светлое будущее. Надо еще сказать, как сделать, чтобы оно пришло. Тогда пятерку поставит.

Сёма не успел ничего после этих слов. Дед оказался проворней малолетнего внука. Казалось, что злость наполнила его неукротимой энергией, которая требовала выхода, и этот выход был направлен в сторону внука. Неожиданно для Сёмы, неожиданно для самого себя дед отломил длинную ветку от куста сирени, что росла возле скамейки. Он метнулся к Сёме, схватил, нагнул его и начал хлестать ниже поясицы:

– Вот тебе! Вот! Вот так можно достичь светлого будущего! Без этого еще ни один человек не понял, что можно, а чего нельзя делать в жизни! Никто не понял, что надо замечать людей вокруг себя, а не только свои желания! Вот так можно построить светлое будущее! Через воспитание! Другого пути в светлое будущее нет, внучок!

Наконец Сёма вырвался из рук и отскочил в сторону. Ему было совсем не больно. Дед хлестал легонько, как бы в шутку.

– За что, деда? – он так и не понял. Дед отбросил в сторону прут и улыбался:

– Если ты не понял, то тебе не написать сочинение, а я за тебя писать не буду.

– И не надо. Я сам напишу, – Сёма повернулся и скрылся в калитке. Дед пошел вслед за ним, и вскоре они пили чай на кухне, вспоминая последнюю рыбалку.

Через неделю Сёма принес домой двойку за сочинение. Это не огорчало его. Он радовался тому, что больше не будет жертвой светлого будущего в руках своего деда.

СТАРЫЙ МЕЛЬНИК

**Александр
РАЛОТ**

Александр Ралот – литературный псевдоним Александра Викторовича Петренко.

Член Союза писателей России. Прозаик, публицист и краевед. Автор аудиокниг и публикаций в журналах: «Смена», «Берега», «Невский альманах», «Огни Кубани», «Южная звезда», «Золотая лестница», «Новая литература», «Дарьял» (Владикавказ), «Метаморфозы», «Вторник», «Пять стихий», «АЛЕКСАНДРЪ», «Дальний Восток» и других. Лауреат международных литературных конкурсов.

Живет в Краснодаре.

В «Тоболе» публикуется впервые.

Жарко у нас в станице. Потому как лето красное. Солнце палит так, словно я в пустыне.

Глаза ищут облупившуюся вывеску «Сельмаг». Только там сейчас и можно промочить горло холодным пенным напитком, извлеченным на свет божий из старенького советского холодильника.

Отряхиваю штаны от пожухлой травы и топаю туда, где если нет пивка, то можно хотя бы холодного чаю выпросить. Но, увы! Не только мои глаза отыскивали эту торговую точку, но и десятка два подобных мне страдающих тоже.

Небольшой магазинчик гудел на разные голоса.

– «Сибирская корона» заканчивается. Всего один ящик остался.

– Тамарка! Слышь! Тады в одни руки не больше двух бутылок! Глядишь, и мне достанется.

– Коляныч! Тебе и так хватит. Шел бы домой. А то твоя Верка мне опять тут бои без правил вечером устроит.

– Томочка, вы меня извините, но я вынужден вас убедительно попросить приступить к исполнению своих прямых обязанностей. Очередь не движется совсем. Еще минут пять, и начнутся сплошные тепловые удары. А оно вам надо? – Интеллигентного вида городской командировочный протер очки в тонкой золотой оправе и начал интенсивно обмахивать себя соломенной шляпой.

Наконец подошла и моя очередь.

– Вам мельника одну или сразу две?

– Какого мельника?

– Какого, какого – старого!

– А ничего другого и нет?

Толпа за моей спиной шумно возмутилась:

– Мужик, бери, чё дают, и проваливай. «Старый мельник», видите ли, ему не по душе, то есть не по горлу.

– Давай обе, – поспешно пробормотал я, уступая место следующему страждущему.

Минуту спустя располагаюсь на выдавшей виды скамейке под тенистым деревом в некотором подобии сельского скверика.

– У вас тут свободно? – сверху на меня смотрело лицо, сплошь испещренное глубокими морщинами.

Я кивнул и слегка подвинулся, уступая место. Мой сосед аккуратно расстелил пожелтевшую газету, достал жирную рыбину, разрезал ее на куски.

– Угощайтесь. Это таймень. Друзья аж из самой Сибири прислали.

Закуска источала такой аромат, что отказаться было невозможно. Я потянул к себе поближе газету и в знак благодарности поставил перед стариком бутылку запотевшего пива. Тот повернул ее этикеткой к себе, сделал большой глоток, удовлетворенно крикнул и произнес:

– А знаете, молодой человек, что я и есть тот самый старый мельник. Еще до революции начал муку молотить.

Жажду утолил. Неведомую в наших краях рыбу попробовал. Настроение улучшилось. После такой трапезы душа требовала общения. И я всем своим видом показал, что готов к долгому разговору.

Одежка да и весь облик моего собеседника буквально кричали о том, что жизнь его была непростая и довелось повидать ему на своем веку немало.

– Вы, конечно, можете мне не поверить, но начинал я много лет тому назад, начал трудиться... портовым грузчиком. Состоял в ватаге. По молодости мешки с мукой в трюмы барж таскал, на Иртыше.

– Понятно. А как же мельником стали?

– Понимашь. Можно я к тебе на ты? Мне так удобнее. По осени Иртыш льдом покрывается. Грузчикам расчет дают. И все – гуляй до весны. Те, кто семейные, заработанную копейку жене несут. А таким, как я, одна дорога – в кабак.

Однажды иду я, поддатый, и далеко не маленько. Ну, в общем, так, что тумбу афишную не заметил. Остановился, тру ушибленный лоб и объявление читаю. Грамоте-то я обучен. Как-никак церковно-приходскую школу закончил. А на тумбе коротко и ясно: «Требуется крупчатник! Деньгами и жильем не обижу!»

Призадумался. Деньжата кое-какие у меня в кармане еще водились, а с ночлегом было туго. То к одному дружбану на постой попрошусь, то к другому. Стою себе и размышляю: крупчатник, крупа, мука. Как раз то, что мы на последнюю баржу загрузили. Ну и что тут сложного? Зерно в муку перемолоть? Как работают ветряные мельницы, у себя в селе видел. Немудреная техника. Чай, не дурак – осилю, зато будет что пожрать, да и постоянная крыша над головой – не последнее дело.

Смотрю, малец возле тумбы отирается, по всему видать, у меня из кармана, что плохо лежит, стырить хочет. Схватил его за шкирку да и говорю:

– Неча в чужой карман глазеть! Враз по шее у меня схлопочешь! На, держи двугривенный, смотайся в бакалейную лавку да купи мне полфунта муки самой лучшей. Апосля отведешь меня вот по ентому адресу, – я ткнул в объявление. – Все справно сделаешь – с меня еще целковый.

– И что, хозяин мельницы, принимая вас на работу, никакого рекомендательного письма не потребовал? – поинтересовался я, поднося ко рту очередной кусок вкуснейшего хариуса.

– Не-а. Взглянул на меня сурово из-под бровей косматых. Хлопнул по плечу и произнес: «Зелен ты ишшо для крупчатника-то! Ну да черт с тобой! Ступай на мельницу. Ежели завтра мука будет лучше нынешней, считай, испытание прошел. Будет тебе то, что в объявлении писано! Ну а на нет – и суда нет. Выгоню вазшей, и вся недолга».

У меня на языке вертелся очередной вопрос, но задать его старику не решился. Боялся перебивать рассказчика. Молча отхлебнул пива и весь обратился в слух. А собеседник продолжал:

– Городска мельница – не то шо наша...сельская, ветряная, – большущая, просто жуть! Паровая. Пылища вокруг нее стоит такая, что света белого совсем не видать. Хотел было сразу дера дать от греха подальше, однако ж смеркаться стало. Решил я тогда в каморке близ этой громадины грохочущей переночевать. Дернул за дверь – закрыто. Поманил к себе одного «чудика», белого с ног до головы. Слышь, «привидение»! Крупчатник я ваш новый! То бишь начальник! А посему живо мне тащи сюда ключ вон от этой двери. А заодно и кулек муки притарань, которую вы сейчас мелете. Минут через десять «белое привидение» доставило и то и другое. Сравнил я муку с мельницы с той, что мне малец с бакалейной лавки принес. По всему выходило, что паровая мельница зерно просто поганила. Ткнул под нос «привидению» кулак. Нюхай, чем пахнет! Усек! На вот, держи. Отдал ему бакалейную муку. Утром придешь. Меня разбудишь, покажешь, что вы «черти пыльные» за ночь намололи. Ежели опять хуже этой будет, так и знай: дам в морду! И не токо тебе, но и всей бригаде. Однако же тебе первому. Все, я спать.

– И что, угроза подействовала? Неужели вашего кулака испугались? – Я взглянул на тонкие, все в синих жилах, руки соседа.

– А то! Ты не смотри, что у меня сейчас одна кожа да кости. В те годы я два пудика на вытянутой руке нести мог. Так-то вот. В портовые грузчики абы кого не брали. Спытание пройти надобно было. Следующим утром вся банда «мучных приведений» выстроилась у моих дверей. На перебой руки тянут – муку показывают. Чистую. Без отрубенистых точек. Через полчаса и сам хозяин соизволил объявиться. Улыбается в усы. Похвалил меня, а заодно и «мукосеев». Ключ от хаты вручил, денег на дрова выделил. Я из них каждому «привидению» по двугривенному отсыпал. Так сказать, премия. За усердие и старание. В общем, ту зиму прожил как «кум королю, брат министру». А по весне загудели на реке пароходы. Хлопцы из моей ватаги позвали с собой. Ватага – она же родная. Почитай, почти семья. Куды же я без нее? Вот и пошел к хозяину за расчетом. А тот – ни в какую. Заладил как пластинка граммофонная. Ты же крупчатник от Бога. Мастер своего дела. Мукосеи тебя крепко полюбили! Не каждому такое Всевышним отпущено. Зачем же в порту горбатиться? Оставайся здесь, на всем готовом.

– И что – остались?

– В тот год не-а. Так и работал – зимой на мельнице, летом в порту, с корешами. Пока однажды не надорвался. Чуть калекой не стал.

В тот день ливень был не приведи господь. А баржу все едино грузить надобно. Вот я и навернулся с трапа, а мешок тяжеленный – сверху на меня. Отлежался в больничке да и подался на кормилицу-мельницу. С тех пор ее уже и не покидал.

– А как же семья? Дети, внуки у вас есть?

Старик ответил не сразу. Сосредоточенно грыз рыбий хвост.

– На мельнице я женат. На ней, проклятушей и родной. После того случая в порту надломилось что-то внутри. Лечили, лечили, да все без толку. Доктора сказали – жить будешь, даже долго, а детишек, увы, не заведешь. Наисуровейший приговор вынесли.

– Так могли бы из детдома взять. Мало ли сирот в нашей стране.

– Твоя правда. Мы с женой Катериной усыновили одного мальчика. Хороший такой вырос, тихий, смелый, работающий. День и ночь подле меня на мельнице крутился. Хотел из него смену себе достойную подготовить. Да не вышло – погиб в сорок пятом, под Берлином, аккуратно за неделю до конца войны. Меня-то самого не призвали, бронь дали. Солдатушек наших, матросиков хлебушком кормить надобно было. А его без муки не испечешь. Вот мы с половинкой моей и горбатились день и ночь. Для фронта, для победы. Без отдыха. Я все это выдюжил, а она нет. Амилоз, знаешь, что такое?

Я отрицательно покачал головой.

– Это когда легкие мучной пылью забиты и кислород из воздуха в кровь не пропускают. Короче, помучалась она, сердешная, пару лет. Поездила по санаториям разным. Да все зазря. Угасла как свеча. Померла.

У меня на глазах невольно навернулись слезы. В горле пересохло. Будто бы и не пил я «Старого мельника» вовсе.

– Скажи, паря, – дед пристально посмотрел на меня – а ты, часом, или друзья твои значки не собираете? У меня тут очень редкий экземпляр имеется. Таких в нашей стране не больше десятка наберется. Не хочу в город телепаться да в ломбард сдавать. Там не поймут. А тебе совсем недорого отдам. По всему видать, ты человек хороший.

Мой собеседник полез во внутренний карман мягкого пиджака, достал оттуда белую чистую тряпицу. Развернул и протянул мне знак с облупленной по краям эмалью.

– «Заслуженный крупчатник республики» – это, почитай, все равно как заслуженный артист. Тока их на Руси пруд пруди, а таких вот, как я, раз, два – да и обчелся.

– Беру, – еле слышно произнес я.

Открыл свой кошелек и выложил на стол все его содержимое – зарплату совхозного бригадира за пару месяцев и отпускные.

Старик протянул мне знак, смял купюры, не считая. Небрежно сунул их за пазуху и, не прощаясь, посеменил к выходу.

Незаметно догнать его и положить в карман тряпицу со значком мне не составило особого труда. Однако на душе почему-то продолжали скрести острыми когтями невидимые безжалостные кошки.

БАБКА ЧЕРЕВАТОВА

Я вот тут намеренно стою на остановке троллейбуса. Жду «рогатого», а его нет и нет. Жарко у нас в Краснодаре. Лето. Присел в тенечке да и предался воспоминаниям.

Сын бабки Череватовой работал водителем троллейбуса. Сейчас, поди, уже на пенсии. А бабка жива? Если да, то здоровья ей и долгих лет жизни. А ежели

померла, то царство небесное. Простой советской труженице, не щадящей живота своего, восстанавливающей нашу страну после той страшной войны.

Лет сорок назад нас, без пяти минут выпускников местного политеха, отправили на преддипломную практику в соседний Ставропольский край.

Студентов, как правило, селили в общежитие комбината хлебопродуктов по принципу – сколько в одну комнату влезет. Чай, не баре, пускай вообще рады будут, что крышу над головой предоставили. Но была особая каста студентов, так сказать, брахманы, по-нашему – привилегированные. То есть женатики. Молодую советскую семью разлучать никак нельзя. А свободных комнат в общежитии отродясь не водилось. Вот и определили меня с моей половинкой и моего дружбана Даньку с его кареглазой Алькой на постой к бабке Череватовихе. У нее после смерти мужа, почитай, аж две комнаты пустые имелись.

После Гражданской войны сопловую девчонку Галочку родители привели к воротам бывшей купеческой мельницы, да там и оставили. Ибо сами уже прокормить не могли. А замуж – годками еще не вышла. Вот так Галюся Череватова и стала «дочерью полка», то есть дочерью большой экспроприированной мельницы.

Записей в ее трудовой книжке две. (Лично видел). Принята на должность мукосеи. Уволена в связи с достижением пенсионного возраста и наличием нескольких профессиональных заболеваний.

Дом у бабки Череватовой был уникален. Сложен из тесаных бревен. «Что же тут удивительного? – скажет мой дотошный читатель. – У нас, почитай, пол-России такими домами утыкано». Так то же в России, но не у нас, на юге. Лесов здесь раз, два и обчелся. Посему южные хаты строят из самана – глины вперемешку с навозом. Сам до сих пор в таком экологически чистом доме живу.

Как ей этот чудо-дом достался, бабка нам не рассказывала, но каждой студенческой семье по светелке выделила. И напутствовала: «Грешите там в меру. Занятие это нужное. Нашему мукомольному делу новая кровь о как нужна. Только и о работе не забывайте. Чтобы, значит, к восьми ноль-ноль были мне как огурчики на своих рабочих местах».

Хозяйка наша за свою долгую жизнь никакой школы так и не окончила. Читать и писать не могла. Однако, издали завидев почтальона, побросав все дела, не разбирая дороги, бежала к нему навстречу. Выхватывала пачку писем, скоро перебирала их и, радостная, возвращалась с заветным конвертиком домой.

– На, читай скорее, что мой сыночек матушке пишет. Да читай же, ирод студенческий, не томи.

Я прочел. Отдал бабке листок. Она, бережно погладив, положила его в старинную шкатулку.

– И чего ты на меня устался? Мышка маленькая, серенькая, но и ей понятно, что ежели первая буква в письме на цифру четыре похожа, значит, письмо то мне, бабке Череватовой! А этот лентяй, почтальон, плетется как старая заводская кобыла. До моего двора, почитай, еще минут пять топтать будет.

За наш постой предприятие платило хозяйке не деньгами, а комбикормом: 500 килограмм свиного или 100 для птиц, на выбор. Череватова держала у себя пару десятков несущек. А теперь догадайтесь, какой комбикорм она выписывала. Правильно, для свиней.

– Бабушка, ну так же нельзя. Ваши курочки болеть будут, а может, даже и

умрут совсем, – раскрыв от удивления и без того огромные глаза, верещала Алька. – Поймите же! На заводе составляют специальные рецепты для кормов. Для свинок свои, для курочек свои. Это сложный процесс, требующий тщательной проработки.

– Много ты понимаешь, деваха. Мужу своему будешь вечером в спальне организовывать сложный процесс, требующий тщательной проработки, – съязвила бабка. – Нешто я не понимаю. Почитай, полвека этим треклятым комбикормом дышу. Три таблетки добавляешь на килограмм – и вся недолга.

– Бабушка, вы, конечно, меня извините, – вмешался в разговор самый интеллигентный из нас – Даниил. – Вы же, я прошу прощения, неграмотная. Как же латинские названия на упаковках с таблетками читаете? Там же все не порусски написано.

– Вот малахольный. Привязался ко мне со своею Алькой. Да че там читать! Две желтенькие и одну синенькую растолок да и в корыто бросил.

– Но ведь надо же знать их фармакологическое действие, – не унимался Даня.

– Чего надо знать? Говори громче. Знашь ведь, что глухая я, на оба уха, совсем. Шум там у нас на мельнице такой, что только матерные слова расслышать и можно. Более ничего. А таблетки от чего? Так от поносу же. Если людям годятся, так птичкам моим, лапочкам, тем более полезны.

– Надо же, – удивилась Алька. – У нас в стране огромный научно-исследовательский институт десятками лет бьется над созданием универсального комбикорма.

– А бабушка Череватова две желтенькие и одну синенькую на килограмм! – поддержал молодую жену супруг.

Но хозяйка ничего не ответила. Ибо ничего не услышала по причине приобретенной профессиональной тугоухости.

Мой отец, инвалид войны, регулярно получал продуктовый набор повышенной калорийности. В него входили и невиданные в наших степных краях консервы, например «Кальмар дальневосточный в собственном соку». К чему это я? Да к тому, что матушка сунула мне пару таких банок в дорогу: «У нас эту гадость отродясь не ели. А вы там, на своей практике, с голодухи еще и не такое слямкаете».

Голодухи у нас не наблюдалось. Картошки было вдоволь. Муки всех сортов, сами понимаете, тоже. Вот наши молодые женушки и осваивали на практике приготовление различных блюд из этих двух ингредиентов.

Кальмаровые консервы мы открыли, но есть не стали. По причине того, что никогда в жизни их не пробовали. Отдали хозяйской собаке. Своего «кабысдоха» она также кормила исключительно свиным комбикормом. А он в знак протеста из будки не вылезал. Нес службу, то есть тьявкал, исключительно оттуда.

«Кальмар дальневосточный в собственном соку» пришлось бедному животному исключительно по вкусу. Нюх у собаки был отменный. Чувал он нас четверых за версту. После такого угощения мы, естественно, стали лучшими друзьями не только его, но заодно и всех собак улицы. Теперь, приметив нашу четверку, они дружно приветствовали нас радостным лаем. В надежде на то, что и им перепадет заветная баночка с кальмарами. А вы говорите, что в Советском Союзе дефицит был. Это сейчас никому и в голову не взбретет кормить своих Жучек и Бобиков «Кальмарами дальневосточными в собственном соку». А в то время – запросто!

Сидим на бабкиной кухне и в десять рук лепим вареники с картошкой. Вернее, не в пять пар, а в три. Ибо меня и Даньку от этого действия освободили по причине полной профнепригодности.

– Вот же послал бог вам, девоньки, мужиков, что у одного, что у другого руки точно не с того места растут. А еще мукомолы будущие. Нормальных вареников налепить не могут, глянь, каких быцог лепить пытаются. Такой же и в рот не запихаешь, – беззлобно ворчит на нас бабка Череватова. – Про остальные мужские причиндалы ничего сказать не могу. Но по вашим довольным мордочкам догадываюсь, что у мужей новоиспеченных с этим делом все в порядке. У мово-то покойного, чего греха таить, не шибко выходило. Одного сыночка и смог мне сварганить. Хворый совсем с войны пришел. Уж лечила я его, лечила, да, по всему видать, окопы поганые всю силу мужеску себе забрали. О!! Стоп, ребята! Кончай трендеть! На мельнице авария! Бежать надо, мож какая помощь требуется!

– Бабушка, да вам-то откуда знать? Мелькомбинат в километре от вашего дома стоит! – удивленно спрашиваю я.

– Молчи, олух царя небесного! Дай послухать! Точно! Турбовоздуходувка замолкла. Все, детки мои. Побегла я. Вы тут сами без меня управляйтесь.

– Бабушка, как же вы шум турбовоздуходувки можете за километр услышать, ведь вы же глухая? – сказала Алька. Прислушалась, но ничего не услышала.

А старуха Череватова ничего не ответила – она уже была в коридоре и обувала издававшие виды резиновые боты.

Вернулась через час.

– Электрик, понимаешь, сопля зеленая. Такой вот выпускник желторотый, как и вы. Взял да фазы-то и перепутал. Вот турбовоздуходувка-то и захлебнулась. Если бы не мы, старики, так, почитай, весь город завтра бы на сухарях сидел. Свежего хлебушку испечь не с чего было бы.

В ту ночь я долго не мог заснуть. Лежал с закрытыми глазами и размышлял. Каким образом наша хозяйка, много лет назад почти полностью потерявшая слух, могла слышать работу турбовоздуходувной машины, расположенной в тысяче метров от ее дома?

Утром Алька дала мне простой и четкий ответ:

– Да сроднилась бабка Череватова с ним, с комбинатом. Они уж много лет живут как единое целое.

Вы скажете – фантастика. А я скажу – реальность! Сейчас, наверное, такой феномен уже не наблюдается. Может быть. Нынче я и сам уже пенсионер. Но иногда по ночам, во сне, стою у вальцовых станков, перемалываю зерно и внимательно слежу за тем, чтобы турбовоздуходувка не остановилась!

ДЕВИЧЬЯ ФАМИЛИЯ

198.... год. Министерство хлебопродуктов одной из среднеазиатских республик СССР. Главное управление мукомольно-крупяной промышленности. Отдел перспективного развития.

Люди моего поколения и старше помнят, что в советских конторах стояли такие аппараты односторонней связи без диска номеронабирателя. То есть на них позвонить можно, а с них нет. Они, как правило, были ярко-красного цвета, и в

центре аппарата красовался золотой герб Советского Союза. Обладатели таких аппаратов страшно гордились ими: наличие сего агрегата сильно подчёркивало статус владельца.

Не знаю уж почему, но эти устройства связи обладали очень скверным типом звонка. И мой организм со временем выработал стойкую антипатию к мелодиям этого агрегата. Если то, что раздавалось из-под красного пластика, вообще можно назвать мелодией. Короче – он зазвонил. В трубке раздался раскатистый бас нашего министра:

– Зайди.

Трубка противно загудела сигналами отбоя. Почти бегом спускаясь со своего четвёртого этажа на покрытый хивинским ковром второй, где и располагался кабинет министра, я мысленно прокручивал в уме все свои возможные прегрешения, за которые меня следовало вызвать на ковёр. Таковых не обнаруживалось: так, мелкие шалости и не более того.

Понятное дело, хозяин кабинета сесть мне не предложил. Но смотрел потечески добро.

– Напомни, сколько у тебя было командировочных дней в прошлом году? – пробасил он.

– Триста. Примерно, – потупившись, ответил я. – Точно не считал, не до того было.

– Да. Многовато выходит. Ну, сам понимаешь, наша партия говорит надо, комсомол отвечает. Что там комсомол отвечает? Я запомнил...

– Есть, – буркнул я, старясь понять, к чему это высокое начальство клонит.

– Ну, есть так есть. Поедешь ещё в одну. На целый месяц. Радуйся.

– Матлабуди́н Раджапови́ч, а можно вместо меня кто-то другой, того, на месяц? У меня тут семейное положение намечается...

– Не понял! Это что за манера у тебя такая, не дослушав старших, перечить?! Ишь чего удумал, семейное положение у него! Тоже мне, уважительная причина! Я же тебя на этот раз не в Голодную степь посылаю и даже не в Кызылкумы. В столицу нашей Родины полетишь, в самую Москву, да ещё на целых тридцать дней! Учиться! Квалификацию повышать. Так уж и быть, танцуй. Разрешаю. Государственную награду тебе ни по чину, ни по возрасту ещё не полагается. Бери, какую дают, и дуй на первый этаж, в хозотдел, заказывай себе билет. Ну, чего стоишь, как высохшая чинара. Топай, куда велено.

Я не уходил. Молча переминался с ноги на ногу.

– Тысяча дивов! Вы посмотрите на этого умника. Ступай немедленно с глаз долой, иначе возьму и передумаю.

– Ага. Матлабуди́н Раджапови́ч, передумайте, пожалуйста. Очень прошу. Ну, не могу я сейчас того, в Москву. Я и так невесту свою почти год не видел.

Министр от такой наглости даже приподнялся с места.

– Ты чего сейчас сказал? Ты сам понимаешь, что вот эти уши слышали? Нет, ну вы посмотрите на этого малахольного дервиша. Ты кому сейчас перечишь? Ты самому министру возражаешь! Да такого даже члены коллегии себе не позволяют. Уважаемые, между прочим, люди. Ой, что я сейчас с тобой сделаю! Ой, что сделаю! – он помолчал с минуту. Встал и подошёл ко мне вплотную.

– Красивая?

– Кто? – не понял я.

– Ну, твоя, которая запросто может сбежать от тебя, если опять исчезнешь на целый месяц.

Я мотнул головой.

– Ты чего киваешь, как осёл взнузданный? Тебя сам министр лично спрашивает. Красивая, очень? Где работает? В каком министерстве или ведомстве?

– В нашем. То есть в вашем.

– Так чего же ты меня, старика, в заблуждение вводишь? Сын шайтана и гюрзы, – хозяин кабинета нажал кнопку селектора.

– Салам, Карим Насырович. Тут такое дело, этот наш мельник, кобылица его лягни, не хочет один в Москву отправляться. Говорит, только с невестой, и никак иначе. Давай там быстренько оформи документы и на неё. У нас, кажется, разнарядка на двух человек поступила. Ну и что – на другого уже оформлена? Значит, этот другой в следующий раз в Москву отправится, дурака тридцать дней валять. Переделывай быстро. Людям через неделю вылетать. Как это ты не знаешь, кто невеста мельника? А за что тебе государство зарплату даёт? Кто у нас в министерстве кадрами заведует? Ну и что – в личном деле нет графы невеста, а есть только жена? Сначала невеста, а потом жена. Наоборот никогда не бывает. Короче, если через десять минут не узнаешь эту страшную тайну, поедешь в командировку в Голодную степь. Не только мельникам там месяцами трудиться, но иногда и кадровикам полезно тоже.

* * *

Я крутил в руках два заветных листка с министерскими печатями.

– Дорогая, пойдём в ЗАГС. Распишемся, наконец.

– Это ты что? Мне предложение делаешь? На колено даже и не подумал опуститься. Вместо коробочки с колечком какие-то цветастые бумажки суешь. Что это вообще?

– Понимаешь! Это наше свадебное путешествие за государственный счёт. В Белокаменную, на целый месяц.

– Вот уж никогда не думала, что командировка на курсы повышения квалификации является достаточным основанием для заключения законного брака. В конце концов, можешь толком объяснить, почему ты решил, что в эту самую Белокаменную мы должны лететь в качестве законных супругов? Жили же до этого без штампа в паспорте. Не спорю, регулярно нарушали Моральный кодекс строителей коммунизма, но тебя этот факт не слишком тревожил. И нате, побежали в ЗАГС. А ты у моих родителей согласия спросил? И вообще, и вообще, и вообще! – на её глазах заблестели слезинки. – Я СОГЛАСНА! СОГЛАСНА! Дождалась-таки! Только у меня одно условие.

– Любимая, я безоговорочно согласен на твоё условие.

– Это ты зря, – она вытерла глаза и взяла себя в руки. – Вот так опрометчиво соглашаешься, даже не выслушав. Так уж и быть, я принимаю твоё необдуманное и скороспелое предложение, но только фамилию менять не буду. Мне девичья даже нравится.

* * *

В районе ЗАГСе дородная дама приняла наше заявление. Долго вчитывалась в листки.

– Вы, невеста, точно фамилию менять не будете? И вы, жених, согласны с этим?

Мы синхронно кивнули в знак согласия. Редкий случай, ну да ладно. Закон это не запрещает. Она шлёпнула синим штампом и убрала бумаги в стол.

– Жду вас ровно через месяц, со свидетелями, шампанским, ну и так далее. Как полагается.

– Как через месяц? Нам через месяц нельзя. Нам нужно прямо сейчас, – с вызовом произнёс я. – Мы! Мы уже давно муж и жена, только не венчанные.

– Жених, вы тут мне не того. Если вы не венчаны, так у нас в городе все не венчаны, потому как Азия у нас здесь, средняя. И вообще это не по моей части. Вот если бы вы, молодой человек, были военным, ну, там, скажем, офицером, и срочно отбывали к месту несения службы, тогда оно конечно. А иначе никак.

– А если мы вам письмо на министерском бланке принесем, что отбываем к месту повышения квалификации, тогда можно?

– Несите, – устало ответила дама. – Поглядим.

* * *

– Дорогой, нельзя так. Вернёмся из Москвы и распишемся. Может быть, и родители приехать смогут. Чего переживаешь.

– Ну как ты не понимаешь такую простую вещь? Мне уже тридцатник стукнул. Раз нет штампа в паспорте, значит, тебя поселят в женском общежитии, меня, соответственно, в мужском. Возраст, понимаешь ли, уже не тот, чтобы к своей даме по водосточной трубе и балконам добираться, от бдительных вахтёрш бегать.

– Я поняла, я всё поняла. Коварный ты тип. Жениться решил лишь затем, чтобы тебе, мужику, комфортно было. Двухспальная кровать в семейном общежитии гарантирована. А ты обо мне подумал? Может, твоей девушке романтики хочется? Может быть, я много лет мечтаю, чтобы ухажёр ко мне по водосточной трубе и балконам добирался или, на худой конец, серенады внизу, на тротуаре, пел?! – она повернулась и чмокнула меня. – Подготовь текст письма, я завтра напечатаю на фирменном бланке. Ну а на подпись к министру сам потопашь, раз тебе так хочется спокойной семейной жизни.

* * *

– Мельник! Я знал, что ты у нас самый нахальный сотрудник, но что до такой степени!.. – Матлабудин Раджапович снял огромные очки в роговой оправе. – Сколько я за этим столом работаю... – он постучал по столешнице из массива красного дерева, – но подобного письма подписывать не доводилось! Надо же! «Убедительно прошу расписать в связи с острой производственной необходимостью!»

Министр с минуту поколебался и поставил размашистую подпись в левом углу.

– На. Держи. Ещё вот что: сходи иними мне копию. Покажу друзьям на ближайшем совете министров. Пусть и они позабавятся.

Я радостно схватил бумагу и рванул к выходу.

– Стой. Куда помчался? – Он подошёл к сейфу. Достал пухлый конверт. – Возьми, это вам от меня подарок, так сказать. Свадебный. Совет вам да любовь. И с детишками там не тяните. Командировки, оно конечно, но семья – это святое.

* * *

Спустя два года я готовил справки для «Выездного дела». Меня направляли в Монгольскую Народную Республику для оказания интернациональной помощи соседнему братскому народу.

Собирал невероятное количество подписей и согласований.

Секретарь парторганизации министерства, начальник первого (секретного) отдела вертела в руках наше свидетельство о браке.

– Это ещё что такое? Оба не члены нашей коммунистической партии, да ещё и живут на разную фамилию!.. Сдаётся мне, что брак у вас не настоящий, а фиктивный. Проживаете вместе? Так, может быть, вы с этой женщиной спите в разных комнатах, я же не проверяла! Короче, ваше персональное дело я выношу на общее партийное собрание. И очень сомневаюсь, что вам лично и вашей, так сказать, жене будет доверено представлять нашу великую державу за рубежом. Убеждена, что в нашем министерстве найдутся более достойные люди, живущие под одной общей фамилией.

Я еле сдерживал себя, чтобы не вырвать у неё папку и не послать партийную даму по всем известному адресу.

– Идите, мельник, язык не поворачивается назвать товарищем. И хорошенько подумайте над своим поведением и моральным обликом. О времени и месте собрания я вас извещу. На сей счёт можете не сомневаться.

В нашей конторе слухи распространяются мгновенно. Даже если они исходят из первого (секретного) отдела. Понятное дело, услышала их и моя половинка. Не мудрствуя лукаво, супруга взяла да и переделала все документы. Рассталась со своей девичьей фамилией. А в это время секретарю нашей парторганизации позвонили из очень вышестоящей организации. Популярно объяснили, что командируют за границу прежде всего квалифицированного и опытного специалиста. Моральный облик которого, конечно, интересует соответствующие компетентные органы, но далеко не в первую очередь.

* * *

Через несколько дней блюстительница коммунистической морали ходила по этажам и срывала объявления о внеочередном партийном собрании. О выражении лица этой женщины и о разговорах за её спиной я вам, конечно, расскажу, но как-нибудь в другой раз.

К 40-ЛЕТИЮ КАТАСТРОФЫ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС

МЫ НОСИМ ИХ КАК ОРДЕНА

*«Жизнь героев обогатила историю,
а история украсила подвиги героев»*

Жан де Лабрайер

В основу повествования легли воспоминания ликвидатора ЧАЭС Мишкарёва Сергея Ивановича. Автор для достижения художественного замысла оставляет за собой право на творческую импровизацию.

И снова пришла боль. Нет, БОЛЬ! Внезапная, всепоглощающая, невыносимая. Волнами растеклась по телу, перехватила дыхание. Вместе с болью накатила тошнота и онемение. Мужчина схватился за голову, и ее вновь сдавило так, что в глазах потемнело, а на фоне непроглядной черноты заплясали злые алые всполохи. Он шагнул к скамье, стоящей в неглубокой нише у края асфальтовой дорожки, ноги не послушались, и левый ботинок соскользнул в изумрудную зелень газона. Черты лица мучительно исказились, губы раскрылись в немом крике. Он с трудом опустился на скамью, подтянул ногу, с ужасом взирая на обувь, где капли росы, как капли яда, оставили свой след. Вот он, настоящий ад! В глазах все еще мелькали светлячки, а в голове уже всплывали картины такого далекого и до сих пор не отпускающего прошлого.

– Да не отпускают меня, начальник не разрешит, – раздался голос из задних рядов.

– Не отпустит, сам поедет. Правительственное задание. С этим не шутите. За уклонение от военных сборов – до года лишения свободы. Статью еще никто не отменял. – Майор оглядел аудиторию. – Через неделю на сборном пункте. Все. Разойтись!

**Елена Николаевна
КАЗЫМОВА**

Окончила Курганский педагогический институт, факультет иностранных языков, и Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена, факультет коррекционной педагогики. Преподавала на кафедре управления образованием в Институте развития образования и социальных технологий, в Курганском государственном университете на кафедре психологии. В Департаменте образования Курганской области работала в управлении по надзору и контролю в сфере образования, курировала ЕГЭ. Автор более 70 научно-методических публикаций по коррекционной педагогике. Ветеран педагогического труда. Увлекается краеведением. Первое художественное произведение автора – «Око времени. Из рода Рыси» – написано в жанре исторической фантастики.

Член студии Кетовского литературного объединения «Тобол». В сентябре 2025 г. отрывок из книги «Око времени. Из рода Рыси» опубликован в журнале «Родник», в декабре 2025 г. детские рассказы – в журнале «Тобол». С 2023 г. – автор публикаций на электронных ресурсах «Литрес», с 2025 г. и на сайте Proza.ru.

*Мишкарев С. И., ликвидатор аварии
на Чернобыльской АЭС, 1987 г.*

*Мишкарев С. И., председатель
Курганской региональной
общественной организации
инвалидов «Союз «Чернобыль»,
2026 г.*

– Я тебя не отпускаю, – набылчился директор. – Конец учебного года. Май. Сессия. У тебя экзамены. Никуда ты не поедешь! Я договорюсь в военкомате.

И вот состав, выбивая колесами привычную чечетку, несет офицеров запаса, пока сугубо гражданских людей, в Златоуст для формирования воинского эшелона на Чернобыльскую АЭС. Кого-то сразу отправили, кто-то задержался, оттягивая неизбежное. Лейтенант же запаса Мишкарев, уже в военной форме, через трое суток прибыл по месту назначения на станцию Хойники.

Неподдельная радость встречающих! Это потом он узнал, как это – наконец-то дожидаться замены, когда не надо больше «сидеть на фоне».

Вновь прибывшим дали сутки на акклиматизацию.

Утром зашел в библиотеку. Сколько книг! Наивно решил, что найдет время для чтения. Большой кинозал прямо в здании. Искренне верил, что фильмов-то уж точно насмотрится на всю жизнь.

– В чем служба заключается? – спрашивали у «старичков».

– Ездим на станцию.

– А в выходные?

Сначала недоумение, потом – искренний смех:

– Какие выходные? Забудьте!

И в самом деле, выходных не было. К этому привыкли быстро. А вот по возвращении домой не всем удавалось убедить в этом кадровиков и бухгалтеров. В их сознании это не укладывалось.

По утрам с ребятами решили бегать, чтобы не расхолаживаться. «Старички» же быстро охладили их пыл:

– Вы с головой-то дружите? – и поучали новичков: – Радиация вокруг. Будете копытами пыль поднимать и дышать.

А пыли и без бега хватало. Вечером на построении многие кашляли, а во рту появлялся металлический привкус. Ожидаемо. Один лепесток² на день. Через 15

² Респиратор ШБ-1 «Лепесток» – одноразовое средство индивидуальной защиты, эффективно защищающее органы дыхания от насыщающих воздух аэрозолей и пыли.

минут он свою функцию выполнял. А на жаре, в пыли... О чем речь? Люди панически боялись внутренних кровотечений. Лейтенант объяснял, что это обманчивое ощущение. Излучение всего лишь повреждает вкусовые рецепторы и, взаимодействуя со слюной, создает во рту слабый электрический ток. Его мозг и принимает как металлический. Объяснял. Но не все верили. Ведь вкусовые рецепторы-то повреждает. Кого-то после первого же выезда на станцию косила температура под 40. Половина постоянно ощущала усталость и сонливость.

Когда вскоре после возвращения первый приступ сдавил голову болью и Сергей сидел в кабинете у невролога, то услышал то, что и так знал:

– Вы ведь физик, должны понимать, что и радиационное, и электромагнитное излучения влияют на человека. И зависит это от интенсивности, частоты и времени воздействия. Сколько Вы там находились? – врач полистал карточку. – Неполные два месяца, максимально допустимая доза. Что Вы хотите? – он помолчал. Молчал и Сергей. – Вот Вы жалуетесь на усталость, головные боли. Это естественно. Не удивляйтесь, скоро появится и аритмия, и давление. Да много еще чего может выскочить. – Врач вздохнул и, помолчав, продолжил:

– Вы должны понимать, что организм в такой стрессовой ситуации начнет компенсировать внешнее патогенное воздействие и станет потреблять собственную энергию.

Да, он понимал, еще там прекрасно понимал, но...

– Я выпишу таблетки, но особо на них не надейтесь. Через неделю положим в стационар на обследование. Там посмотрим.

«Больной с лучевой нагрузкой и поражением ЦНС», – прочитал Сергей на направлении.

Новая смена закрыла все офицерские должности. Правда, из 250 человек личного состава батальона только четверо были кадровыми военными, остальные из запаса. Как ни сопротивлялся новоприбывший лейтенант, его все равно назначили помощником начальника штаба батальона. Не убедили майора ни заявления о том, что он начальник связи, что срочную проходил радиотелеграфистом, что умел не только организовывать связь, но и на ключе работать. А вот с бумажками работать не умел.

– Вы ничего не напутали? – в очередной раз пытался достучаться до распределяющего Мишкарев.

Терпение у офицера кончилось, и он рыкнул:

– Помощником начальника штаба!

Ох и нелегкой оказалась эта должность. Кропотливая работа не просто с документами, а с документами, за которыми стояло здоровье людей.

В каждом пополнении находились те, кто упорно отказывался ехать на станцию. И... ничего им не было. Никакого наказания. Нельзя заставить. Однако приехал – служи. Такие и служили 6 месяцев. Слышал Сергей не раз от них уже на гражданке:

– Да я! От звонка до звонка!

Все верно. Чем дальше от моря, тем шире клеш. Командир батальона называл их «банщиками», «мусорщиками».

Много раз спрашивали после друзья: почему поехал, почему не отказался? И он каждый раз отвечал с уверенностью: «А как я в глаза детям смотреть буду?» А кто-то не стыдился совсем: «Живее буду, все равно кто-то вместо меня найдется».

И находились. Иначе как бы за 206 суток закрыли саркофагом четвертый блок, а за четыре с половиной года закончили работы по ликвидации последствий. А ведь он, учитель физики, многое понимал, многое знал про радиацию – и поехал. Тогда и мысли не было отказываться. Надо – значит надо.

22.00 – солдатам, сержантам отбой, а у офицеров совещание. Разбор полетов. Подготовка отчетов. После ПНШ³ готовил документы на завтра. Задача: не ставить в наряд для работ на станции приближающихся к максимально допустимой дозе в 10 рентген, учесть тех, кто болеет, лежит в госпитале. Кроме того, надо было кого-то направить в наряд по батальону, в наряд по полку, в гарнизонные караулы. Туда в основном и назначались «банщики» и «мусорщики». Приходилось иногда работать часов до двух-трех ночи. Но основной проблемой была не эта. В армии ведь главное – не звание, главное – должность. Он ПНШ – лейтенант, 27 лет, а рапорты сдают старшие лейтенанты, капитаны. В группах тоже некоторым солдатам, сержантам до 50, 55 лет. В 2 раза старше. Да и образование не военное, но приходилось командовать.

На одном из офицерских совещаний Сергей обратился к комбату с просьбой разрешить съездить на станцию.

– Без проблем, – вздохнул майор. – Вписывай себя в наряд, езжай, но твою работу никто не отменял. Все будут спать, а ты – готовить документы на следующий день.

Целых два дня отработал лейтенант на ОРУ 750⁴. Что интересно, никого из начальства в эти дни не видел, а на второй день вечером командир начал офицерское совещание:

– Лейтенант Мишкарёв, объявляю Вас дезертиром. На каком основании оставили место службы? Поедете на гауптвахту. – Попугал и добавил: – Больше без моего ведома – никуда!

Но через пару дней майор все-таки дал разрешение на работу в основной зоне.

И понеслось. Ночью подготовка документов, днем – станция, ночью ребята отдыхают, а лейтенант снова корпит над бумагами.

По распорядку: в 6.00 – подъем, 6.30 – завтрак, в 7.00 – развод, погрузка. Приходилось спать по 2 часа в сутки и иногда жертвовать завтраком. Просил дневального будить сразу на развод. Вскоре приехали новые люди, поставили другого ПНШ, и Сергей стал официально ездить на станцию старшим от батальона.

Группа из 200 человек разбивалась на более мелкие. Каждому командиру рот, взводов давали задание. Лейтенант же отвечал за весь состав и за состав своей группы, с которой шел на объект. Чуть не в первый же день пришлось работать еще и с рентгенметром. Парнишка, дозиметрист ДП5, запутался в измерениях. Чему-то учили – недоучили. Что хорошо в армии – там все написано, подписано, запутаться достаточно сложно. Поменялись ролями. Лейтенант измерял, рядовой записывал.

Наш мозг такая странная штука. Все помнит и внезапно выдергивает из памяти то, что хотел бы забыть, но не получается. Однажды Сергей Иванович, проезжая по Бурова-Петрова, бросил быстрый взгляд на высоковольтную, и нога рефлекторно чуть не вдавила педаль газа. Остановился у края тротуара, откинулся на спинку сиденья и прикрыл глаза.

³ ПНШ - помощник начальника штаба.

⁴ ОРУ 750 – Открытое Распределительное Устройство (ОРУ) на напряжение 750 кВ (киловольт), ключевой элемент высоковольтных подстанций, где аппаратура (выключатели, разъединители, трансформаторы) размещена на открытом воздухе для коммутации, защиты и распределения электроэнергии на сверхвысоких напряжениях, играющее важную роль в передаче больших объемов мощности.

Так получалось, что группу лейтенанта бросали в самые сложные места. Другие командиры просили взять людей, чтобы быстрее дозу накопили. Брал.

Попасть на станцию можно было только по железнодорожному мосту через Припять. Выходили из «чистых» машин, шли 750 метров по шпалам, на той стороне получали задание и разъезжались на работы уже на других машинах, «грязных». Работали и тем же путем обратно. Дожидались остальные группы и все вместе ехали в полк. Шаг по шпалам, шаг через две. Шаг по шпалам, шаг через две. Эти 750 метров часто снились после. А может, и не 750, но цифра стояла в памяти.

ОРУ 750. Задача – убрать зараженный грунт. Все такое огромное, опоры высоченные, фарфоровые чашки метров шесть в диаметре. Близко к опорам техника не подходила, замучаешься ремонтировать. Поэтому грунт лопатами грузили на носилки – и в сторону, в кучи, а там уже и техника работала. Расчищенную площадку затем засыпали щебнем. Правда, через некоторое время опять начинало светить – значит, снова убирать.

Задача лейтенанта – командовать, но он не стоял в сторонке и работал вместе с солдатами. Наряд длился всего 4 часа посменно. 30 минут работали, 30 минут отдыхали. Но как только заходили в комнату отдыха, тут же засыпали.

А на зеленую траву у Сергея еще долго оставалась сформировавшаяся за короткое время специфическая реакция. Если асфальт, то там чисто. Если трава растет – туда не суйся. А она, трава, живучая, зараза. Вот все засыпано песком, весь грунт заменен, значит, фон должен быть в норме, а вот поди ж ты: три былинки выросли, и стрелка на рентгенметре уже прыгает вверх как сумасшедшая.

После ОРУ 750 группу направили на азотно-кислотную станцию. Прямоугольник АКС⁵ примерно 5 на 4 метра окружен газоном двухметровой ширины. Его и надо убрать. Метров 5 от входа уже очищено. Где на полтора, где на два штыка вглубь. Главное, чтобы «не светило»⁶. Там уже надо было минут 20 работать, чтобы предельно допустимую дозу получить. Группа же наотрез отказалась идти. Там столько светит! И приказать лейтенант не мог:

– Конечно, здесь больше. Но на ОРУ вы 4 часа работали, а здесь всего 20 минут.

– Не пойдем.

– Дезертиры, значит? Не выполняете задачу?

– Ну и пусть дезертиры. Посидим до обеда – и на базу. Если мы не сделаем, нас все равно не накажут. Сам иди. Ты офицер. Ты за нас отвечаешь.

– Да, офицер. Офицер отвечает и за себя, и за вас. А вы, взрослые мужики, за себя ответить не можете. – Психанул, в общем.

– Вы двое, – указал на ближайших к себе рядовых, – за мной.

Парни неохотно поднялись и, оглядываясь на товарищей, все же направились за лейтенантом.

– Берите носилки, ставьте на чистое место. – Сам же начал быстро снимать лопатой дерн. Поработали 20 минут, молча отвел их в комнату отдыха, взял следующих.

Через некоторое время один сержант, косая сажень в плечах, не выдержал:

– Ты чего, лейтенант, нас меняешь, а сам? Постоянно один? Ты нам, чего, не доверяешь?

– Мне задача поставлена, надо выполнять, – Сергей спокойно пожал плечами и дал команду еще двоим брать носилки, а у самого аж скулы свело от злости.

⁵ АКС – азотно-кислотная станция.

⁶ Не светит – уровень радиации в пределах нормы.

– Погоди, – сержант поднялся и пошел третьим, – показывай, что убирать.
Лейтенант воткнул лопату в траву метрах в десяти от уже убранного грунта.
– Иди, мы сделаем.
Через два часа парень разбудил задремавшего начальника:
– Все. Готово.
– Отлично, – потянулся Сергей. – Группа, становись! Идем к машине.
– Веришь? И смотреть не будешь?
– Верю. Не буду. Ты же сказал, что сделали.
Верил. Верил лейтенант на слово. Только вот ...

Индивидуальные дозиметры носили в нагрудном кармане. После одного из выходов у всех 0,3, а у двоих 1 рентген. Лейтенант при проверке удивился и отправил отдыхать. Поначалу все молчали, а потом не выдержали. Обидно. Как оказалось, эти умники затолкали дозиметры в кучу щебня. С одной стороны, желание побыстрее свалить отсюда вполне понятно. С другой...

Пришлось этих двоих не включать в наряд на работы на станцию, а через пару дней они сами туда запросились.

Были и такие, кто считал, что им занижают дозу. Ведь фиксировали фон только за время работы, а что ехали, шли – не суммировалось. Понимая это, лейтенант сознательно завышал дозу. Однажды даже позволил двоим бузотерам присутствовать на записи показаний. Дежурный называл дозу облучения, например, 0,25, а он записывал 0,35. Предупредил, конечно, чтобы не болтали, иначе – должностное преступление, соответствующие меры.

Как-то с очередной сменой прибыл писарь Макшаков. После операции на бедре металлическая вставка⁷. Пошли к начальнику медицинской части 2-го батальона капитану Брагину.

– Тебя вообще не должны были сюда направлять! Какой ... это сделал?! Комиссуй!
– Не имею права, нет полномочий.
Тоже верил, потому что знал. Оставлял на станции охранять одежду.

Уже после возвращения друзья спрашивали: награждали кого-нибудь из ликвидаторов? И он вспоминал забавные в какой-то мере случаи.

На станции Толстый Лес экскаваторы разгружали с платформ асфальт, который потом увозили на ремонт дорог. Разгрузка шла медленно, много платформ приходится ремонтировать. Начальство дало задание лейтенанту разобраться. А чего тут разобраться? Гидравлический экскаватор все делает аккуратно, дает большую производительность, а два тросовых экскаватора бросают ковш с размаху, цепляют щебень вместе с досками. И производительность ниже, и платформу калечат. На следующий день после доклада лейтенанта тросовые экскаваторы заменили гидравлическими.

Этот пример приводил Сергей Иванович, учитель физики, своим студентам, будущим экскаваторщикам. Да, задание надо выполнить, но ведь и соображать надо. Хотя ... человеческий фактор никто не отменял.

⁷ Радиация при высоких дозах повышает прочность металлических протезов, в итоге делая их хрупкими, что может привести к разрушению. Для медицинских протезов из титана или нержавеющей стали кратковременное облучение (рентген) не опасно, однако длительное воздействие высоких доз (радиационные аварии) способно изменить структуру металла.

О производительности труда даже речи не заходило. Частая смена людей не позволяла выработать единые подходы к энергозатратам. Упор делался на количество получаемых людьми рентген. Приходилось на ходу подстраиваться под обстоятельства.

Эстакада. Галерея. Называли по-разному. Поднятый над землей бетонный желоб, по которому проходили трубопроводы от 3 и 4 блоков, в том числе на ХОЯТ – хранилище отработанного ядерного топлива. Высота двухэтажного дома. Лестница. Задача: дезактивировать. Обработка ничего не дала, пришлось убирать фольгу и минвату. Места мало, тесно. Работали по три человека 2 минуты. Инструмент: лопата, вилы, метла. Внизу КамАЗ. Лейтенант еще утром выяснил, что уровень радиации в комнате отдыха больше, чем на улице, на свежееуложенном асфальте. Натаскали на сапогах. Построил группу возле эстакады в колонну по трое, чтобы у одного или двух из тройки был дозиметр. Случалось, что не у всех он имелся. Первая тройка работает, вторая смотрит, куда поставили инвентарь, и быстро сменяет. У каждого свой инструмент. Отстреляться быстрее и свободны.

– Почему не в комнате отдыха? – подкатил УАЗ с большими звездами⁸.

Лейтенант пытался доказать, что уровень радиации в комнате отдыха выше, чем возле эстакады, но слушать не стали, как и комбат вечером на офицерском совещании. Пришлось писать объяснительную.

– Да вас не наказывать надо, а награждать, – хмыкнул майор. – Но правила нарушены. Завтра вместо станции едем со мной в штаб на разбор полетов.

Ехали вкруговую через автомобильный мост. 120 км. Июль. Жара. Это единственный раз, когда Сергей был в Чернобыле. К начальству не попал, но сапоги в Днепре помыл, когда остановились на обратном пути отдохнуть.

Как-то за одну поездку в штаб пришлось трижды встретиться с упоминанием войны.

Подходя к машине, увидел двух пацанов, разговаривающих с водителем. Спросил, что делают в опасной зоне, а они рассмеялись:

– Мы здесь еще до войны жили, это наша земля. Чего нам бояться?

– Войны? – Слово обожгло разум. – Какой войны?

– Так до взрыва.

– А радиации не боитесь?

– Бульбаши такая нация, не берет нас радиация!

И прозвучало это так естественно, так обыденно, что у лейтенанта сжалось сердце.

Для Сергея война – это Великая Отечественная, Афган, Чечня. Это смерть и кровь, горькие слезы и разлука, сожженные поля и пустые города. И в то же время война – это сплоченность и вера в победу. На обратном пути в голове то и дело всплывали кадры из фильмов «Они сражались за Родину», «Судьба человека», «А зори здесь тихие...» и фраза: «Не прошли».

Кто же он такой, русский солдат? Почему он сражается до последнего ценой собственной жизни?

Да потому, что он понимает, как тяжело терять близких, как бесценна эта человеческая жизнь.

Ради чего проявляет он смекалку, профессионализм и ... человечность?

⁸ Термином «большие звезды» в переносном смысле называют высших начальников, старших офицеров, чей статус подчеркивается крупными звездами на погонах.

Ради нее, Родины, ради товарищей, стоящих с ним плечом к плечу, ради любимых, ждущих своего солдата. Не думал русский солдат о наградах, о том, что не вернется или вернется калеккой. Он просто выполнял свой долг.

А ради чего он, лейтенант Мишкарев, и его товарищи ценой собственного здоровья борются с невидимой угрозой, кидая лопатами заражённый грунт?

Да ради того же чистого неба и чистой земли⁹. Ради здоровья всего человечества. Ради улыбок детей и счастья матерей, не важно, какой они национальности. Но важно то, чтобы каждое новое поколение помнило и гордилось своими героями.

Машина въехала на грунтовую дорогу, проходящую через заброшенную деревню. Взгляд зацепился за разбитое окно в одном из домов, из которого выбилась занавеска. И все бы ничего. Ну выбилась, и что? А нет, она трепетала на ветру, как белый флаг, как просьба о помощи. И тут же вспомнилась табличка на одном из покинутых зданий: «В июне 1942 года партизанский отряд особого назначения «Победители» под командованием полковника Дмитрия Николаевича Медведева был успешно десантирован в тыл врага. Несмотря на тяжелые бои в первые недели, отряд вел активную диверсионную деятельность».

– Ты служил? – почему-то спросил Сергей водителя.

– Служил. Афган прошел.

– Там, наверное, страшно? Здесь для тебя отдых?

– Не скажи, лейтенант. Там противника видишь и знаешь, что от него ожидать. От обстрела укрыться можно, а здесь... Здесь страшнее. От этого противника никуда не укроешься и не спрячешься.

Дальше ехали молча.

– Ну что, ребята, за что пьем?

– За то, что живы. Несмотря и вопреки. За то, что живы, мужики! – хохотнул Александр и тут же погрузился. Да, было радостно, что встретились, и грустно, что не все.

Молча выпили, закусили.

– А теперь – за очередную награду нашего друга, Сергея Ивановича Мишкарева¹⁰. – Савенков Александр высоко поднял бокал с соком. – На днях он получил вторую группу, как ликвидатор.

Все опять дружно выпили, а Сергей Иванович вздохнул:

– А я ведь там так и не прочитал ни одной книги, а фильм... фильм – да, посмотрел, один, и то не полностью. Вызвали.

– Это ты, конечно, промахнулся, – покачал головой товарищ, – служил бы ПНШ, как раз и было бы время, за шесть-то месяцев.

– Кто бы говорил! Сам-то за два месяца дозу набрал, тоже не в полку сидя!

– Это – да. А теперь мы носим группы инвалидности как ордена.

⁹ «Начинка» в 4-м блоке ЧАЭС – уран-235. Это долгоживущий изотоп с периодом полураспада около 700 миллионов лет. При распаде урана во время работы реактора образуется порядка 300 разных изотопов, среди них и радиоактивные. Радиоактивный йод-131 – период полураспада около 8 суток. Стронций-90 – почти 29 лет, цезий-137 – более 30 лет.

¹⁰ За мужество и героизм более 80 тыс. ликвидаторов последствий техногенной катастрофы на ЧАЭС были награждены высокими государственными наградами, 11 из них удостоены званий «Герой Советского Союза» и «Герой Российской Федерации». По оценкам «Чернобыльского союза», пострадало около 165 000 человек: 70 000 в России, 70 000 на Украине, 25 000 в Беларуси. В РФ инвалидами признаны десятки тысяч ликвидаторов, из них только 6 тысяч человек относятся к 1-й группе (на 2016 год). Около 10 тысяч человек погибли от воздействия радиации.

ХЛЕБНАЯ ИСТОРИЯ, ВОПЛОЩЁННАЯ В АКВАРЕЛИ

В III Международном фестивале акварельного творчества «Аквафест: хлебная история», организованном в Курганской области в августе 2025 года, приняли участие 17 профессиональных художников – из Китая, Белоруссии, 12 различных регионов России: Краснодарский край, Новосибирская область, Омская область, Пермский край, Смоленская область, Челябинская область, Ямало-Ненецкий автономный округ, Республика Карелия, Республика Татарстан, Курганская область, Луганская Народная Республика и Донецкая Народная Республика. Реализация проекта стала возможной благодаря гранту Президентского фонда культурных инициатив.

Среди обилия актуальных тем в изобразительном искусстве, охватывающих вечные проблемы и вопросы человеческого бытия, есть такие, которые оказываются, в силу определенных обстоятельств, особо важными на сегодняшний день.

Так, в центре внимания организаторов третьего Международного фестиваля акварельного творчества «Аквафест» оказалась тема, связанная с историей производства хлеба, которую и решено было предложить художникам для воплощения. Из этой идеи родилось название – «Аквафест: хлебная история». Это не случайно: во-первых, Курганская область в основе своей сельскохозяйственная, а во-вторых, наш край – родина знаменитого хлебороба Терентия Семеновича Мальцева, 130-летний юбилей которого отмечался в 2025 году.

А еще немаловажным явилось то, что тема хлеба и создание образа труженика села, достойно представленные ранее в советском искусстве, в настоящее время не снискали внимания мастеров кисти. И

**Ольга Витальевна
ЛУЦКО**

Родилась 22 ноября 1960 г. в Кургане. С 1982 г. работает в Курганском областном художественном музее. Искусствовед, художник-акварелист. Член Союза художников России, член Санкт-Петербургского общества акварелистов, член АИС (Международной ассоциации искусствоведов), член Ассоциации музеев регионов России. В 1980 г. окончила худграф Катайского педагогического училища. В 1988 г. – Уральский государственный университет имени А.М. Горького (искусствоведение). Автор публикаций по вопросам культуры и искусства в научных сборниках, каталогах, журналах.

поэтому нам захотелось воплотить проект, который будет способствовать новому повороту и интересу в творчестве художников к этой теме. Так и получилось – фестиваль стал своеобразным творческим призывом, который должен был и обратил внимание мастеров акварели и общества на возделывающего хлеб человека труда.

Очередной фестиваль «Аквафест» очень долго ждали и организаторы, и художники. Предыдущие два, прошедшие в 2017 и 2019 годах в Курганской области, оставили хороший след, закрепив многолетнюю традицию популяризации акварельного творчества в Зауралье.

Перед акварелистами стояла непростая задача – в течение двух недель создать произведения на заданную тему «хлебной истории» края. Не напрасно путешествие сформированной группы художников и творческая работа участников начались с шадринской земли, которую издавна называют хлебным краем, где и прошли основные события фестиваля.

Гостей нашей области мы не могли не познакомить с Домом-музеем Т. С. Мальцева на его родине, в селе Мальцево. Совершенно закономерно, что художники, вдохновившись историческими рассказами, фотографиями, артефактами дома-музея, захотели воплотить в своих листах легендарную личность знаменитого полевода, всю свою жизнь посвятившего труду на земле. Образ Т. С. Мальцева художники создавали, основываясь на своем воображении, подпитанном аутентичной атмосферой дома-музея, и воспользовавшись, конечно же, документальными свидетельствами – многочисленными прижизненными фотографиями известного полевода. Особые грани художественного образа Т. С. Мальцева нашли акварелист из Беларуси Михаил Нехайчик и уральский автор Роза Савинова, используя каждый свои стилистические и композиционные приемы. В коллекции Курганского областного художественного музея им. Г. А. Травникова есть произведения живописи, графики и скульптуры, посвященные образу Терентия Семеновича, созданные курганскими авторами в прошлые десятилетия. Благодаря фестивалю этот раздел коллекции обогатился новыми работами его участников, раскрывающими личность нашего знаменитого земляка.

Инициативные и целеустремленные люди нашего края, в том числе работающие в сельском хозяйстве, произвели большое впечатление на команду художников, приехавших из разных городов и весей Отечества, в том числе и из-за рубежа. Общение с настоящими тружениками, хозяевами земли, которые вызывают огромное уважение преданностью своей малой родине, подтолкнуло к созданию портретов этих замечательных людей. Благотворным оказалось сотрудничество во время фестиваля с агрофирмой «Клевер». Для художников представилась отличная возможность поработать с натуры: было сделано очень много набросков и портретных зарисовок в акварели и карандаше, которые впоследствии становились основой для создания большого акварельного листа. Художники смогли наблюдать за полевыми работами, общались с комбайнерами и трактористами. Более того, некоторым участникам фестиваля удалось «протестировать» место рядом с рабочим в кабине машины, и это позволило полнее и ярче ощутить атмосферу сельского трудового дня. В результате этого активного опыта появились акварельные портреты, выполненные Михаилом Лямкиным («Готовность», «Портрет Тырцева А.А.»), Михаилом Нехайчиком («Портрет водителя Суслова Е.М. и тракториста-машиниста Тимофеева С.Г.»), «Портрет главного агронома ООО «Клевер»», Розой Савиновой («Трудное решение», «Повелитель полей Григорий»), Екатериной Ганаженко («Агроном») и многие другие.

Не смогли художники обойти вниманием индустриальные мотивы. Огромное здание Шадринского элеватора, непростое по архитектуре, «нагруженное» всевозможными деталями, создающими строгий ритм линий и объемов, написали Сергей Марков, Наталья Кожевникова, Маргарита Асташова, Ольга Луцко, Василий Аникеев.

Маленькая пекарня в селе Ольховка Шадринского округа порадовала художников не меньше «представительного» элеватора. Сам процесс рождения хлеба, который с упоением и восторгом наблюдали участники группы, стал основой для сюжетов акварельных листов. Все этапы – от подготовки теста до выпечки хлебобулочных изделий – нашли отражение в листах многих авторов: Василия Аникеева («В пекарне», «Хлебная мадонна»), Лимы Букиной («Хлебопекарня ООО «Ольховка». Тесто подошло»), Юлии Коросовой («Смена. Пекарня в Ольховке»), Ольги Луцко («Пекарня в Ольховке», «Хлеб с любовью. Утром будет свежая выпечка»), Екатерины Ганаженко («Скоро будет хлеб»), Розы Савиновой («Ночная смена»).

Как в прошлом крестьяне в русской деревне пекли хлеб, художники увидели воочию благодаря познавательной интерактивной программе в музее «Русская изба», находящемся в селе Тагильском Каргапольского округа. Перед художниками разворачивалось визуальное действо, погружающее в народные традиции, в том числе хлебопекарные. Этот процесс появления сначала муки из зерна с помощью жерновов, затем хлеба – из муки продемонстрировали художникам в атмосфере старинного деревенского быта русской избы. В роли хлебопека выступил священник отец Александр, личность которого покорила художников своим обаянием, непосредственностью и трудолюбием. Впечатление было огромным, и сюжеты приготовления хлеба в русской печи нашли отражение во многих произведениях: «Из печи» Е. Ганаженко, «Как рождается хлеб» М. Лямкина, «Приготовление хлеба» С. Маркова, «Создатель» Ю. Романовой, «Русская народная хлебная мастерская» и «Аромат хлеба» Хао Шоумина.

Организаторам хотелось шире познакомить гостей области с духовной культурой региона и народными традициями и обычаями. Именно поэтому была запланирована поездка в Успенский Далматовский мужской монастырь, в котором по давней традиции пекли хлеб и в праздничные дни раздавали прихожанам, о чем поведали насельники монастыря. В программу фестиваля была включена и добавила эмоций и знаний о хлебосольных традициях встреча в Центре русской народной культуры «Лад» города Шадринска. Эти новые сюжеты, с иным поворотом темы, увлекли Екатерину Ганаженко, написавшую «Монастырский праздник», и Юлию Романову, изобразившую традиционный момент застолья с самоваром и сушками в листе «Чаепитие».

Множество визуальных впечатлений позволили художникам создать как ландшафтные виды конкретных мест, написанных с натуры, так и обобщенные образы, раскрывающие тему. Это и панорамные пейзажи с работающими на них комбайнами, тракторами, машинами, и произведения, соединяющие жанры натюрморта и пейзажа: «Труженик. ЗИЛ 130» Натальи Роот, «Уборка зерновых» Сергея Маркова, «Дождливый день» Юрия Ошева, «В полях» Ольги Луцко, «Земля под парами. По дороге в Ольховку», «Хлеб – всему голова», триптих «Хлеб – всему голова», «Хлеб на стол, и стол – престол» Юлии Коросовой, «Домашний хлеб» Маргариты Асташовой и другие. Напряженные месяцы страды в своих листах, насыщенных

и многонаселенных людьми и животными, отразил Виктор Белокрылов: «Выезд в загонку», «Механизаторы», «Фермерский полдень», «Новый урожай».

Ассоциации, возникшие у художников, превратились в образы и сюжеты из исторического прошлого нашей страны. В этих акварелях отразились и наши общие ретроспективные представления о жизни Отечества, и личные семейные хроники. В листе «Далекое-близкое» Василия Анисеева, практически монохромном, – сюжет доставки мешков с зерном на телегах; в акварелях «Красные пшеничные поля», «Пора идти» Натальи Кожевниковой – семейная история о времени раскулачивания; в работах «Жаркий день», «Вечер», «Сбор урожая» Татьяны Алферовой и «Страда деревенская» Натальи Роот – сюжеты жатвы, покоса и возвращения работников с поля домой.

Не обошли художники стороной и жанр натюрморта, который стал символом гостеприимства щедрого края. Писали с удовольствием, испытывая визуальное наслаждение свежей, колоритной и разнообразной выпечкой: от небольшого кирпичика черного хлеба до разнообразных и изысканных по форме изделий из белой муки – каравай, булочек, плюшек, каралек, сушек и бубликов.

Хлебная история нашего края как часть отечественной истории оказалась воплощенной в листах талантливых акварелистов страны и зарубежья благодаря проекту. Международный фестиваль акварельного творчества «Аквафест: хлебная история» стал источником вдохновения для его участников, обозначив новые темы в их творчестве.

P.S. Работы двух участников – Юлии Коросовой и Ольги Луцко, выполненные во время «Аквафеста», экспонировались в конце прошлого года на выставке «Искусство труда» в рамках российского фестиваля «Время, вперед!» в Москве.

Букина Л.Р.
В каждом доме пекут хлеб

Ошев Ю.А.
Натюрморт в красном

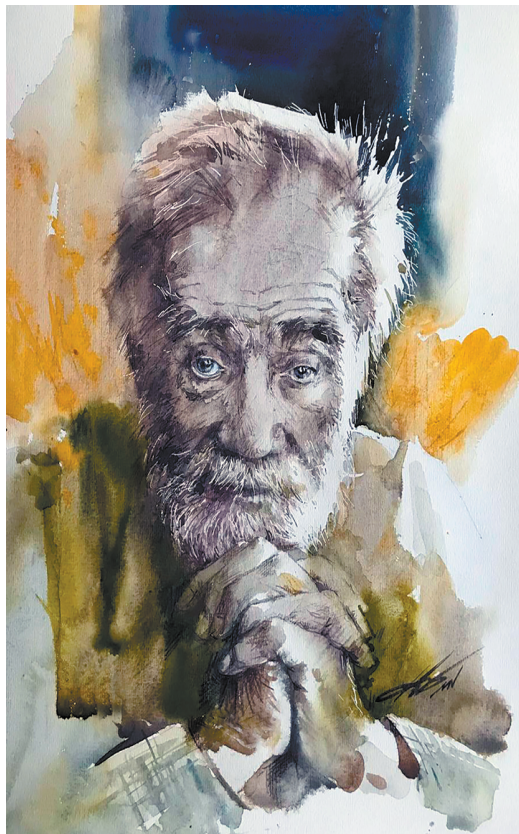

Роот Н.В. Трудженик ЗИЛ 130

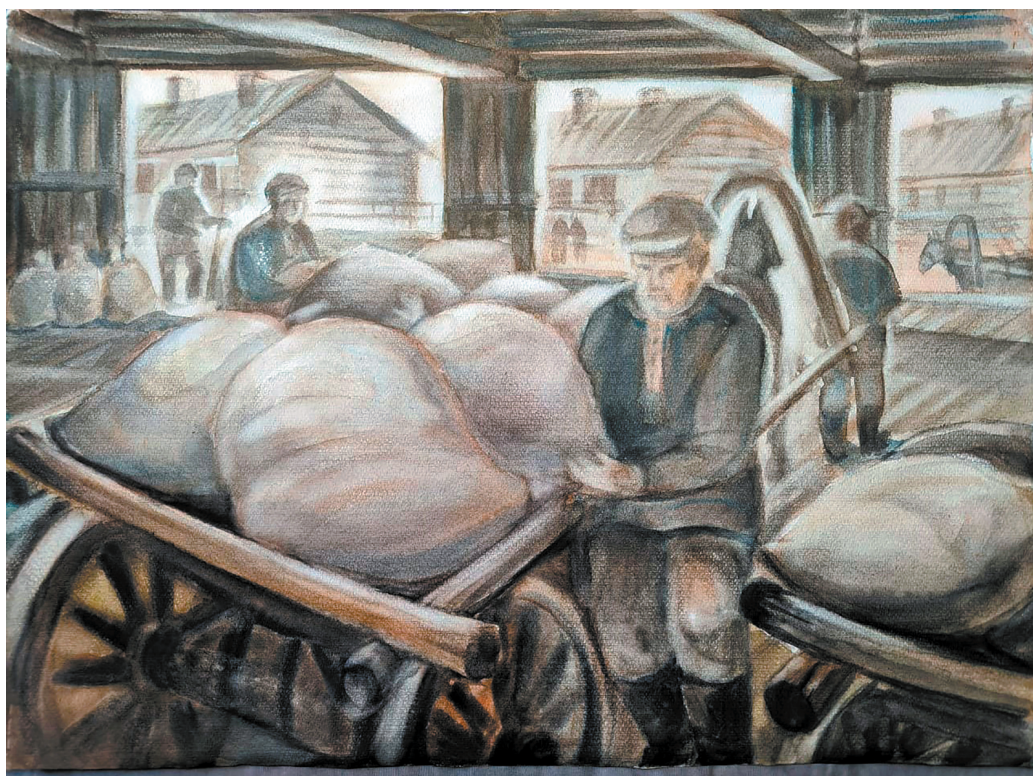
Алферова Т.В. Жаркий день

*Нехайчик М.П.
Портрет Т.С. Мальцева*

*Аникеев В.Е.
Далекое близкое*

Луцко О.В.
Утром будет свежая выпечка

Хао Шоумин.
Русская народная хлебная
мастерская

Лямкин М.П. Готовность

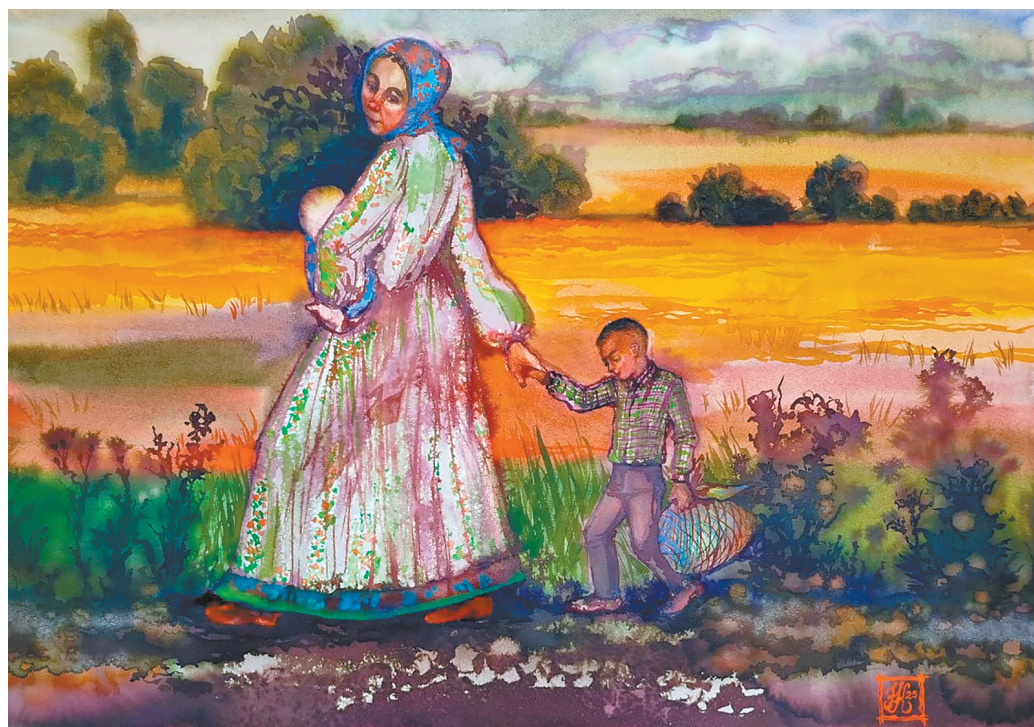
Савинова Р.Ф. Труженик полей Григорий

*Асташова М.С.
Домашний хлеб*

*Кожевникова Н.И.
Красные пшеничные поля*

Романова Ю.Л.
Создатель

Марков С. М.
Техника к уборке готова

Белокрылов В.Н. Элеватор

Ганаженко Е.Ю. Агроном

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

«СУДЬБЫ СПЛЕТЕНЬЕ»

ОБ УНИКАЛЬНОСТИ ТВОРЧЕСКОЙ СУДЬБЫ И РОЛИ В. Ф. ИЛЮШИНА В СТАНОВЛЕНИИ ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОГО ИСКУССТВА В КУРГАНЕ

Чем дальше от нас по времени жизнь и творчество известных деятелей культуры, тем глубже начинаешь понимать значимость и уникальность этих людей, снова и снова удивляться судьбоносным встречам и событиям в их биографиях. Если обратиться к личности Валериана Федоровича Илюшина, первого профессионального художника Кургана (1888–1979), то это утверждение окажется абсолютно справедливым. Подумать только, если бы сын Валериана Федоровича не попал после ранения на фронте в Курганский эвакуационный госпиталь, то его отец, заслуженный педагог и деятель искусств Аджарской АССР, никогда не приехал бы в Курган. Именно Николай Валерианович уговорил отца перебраться на жительство в наш город сразу после войны и начать обучать подростков и молодежь изобразительному искусству. Если бы этого не случилось, то еще неизвестно, когда и как начала бы развиваться полноценная художественная жизнь в Кургане.

Итак, с 1945 по 1979 год В.Ф. Илюшин жил и работал в Кургане, став родоначальником профессионального художественного образования и искусства в Зауралье. Педагог от бога, Валериан Федорович во многом унаследовал методы обучения и воспитания будущих художников от своего первого и любимого учителя – Константина Аполлоновича Савицкого. Известный художник-передвижник, друг И.И. Шишкина, академик и первый директор Пензенского художественного училища, К.А. Савицкий, можно сказать, заменил отца сироте Валериану Илюшину, оказавшемуся

**Светлана Ивановна
КУЛАКОВА**

Родилась 23 июля 1964 г. в Кургане. Искусствовед, специалист отдела изобразительного искусства Курганского областного художественного музея им. Г. А. Травникова. Член Союза художников России. Член Ассоциации искусствоведов России. Член редакционной коллегии литературно-художественных журналов «Тобол» и «Курган. Текст».

с младенчества на попечении родственников. Увидев сходство своего сиротского детства с судьбой самого юного студента училища, Савицкий ввел подростка Илюшина в свою семью, а его сын Георгий из просто сокурсника стал Валериану близким и верным другом.

Забегая вперед, хочется провести параллель между ролью К.А. Савицкого в жизни юного Илюшина и ролью самого Валериана Федоровича в судьбе своих первых учеников в послевоенном Кургане. Илюшин

Миронов А.М. Мужской портрет. 1929 г.

тоже заменил в каком-то смысле погибших на фронте отцов своим воспитанникам в студии. Он трогательно опекал их, делился теплыми вещами, подкармливал, чтобы они не падали в голодные обмороки на занятиях, дарил кисти и краски, покупка которых для многих была нереальной в те трудные послевоенные годы. А еще брал на свое имя оформительские заказы для выполнения наиболее умелыми студийцами, чтобы поддержать их материально. Неслучайно первые ученики В.Ф. Илюшина Иван Лохматов и Борис Колбин, уже взрослые профессиональные художники, называли его отцом.

«Твой отец – фанатик!» – не раз выговаривала Николаю Валериановичу его жена, ведь за неимением свободного помещения в Доме народного творчества, при котором числилась изостудия Илюшина, его занятия в три смены проводились на съемной квартире сына, где первое время после приезда в Курган проживала семья самого Валериана Федоровича. (1) Так же фанатично Илюшин относился к своей преподавательской деятельности и в более ранний, батумский, период (1907–1942).

Для него это было не просто любимое дело и важная часть профессии художника. Это была миссия, и осознание её стало причиной отказа переехать из Батуми в Москву и стать членом Студии военных художников им. М.Б. Грекова. Именно такое заманчивое предложение получил Илюшин от своего друга Георгия Константиновича Савицкого, ставшего в середине 1930-х годов членом художественного совета при этом знаменитом обществе. В 1938 году В.Ф. Илюшин был приглашен на должность завуча в Московское художественное училище Памяти 1905 года. Преподавал там всего один учебный год и вернулся в Батуми к своим любимым ученикам. Для Валериана Федоровича важнее и почетнее было стоять у истоков профессионального искусства в Автономной Республике Аджария. Эту же миссию он вдохновенно выполнял и в Кургане. Какое поразительно верное служение своему предназначению видится в этих поступках и убеждениях В.Ф. Илюшина!

Большая часть творческого наследия В.Ф. Илюшина еще при его жизни стала частью собрания Аджарского республиканского музея искусств. Многие были утрачены в годы Великой Отечественной войны, т.к. Илюшины продали дом в Батуми, где располагалась мастерская Валериана Федоровича, чтобы ехать в далекий Самарканд спасать больную дочь, эвакуированную из блокадного Ленинграда вместе со студентами Академии художеств. Что-то было передано на хранение друзьям и знакомым в Батуми, часть произведений перекочевала вместе с автором в Самарканд, а оттуда – в Курган. Живя уже в Кургане, Илюшин постоянно навещал

в Батуми своих друзей и учеников, писал аджарские пейзажи, выполнял этнографические портреты и картины по заказу местных краеведческих музеев, участвовал в батумских выставках и даже удостоился высокого звания заслуженного художника Аджарской АССР. Постепенно он перевез в Курган значительное количество своих произведений батумского периода. В преклонном возрасте В.Ф. Илюшин, понимая чрезвычайную важность своего творчества для художников и жителей нашего города, написал завещание, где благословлял почти все свои картины и рисунки будущей картинной галерее в Кургане.(2)

В столице Аджарии Батуми В.Ф. Илюшин прожил 35 лет, воспитал не одно поколение местных художников, состоялся как живописец и обзавелся верными и талантливыми друзьями среди коллег. По старой доброй традиции художники обменивались творческими подарками: рисунками, этюдами и законченными произведениями. Постепенно в коллекции В.Ф. Илюшина собралось немало интересных и достойных работ, часть из которых после его смерти в 1979 году оказались в собрании Курганского областного краеведческого музея, а после открытия в 1982 году областного художественного музея были переданы в его фонды вместе с обширным творческим наследием (более 150 ед.хр.) самого В.Ф. Илюшина.

Эти произведения не только представляют художественную ценность, они являются частью биографии своих авторов, волею судьбы оказавшихся связанными с жизнью, педагогической деятельностью и творчеством В.Ф. Илюшина. Собственностью музея стал также богатый личный архив художника, насчитывающий почти 1300 единиц хранения: фотографии, письма, рукописи, газетные статьи и различные документы. Систематизация и изучение этого архива позволили атрибутировать ряд произведений как самого Илюшина, так и его друзей, а также узнать историю их создания и расширить представление о жизни и творчестве их авторов.

Илюшин В.Ф. ведет занятие со студийцами в своей квартире

Кротков В.А. На могиле сына. 1915 г.

училище, и его первым наставником стал тот самый Александр Михайлович Миронов (1874–1948), преподаватель подготовительного класса. Большая разница в возрасте (14 лет) не помешала их дружбе на всю жизнь. Уехавший после окончания училища на Кавказ в Батуми из-за начинающейся чахотки, Валериан Илюшин поддерживал связь со своим старшим товарищем. Сделав успешную педагогическую карьеру от преподавателя рисунка в батумских гимназиях до директора Батумского художественного училища, Илюшин пригласил в середине 1920-х годов А.М. Миронова и его жену в Батуми преподавать в училище. На архивных фото можно видеть давних друзей вместе на отчетных выставках студентов и групповых снимках коллег-преподавателей училища (3).

Но вернемся к «Мужскому портрету» А.М. Миронова. Архивные изыскания позволили атрибутировать его как портрет В.П. Гинкина – общего с Илюшиным товарища Миронова. (4) Интересно сравнить два портрета этого человека, написанных А.М. Мироновым и В.Ф. Илюшиным с разницей в пять лет. Валериан Федорович запечатлел друга в профиль, в сложном эмоциональном состоянии. Перед нами немолодой мужчина с пышными густыми волосами и длинным заостренным носом. Свет выхватывает из темноты его лицо, белый воротник рубашки, выявляет синий цвет джемпера. Образ наполнен драматизмом в связи с роковыми обстоятельствами в судьбе модели портрета. «...Другу юности Владимиру Петровичу Гинкину, оказавшемуся на фронте в 1914 году, крайне не повезло. Из окопов он вернулся живым, но навсегда потерял голос. Гинкин знал, что никогда не станет оперным певцом, о чем мечтал в юности...», – читаем мы в небольшом издании, посвященном В.Ф. Илюшину. (5)

Совершенно в других тонах образ В.П. Гинкина решен в портрете А.М. Миронова. Оптимист по жизни, Александр Михайлович представил друга полулежащим в свободной, артистичной позе, улыбающимся, с живым, слегка лукавым выражением темных глаз, в красивой белоснежной рубашке с широкими присборенными рукавами. Портрет очень выразителен и навевает ассоциации с портретами в русской живописи начала XX века.

В 1929 году А.М. Миронов подарит В.Ф. Илюшину свой фотопортрет с надписью на обороте: «Добрейшему и дорогом Валериану, объединителю всех художников, хорошему «бурдюку», на добрую память от «бурдюка» А. Миронова» (6). Эта надпись точно и ярко характеризует дружеские отношения и натуры двух художников. А.М. Миронов был самым близким другом В.Ф. Илюшина. Неслучайно Валериан Федорович

Так, «Мужской портрет» 1929 года кисти Александра Михайловича Миронова, возможно, единственное ныне известное произведение художника, свидетельствует о недюжинном таланте живописца, одного из первых выпускников Пензенского художественного училища в 1902 году, ученика Константина Аполлоновича Савицкого. В том же 1902 году четырнадцатилетний подросток Валериан Илюшин был принят в

очень тяжело пережил известие о его смерти в 1948 году. После умерших дочери (в 1943 году) и жены (в 1946 году) это была третья глубоко личная утрата в жизни художника. Спустя двадцать лет после ухода А.М. Миронова Илюшин выполнит в пастели его портрет, выполнит с любовью и ностальгией по лучшим годам, проведенным вместе с прекрасным человеком и талантливым живописцем.

С художником и композитором Грация Арутюновичем Сеченьяном (1897–1979) судьба свела В.Ф. Илюшина в Батуми, где они вместе преподавали. Сеченьян стал первым профессиональным художником Аджарии, впоследствии удостоенным высокого звания «Заслуженный художник Аджарской АССР». В музейном архиве есть несколько фотографий, где Грация запечатлен вместе с Илюшиным (7), а также письма Илюшину в Курган, в которых Сеченьян подробно описывает свои творческие замыслы. (8) Их дружба длилась до самой смерти: оба умерли в 1979 году.

В фондах музея хранится карандашный портрет А.И. Поповой, выполненный Г.А. Сеченьяном в 1942 году. Много лет о личности изображенной на нем пожилой женщины ничего не было известно. Архивные поиски позволили заполнить эту лакуну. На портрете оказалась запечатлена родная сестра супруги Илюшина Екатерины Ивановны – Анна Ивановна Попова. Она жила в Батуми и в Самарканд в 1942 году поехала вместе с семьей сестры. Там первое время на ее маленькую зарплату медика и жили Илюшины, пока приехавший в Самарканд с инспекцией эвакуированных художественных вузов И.Э. Грабарь, давно знавший Валериана Федоровича, не устроил его на работу завучем в Самаркандское художественное училище. Анна Ивановна вместе с Илюшиными приехала и в Курган в 1945 году. Об этом свидетельствует карандашный этюд «Портрет Поповой А.И.», нарисованный Валерианом Федоровичем в 1946 году, а также письма и открытки от первых студийцев В.Ф. Илюшина, где они передают приветы и поклоны «дорогой Анне Ивановне». (9) Неизвестно, сколько лет прожила на свете А.И. Попова, пережившая свою сестру Екатерину Ивановну. Однозначно только, что ее присутствие рядом с В.Ф. Илюшиным скрашивало его тяжелые переживания из-за потери любимой жены.

В 1925 году Илюшин и Сеченьян портретировали художника Петра Николаевича Староносова, в середине 1920-х годов жившего в Батуми. Оба портрета выполнены сангиной. Сеченьян представил свою модель, выбрав необычный, довольно сложный ракурс головы. При этом его портрет оказался более похожим на оригинал.

Петр Староносов (1893–1942) – интереснейшая творческая личность. Не получив профессионального художественного образования, П.Н. Староносов добился признания среди мастеров отечественного изобразительного искусства благодаря несомненному

Староносов П.Н. Базар в Батуми. 1924 г.

Штенберг И.В. В гареме – евнух. 1920 г.

Друзья в гостях у Илюшина В.Ф., Батуми

природному таланту рисовальщика. Освоив в начале 1920-х годов технику ксилографии (гравюра на дереве) и линогравюры (гравюра на линолеуме), он уделил много времени и сил развитию линогравюры и ее распространению, в том числе в области книжной графики, где также заметно преуспел. Поразительно, как Петр Николаевич с покалеченной ногой (во время Первой мировой войны он был ранен, и ему

ампутировали полступни) путешествовал пешком (!) по Сибири; дошел до Енисея. Вечный странник и скиталец по зову сердца, он жил некоторое время на Урале, затем в Сибири в Красноярске, а потом судьба забросила его на Кавказ.

В Батуми Петр Староносков познакомился с Илюшиным и его друзьями-художниками. Вместе с Валерианом Федоровичем Петр Староносков и его жена, актриса Евгения Ивановна, путешествовали по горным селениям Аджарии. Художники писали пейзажные этюды, их интересовали жизнь и быт горцев. По строгим местным законам горянки не могли позировать для портретов. И тогда в их ярких национальных нарядах позировала жена Староноскова. В архиве музея хранятся фотоснимки, где Петр Николаевич и Евгения Ивановна запечатлены в мастерской Илюшина рядом с Грацией Сеченьяном и Екатериной Ивановной Илюшиной. (10) Во время одной из таких дружеских встреч Сеченьян и Илюшин изобразили Петра Староноскова в своих рисунках-портретах.

Прожив всего несколько лет в Батуми, Петр Николаевич обрел в лице Илюшина друга на всю свою жизнь. Неслучайно на одной из своих работ, подаренных Валериану Федоровичу, Староносков сделал такую надпись: «Первому и единственному другу Валериану Федоровичу. Петр Староносков» (11). Подаренная работа – это жанровая композиция «Базар в Батуми», выполненная в 1924 году гуашью и темперой. Перед нами живая картинка, можно сказать, восточного базара с его яркими красками и колоритными персонажами в национальных одеяниях. Особенно выразительно написаны мощные волны, везущие характерную для Кавказа повозку-арбу. Удачно переданы национальные черты в лицах персонажей. Работа демонстрирует абсолютно профессиональные качества Староноскова-графика.

Еще пять произведений этого автора в собрании музея выполнены в технике ксилографии в первой половине 1920-х годов. Лишь одно из них связано с пребыванием Староноскова в Батуми. Это «Аджарка на лошади». Есть в этом листе художника одна любопытная деталь: сидящая на лошади закутанная в покрывало женщина-аджарка держит над собой белый зонтик, по всей вероятности спасаясь от лучей палящего южного солнца. Этот изобразительный мотив художник сам наблюдал в Аджарии. Батум, портовый и курортный город, был наполнен множеством европейских и восточных товаров на любой вкус. Среди них особой популярностью пользовались китайские зонтики от солнца. Видимо, такой зонтик приобрел для своей жены или дочери на выданье и аджарец, ведущий лошадь под уздцы, на гравюре Петра Староноскова.

Остальные четыре гравюры выполнены по сибирским мотивам: «В тайге», «Сибирский чум», «Сибирский пейзаж» и «Танец шамана». Они свидетельствуют о хорошем знании автором этнографии коренных сибирских народов. Пейзажи выполнены с изрядной долей наблюдательности художника за жизнью природы, сибирской тайги. Жанровые сцены очень динамичны и экспрессивны, наполнены романтическими контрастами света и тьмы, интригующими деталями и сюжетными мотивами.

Пахомов Д.А. Вид на Алазанскую долину из Телави. 1900 г.

В 1926 году Пётр Николаевич Староносов возвращается из Батуми на родину, в Москву, и успешно работает в области книжной графики. В.Ф. Илюшин часто гостил у друга в Москве. П.Н. Староносков скончался в 1942 году. В его биографии 1930-х годов есть определенная противоречивость. Одни источники утверждают, что в начале Великой Отечественной войны Староносков был на фронте в качестве военного художника (12). Из других следует, что в середине 1930-х он был репрессирован и сослан в Казахстан. Однако срок был небольшим, и художник вернулся в Москву, но очень скоро, в 1942 году, умер (13). Неизвестно, сразу или спустя какое-то время Валериан Федорович узнал о смерти своего друга Петра Староносова, не дожившего до 50 лет, но, несомненно, это стало для него большим ударом.

Весьма важную роль в художнической судьбе В.Ф. Илюшина сыграл Дмитрий Александрович Пахомов (1872–1924), выпускник Императорской Академии художеств в Петербурге, больше известный как историк искусства и писатель, автор научно-фантастической повести «Первый художник. Повесть из времен каменного века» (1907г.).

С конца XIX века Д.А. Пахомов жил на Кавказе. В 1897 году он устроил свою первую в Батуми персональную выставку. А в 1912 году жители Батуми увидели совместную выставку Д.А. Пахомова и В.Ф. Илюшина. Она стала возможной после знакомства Пахомова с живописью и акварельными работами Илюшина, привезенными из поездки по Италии в 1911 году. Дмитрий Александрович сам предложил молодому коллеге устроить совместную выставку. Она прошла с большим успехом. В 1914 году совместная выставка Пахомова и Илюшина экспонировалась в Пятигорске. В результате Валериана Илюшина стали приглашать с выставками в Тифлис.

В 1917 году Д.А. Пахомов стал основателем и первым председателем Общества деятелей искусства (ОДИ) в Батуми. Он сыграл основную роль в создании в 1922–1923 годах Батумского художественного училища. О дружбе двух художников-педагогов свидетельствуют и подаренные Илюшину живописные пейзажи и этюды Пахомова, а также пара карандашных рисунков («Дерево. Ревель» (1894) и «Гипсовая скульптура» (1896).

«Вид на Алазанскую долину из Телави» (1900) – скромный по размерам, но мастерски написанный панорамный кавказский пейзаж, передающий красоту горного ландшафта и долины с высоты птичьего полета в утреннем освещении. Четыре небольших живописных этюда запечатлели виды, открывающиеся взгляду путешественников по реке Днестр: «Вход в скит по реке Днестру» (1902); «Мостик. Этюд» (1901); «Река Днестр» (1902);

*Илюшин В.Ф. и Миронов А.М.
в Батумском художественном училище*

«По реке Днестру. Монастырь. Этюд» (1910).

В 1924 году после кончины Д.А. Пахомова директором народной студии-училища стал В.Ф. Илюшин, который преподавал там по приглашению Пахомова сразу после ее открытия.

На педагогическом поприще судьба свела В.Ф. Илюшина с В.А. Кротковым. Кротков Василий Анфимович (1880–1939), русский график и живописец, родом с Рязанщины. Окончил

Московское училище живописи, ваяния и зодчества, а также Строгановское училище в Москве. Известен как преподаватель и художник, работавший в период до революции и в ранние советские годы в Грузии: сначала в Кутаиси, затем в Тбилиси, где и скончался в 1939 году. Василий Кротков преподавал с 1905 года в Кутаиси в городской гимназии и реальном училище, а затем переехал в Тифлис (Тбилиси). В 1909 году он, как и В.А. Илюшин, участвовал в выставке художников-педагогов Кавказского учебного округа в Тбилиси, а в 1922 году они оба были участниками батумской выставки местных художников, художников Тбилиси и других городов.

И В. Кротков, и В. Илюшин отличались большой общественной активностью, были неутомимыми организаторами художественной жизни. В 1924 году в Батуми из Москвы приезжает живописец Борис Иогансон с заданием от Ассоциации художников революционной России организовать ее филиал в столице советской Аджарии Батуми. Познакомившись с Илюшиным, Иогансон поручил это ответственное дело своему молодому коллеге, который с честью справился с ним. А в 1929 году в Тбилиси было основано общество «Ассоциация художников революции (РЕВМАС)», одним из учредителей которого стал Василий Кротков. Деятельность обоих художников была по достоинству оценена государством. В 1934 году В.Ф. Илюшину было присвоено звание «Заслуженный педагог Аджарской АССР», а в 1941 году – «Заслуженный деятель искусств Аджарской АССР». В.А. Кротков был удостоен звания «Заслуженный художник Грузинской ССР».

Среди известных работ В.А. Кроткова – картины, рассказывающие о жизни в Тбилиси, выразительные сцены народного быта, портреты грузинских деятелей культуры и партийных вождей.

В коллекции В.Ф. Илюшина оказались четыре карандашные рисунка В.А. Кроткова, запечатлевшие в 1919 году портретные черты учеников Василия Анфимовича, а также композиция 1915 года в технике пастели «Старики-родители на могиле сына». Название работы ассоциируется с одноименной картиной В.Г. Перова 1870 года, ставшей откликом на издание романа Тургенева «Отцы и дети». В 1915 году состоялось его очередное издание. Возможно, драматичный финал романа вызвал желание В.А. Кроткова запечатлеть его в зримых образах. И все же более очевидна другая причина обращения художника к теме оплакивания сына родителями. Это события продолжавшейся Первой мировой войны. В 1915 году Грузия была частью Российской империи и вела кровопролитные бои на Кавказском фронте против Османской империи, в которых

участвовали как русские регулярные войска, так и грузинские формирования.

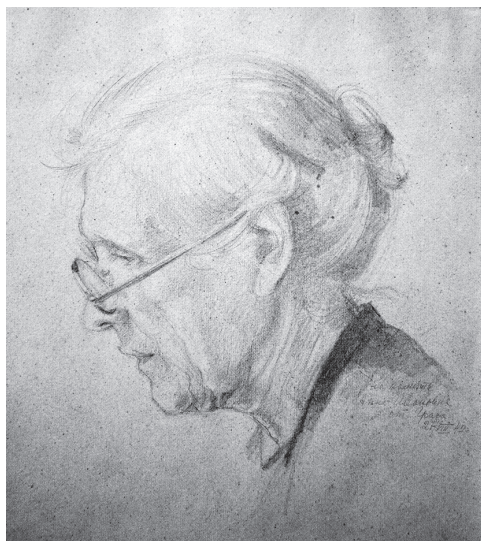
Поэтому в работе Василия Кроткова печальная сцена разворачивается на фоне островерхих Кавказских гор. Вдвинулась кладбищенская земля, торчат доски покосившегося забора, и накренились надгробия. Осенний ветер лохматит седые волосы старца-отца, опирающегося на палку, траурный черный платок покрывает голову и плечи старой матери, стоящей на коленях перед могилой сына. Колорит построен на контрасте теплых оранжевых и холодных синих оттенков.

Еще один русский художник, по рождению и волею судьбы связавший свою жизнь с Грузией, – заслуженный деятель искусств Грузинской ССР, сценограф, иллюстратор и график Ирина Валериановна Штенберг (1905–1985). Из коллекции В.Ф. Илюшина в собрании музея оказался ее ранний рисунок пером 1920 года «В гареме – евнух». В то время Ирина Штенберг обучалась в Тифлисе в школе живописи и скульптуры при Кавказском обществе поощрения изящных искусств, а с 1923 года – в Тбилисской Академии художеств. Среди ее педагогов Евгений Лансере и Борис Фогель. «Все меня хвалили, отмечая, что их удивляет моя фантазия и врожденное мастерство создания рисунка», – вспоминала И. Штенберг. (14)

В ту же пору она увлечена творчеством художников «Мира искусства», дружит с известным литератором и переводчиком Владимиром Эльснером, приехавшим в 1913 году в Тифлис из Санкт-Петербурга. Этот удивительно харизматичный человек был страстным поклонником символистов, близко знал участников «Мира искусства». Он первый перевел на русский язык «Пьяный корабль» А. Рембо, а еще был свидетелем на свадьбе Анны Ахматовой и Гумилева. Вполне понятно, что юная художница Ирина Штенберг была под большим впечатлением и влиянием этого яркого деятеля искусства. Ирина вспоминала в своих дневниках: «Все, что у меня было от «Мира искусства», было от Эльснера, и эротическая линия связана с ним» (15). Это признание объясняет откровенно эротичную подоплеку музейного рисунка И. Штенберг «В гареме – евнух». Удивляет нежный возраст его автора – 15 лет! Восточные мотивы были очень популярны в искусстве мирискусников, как, впрочем, и во всем искусстве рубежа XIX–XX веков, где одним из значимых направлений был стиль ориентализм. Юная художница сумела передать в своем рисунке упоительное сладострастие Востока, приоткрыв завесу интригующей тайны гарема.

Неизвестно, как этот рисунок попал к В. Илюшину. Валериан Федорович довольно часто бывал в Тбилиси, участвовал в выставках Кавказского общества поощрения изящных искусств, в том числе в годы учебы Ирины Штенберг в школе при этом обществе. Возможно, именно тогда и произошло их знакомство.

Все рассмотренные произведения экспонировались на юбилейной выставке В.Ф. Илюшина в музее в 2018 году. «Вид на Алазанскую долину» Д.А. Пахомова и «Мужской портрет» А.М. Миронова были представлены в постоянных экспозициях музея.

Сеченьян (Сеченян) Г.А.
Портрет Поповой А.И. 1942 г.

Валериан Федорович Илюшин – поистине исключительное явление в истории Кургана. На своем долгом веку художник повстречал множество интересных и талантливых людей, оставивших неизгладимый след в его судьбе и творчестве. Несомненно, что Валериан Федорович рассказывал о них своим курганским ученикам, воспитывая их художественный вкус и уважение к высокому званию художника.

Исследование выполнено при поддержке Ассоциации искусствоведов.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. Фото. В.Ф. Илюшин ведет изостудию у себя в квартире по ул. М. Горького в Кургане. Конец 1940-х годов. Архив КОХМ, фонд 004, опись 1, ед.хр. 39

2. Завещание-заявление В.Ф. Илюшина в Курганскую нотариальную контору о распоряжении своим творческим наследием. 4 марта 1979 года. Архив КОХМ, фонд 004, опись 1, ед.хр. 543

3. Фото. В.Ф. Илюшин (справа) – директор Батумского ХУ и старший преподаватель А.М. Миронов (слева) на фоне 2-й отчетной выставки работ учащихся Батумского ХУ. 1937 год. Архив КОХМ, фонд 004, опись 1, ед.хр. 28

4. Фото произведения художника А.М. Миронова «Портрет певца В.П. Гинкина». Батуми. Архив КОХМ, фонд 004, опись 1, ед.хр. 387

5. А. Жуков, К. Зеленой. «Художники Зауралья. В.Ф. Илюшин». – Челябинск: Южно-Уральское книжное издательство, 1974. – С. 37. Архив КОХМ, фонд 004, опись 1, ед.хр. 705

6. Фото. А. Миронов (портрет). 7 декабря 1929 года. Архив КОХМ, фонд 004, опись 1, ед.хр. 143

7. Фото. В.Ф. Илюшин (первый слева), директор Батумского ХУ и Г.А. Сеченьян (3-й слева), преподаватель класса живописи с учащимися на фоне выставки. 1930-е. Архив КОХМ, фонд 004, опись 1, ед.хр. 31

8. Письмо В.Ф. Илюшину от Г.А. Сеченьяна. 8 августа 1957 года. Архив КОХМ, фонд 004, опись 1, ед.хр. 891

9. Письмо Николая Година, ученика В.Ф. Илюшина, из Свердловска учителю и его семье. 16 июля 1948 года. Архив КОХМ, фонд 004, опись 1, ед.хр. 886

10. Фото. Г.А. Сеченьян, П.Н. Староносков, Е.И. Илюшина, Е.И. Староносова в мастерской В.Ф. Илюшина в его доме в Батуми. Архив КОХМ, фонд 004, опись 1, ед.хр. 21

11. Фото. Надпись на обороте картины П.Н. Староносова «Базар в Батуми. Турецкая часть города» (темпера). 1917. Архив КОХМ, фонд 004, опись 1, ед.хр. 376

12. Выставка «Петр Николаевич Староносков: возвращение в Красноярск». <https://kraevushka.livejournal.com/619046.html>

13. Дарья Герасимова. Очерки о художниках-иллюстраторах. Староносков Петр Николаевич. Ученик жизни. <https://bibliogid.ru/archive/khudozhniki/ocherki-o-khudozhnikakh-illyustratorakh/757-staronosov-pjotr-nikolaevich>

14. Ирина Штенберг. Цит. по: Тамаз Белашвили. Буря цвета и света. Перевод с грузинского Нино Цитладнадзе. Из книги «Русский театр в Грузии 170». <http://griboedovtheatremuseum.ge> > face_history/ 104/

15. Ирина Штенберг. Там же

ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ

ИЗБАЧИ И ВОИНЫ

С началом советской эпохи в сельской местности получила распространение профессия заведующего избой-читальней, или по-простому избача. В 1920–1930-е гг. эту профессию уже можно было считать массовой. Конечно, сельских учителей и трактористов численно было больше, чем избачей, однако и последние имелись пусть не в каждой деревне, но в селах, являвшихся центрами сельсоветов, без них не обходилось.

По роду своей деятельности избач совмещал в себе как библиотечного, так и клубного работника, поскольку наличие сразу библиотеки и клуба в сельской местности встречалось очень редко и разве что в крупных селах.

Молодежь в профессии избача преобладала, так как в их среде был больший процент грамотных. А вот если к данной профессии подойти, выражаясь по-ученому, с гендерным подходом, то выяснится, что избачами работали как женщины, так и мужчины. Стоит даже подчеркнуть: в 1920–1930-е гг. избачей-мужчин работало больше, чем избачей-женщин. Архивные данные, к примеру, по Варгашинскому и Марайскому (Мостовскому) районам того времени такой расклад подтверждают. В деятельности избачей важное место отводилось доведению и разъяснению внутренней и внешней политики Советского государства и правящей Всесоюзной коммунистической партии (большевиков). Поэтому среди избачей был высокий процент кандидатов и членов партии, а также членов Всесоюзного Ленинского Коммунистического Союза молодежи – комсомольцев. Порой на селе избач возглавлял также местную партийную ячейку.

Невозможно в точности установить, сколько мужчин, работавших в разное

**Николай Юрьевич
ТОЛСТЫХ**

Историк-краевед, работает библиографом Центральной библиотеки Варгашинского муниципального округа. Родом из Ивановской области, выпускник исторического факультета Уральского государственного университета им. А.М. Горького.

Николай Юрьевич печатался в известных периодических изданиях района и области: «Маяк», «Курган и курганцы», «Новый мир», «Зауралье», в журналах «Тобол», «Сибирский край», «Наука и образование Зауралья», а также в краеведческих сборниках.

*Достовалов
Василий Павлович*

*Достовалов
Василий Павлович*

*Просеков
Павел Дорофеевич*

время и даже хотя бы короткий срок избачами, ушло на фронт. Но таких было много, поскольку к началу Великой Отечественной войны их возраст не превышал 35–40 лет. Архивные источники о конкретных людях, работавших избачами, в большинстве своем остаются неизученными. Лишь в редких случаях биографии избачей, включая их боевой путь, становятся известны более подробно. В качестве примера приведем биографию одного нашего земляка.

Василий Павлович Достовалов родился 30 января 1907 г. в крестьянской семье. Родиной его является волостное село Шмаковское (ныне д. Шмаково Варгашинского округа). В селе имелось 2-классное училище, в котором крестьянский сын получил свое начальное образование. Переход от детства к юности в жизни Василия Достовалова пришелся на суровое время Гражданской войны. Он стал очевидцем трагических событий 1921 г., когда жертвами в ожесточенном противоборстве стали первые местные коммунисты и комсомольцы. И далеко не только очевидцем. В том же 1921 г. юный Василий в составе частей особого назначения (ЧОН) участвовал в борьбе с повстанцами – противниками власти коммунистов.

В 1925 г. Достовалов вступил в комсомол. Примерно тогда же его назначили заведовать избой-читальней в д. Р-Молотово Марайского района (теперь Яблочное Варгашинского округа). В должности избача Василий попробовал себя еще и как селькор. В 1926 г. в окружной газете «Красный Курган» печатались его письмо ответственному секретарю Курганского окружкома ВКП (б) Воркуеву о проблеме пьянства в комсомольско-партийной среде и корреспонденция «Как прошел районный Марайский съезд советов».

Без сомнения, Достовалов как избач и как комсомолец проявил себя очень активно. Подробности не сохранились, но в архивных документах значится, к примеру, что он в 1926 г., являясь членом бюро Марайского райкома комсомола, участвовал в пленумах райкома. Судя по сохранившемуся календарному плану работы Марайского райкома ВКП (б), на 12 июля 1926 г. должен был заслушиваться доклад о работе Р-Молотовской избой-читальни. Следовательно, избач Достовалов держал отчет о своей политико-просветительской и культурной работе перед старшими товарищами по партии. Ведь еще в марте 1926 г. Р-Молотовская ячейка приняла его кандидатом в члены партии.

Полноправным же членом ВКП (б) Достовалов стал в январе 1927 г., когда он обучался в Курганской школе II ступени. По окончании учебы поле его деятельности сместилось с избы-читальни на руководящую работу в комсомоле. В феврале 1928 г. Курганский окружком направил Достовалова на должность ответственного секретаря райкома комсомола в Половинский район. Потом вновь учеба, на этот раз уже в Челябинской совпартшколе. И там, в Челябинске, в сентябре 1930 г. происходит важный в его жизни и судьбе поворот. Об этом повороте он в 1966 г. сообщил в письме своему другу юности из поколения первых шмаковских комсомольцев Михаилу Ивановичу Костину: из Челябинска «был послан в Московское артиллерийское училище имени Красина. 26 лет моей жизни прошло в армии».

За годы службы В. П. Достовалова в рядах Красной (Советской) армии первым боевым испытанием было участие в советско-финской войне 1939–1940 гг., а потом и Великая Отечественная война. Информация о боевом пути Василия Павловича содержится в представлении к награждению 1946 г.

«В Отечественной войне участвовал с первых дней нападения немцев. 1-е ранение получено 27. VI. 41 г. при обороне гор. Двинска (Латвия). Командовал батальоном. Батальон, входящий в сводный полк из остатков 23-й стрелковой дивизии, при плохой оснащённости боеприпасами двое суток отбивал атаки превосходящих сил немцев и отступил только лишь тогда, когда создалась обстановка полного окружения всей обороны Двинска.

Второе – контузия получена при прорыве обороны немцев на Курском направлении 23 августа 1943 г. Командовал 493-м минометным полком РГК (Резерва Главного Командования – Н. Т.), входящим в состав 40-й армии 1-го Украинского фронта. Полк начиная с 5 июля по 15 июля 1943 г. непрерывно принимал атаки немцев на Белгородском направлении, будучи приданным к 6-й гвардейской армии. Получил личную благодарность командующего армией генерал-лейтенанта Чистякова. С 15 июля 1943 г. был переведен на участок 40-й армии и участвовал в нескольких прорывах обороны немцев. При прорыве обороны немцев на Илек-Пеньковском направлении на участке 226-й стрелковой дивизии полк минометным огнем в течение часа сдерживал яростные контратаки противника, пока не подошел резерв (237-я стрелковая дивизия). Командиром 226-й стрелковой дивизии представлен к ордену Отечественной войны I степени. Ввиду полученной контузии был отправлен в госпиталь, и о судьбе представления к награде ничего не известно».

Оставаясь с окончанием войны на военной службе, майор Достовалов работал начальником учебной части военной кафедры Донецкого индустриального института. Приведенное выше представление, подписанное начальником военной кафедры полковником Л. З. Кожеуровым, заканчивалось словами, что его подчиненный достоин награждения орденом Отечественной войны I степени. Но в результате В. П. Достовалов был удостоен другой награды – ордена Красной Звезды. Это подтверждает послевоенная фотография Достовалова, на его груди как раз виден орден Красной Звезды. Фотография эта появилась до середины 1951 г., так как на ней среди наград еще нет ордена Красного Знамени. Документ о награждении последним датирован 17 мая 1951 г.

Как следует из упомянутого ранее письма Достовалова другу по комсомольской юности Михаилу Костину, он вышел в отставку в 1956 г. В 1966 г., когда состоялась его поездка на родину, он проживал уже не в Донецке, а в Днепропетровске. В 1967 г.

Достовалов снова побывал в родном Шмаково и вместе с М. И. Костиным принял участие в митинге памяти погибших коммунистов и комсомольцев в 1921 г.

Известно, что еще в 1985 г. Василий Павлович был жив и вот тогда к 40-летию Победы награждался орденом Отечественной войны I степени, но уже юбилейным. Сведений о времени его смерти нет. Вероятно, это произошло в том же Днепропетровске еще на исходе советской эпохи. На эту эпоху и пришлась вся его жизнь. В том же письме М. И. Костину имеется ностальгическое признание: «Как будто не так давно были мы молоды, а посмотришь – седина, седина!.. Да что тужить! Мы не праздны в мире жили. А только юность комсомольскую жаль, очень жаль...»

× × ×

К сожалению, биографии многих избачей невозможно воссоздать подробно, как в случае с В. П. Достоваловым. Особенно это касается избачей, не вернувшихся с войны, погибших или считавшихся пропавшими без вести. Ниже публикуются биографические сведения о некоторых избачах. Эти сведения содержатся в 7-м томе «Книги Памяти 1941–1945. Курганская область» и в архивных документах, в том числе размещенных на сайте «Память народа».

Батов Сергей Максимович. Родился в 1920 г. (в Книге Памяти – в 1918) в с. Шмаково. 24 апреля 1940 г. принят на должность заведующего Шмаковской избой-читальней. Освобожден от должности в связи с уходом в Красную армию, призван Мостовским РВК в июне 1941 г. Военное звание – рядовой, должность – стрелок. Последнее письмо родственниками было получено в 1942 г. Считается пропавшим без вести.

Матренин Илья Федорович. Родился в 1913 г. в д. Малое Шмаково. Служил в Красной армии в 1935–1938 гг. С 3 июля 1941 г. приказом по Мостовскому району назначен заведующим Просековской избой-читальней вместо ушедшего на фронт Просекова Павла Дорофеевича. Кандидат в члены ВКП (б). В том же 1941 г. призван Мостовским РВК в Красную армию. Звание – старшина, должность – огнеметчик 515-го отдельного огнеметного танкового батальона в составе 3-й ударной армии Западного фронта. В ходе Великолукской наступательной операции, участвуя 25 декабря 1942 г. в бою за село Таращанка, «проявил стойкость, умение и отвагу при выполнении задания командования. В ходе боя танк был подорван на mine. Экипаж в течение 7 суток находился в осажденном танке, ведя огонь по противнику и корректируя огонь нашей артиллерии. Экипажем уничтожены: 3 дзота с гарнизонами, станковый пулемет с прислугой и 20 человек пехоты. Для связи подбитого танка с частью и подноса пищи и боеприпасов под огнем противника пробрался в часть и обратно. Тов. Матренин достоин награждения правительственной наградой – орденом Красной Звезды».

Однако вручить награду живому И. Ф. Матренину не пришлось. Он погиб в новом бою 8 января 1943 г., а приказ о награждении от имени Верховного Совета состоялся 25 января 1943 г. Похоронен в г. Великие Луки Псковской области.

Просеков Павел Дорофеевич. Родился 2 июня 1921 г. в с. Просеково. Приказом по Мостовскому району назначен с 1 апреля 1941 г. заведующим Просековской избой-читальней, но уже приказом от 2 июля 1941 г. «в связи с выбытием в РККА» его следовало «считать освобожденным с 18 июня». Военную службу начал красноармейцем (рядовым) 586-го стрелкового полка. После ранения 20 декабря 1941 г. находился в госпитале, затем до 20 февраля 1942 г. в составе 202-го запасного полка, откуда выбыл в 49-ю армию. В 1943–1945 гг. воевал в 17-м гвардейском воз-

душно-десантном полку 6-й гвардейской воздушно-десантной дивизии (гвардии мл. лейтенант). По указу Президиума Верховного Совета СССР от 29 июня 1945 г. награжден орденом Красной Звезды. Окончил военную службу 2 марта 1955 г. в Уральском военном округе (лейтенант).

Середкин Андреян (Андриан) Никифорович. Родился в 1909 г. в д. Середкино в крестьянской бедняцкой семье. Окончил сельскую школу. Работал в собственном хозяйстве и по найму. Член ВЛКСМ с 1929 г., кандидат ВКП (б) с марта 1930 г. В период годичного кандидатского стажа получил политическое образование в кандидатской школе. С 15 апреля 1932 г. по 1 сентября 1932 г. работал избачом в Середкино. С апреля 1933 г. был секретарем ячейки ВЛКСМ в Верх-Суерской МТС. Призван в ряды Красной армии в 1942 г. Мостовским РВК. Сержант 577-й отдельной кабельно-шестовой роты. Погиб в бою 5 февраля 1943 г. Похоронен в с. Григорьевка Великобурлукского района Харьковской области (ныне Купянский район на Украине).

Смирнягин Фрол Васильевич. Родился в 1906 г. в д. Заложное в крестьянской бедняцкой семье. Общее образование получил в сельской школе, политическое – в комсомольской школе и на курсах. В 1928–1930 гг. служил в рядах Красной армии, где сначала был принят кандидатом, а через полгода стал членом ВКП (б). По окончании службы и до 15 ноября 1932 г. работал избачом в селе Ошурково Марайского района. Позднее был избачом в д. Белой (на территории современного Мокроусовского округа). Призван 30 июля 1941 г. Мостовским РВК, военное звание – красноармеец, должность – стрелок. Письменная связь с родственниками прервалась в феврале 1943 г. (последнее письмо датировано или получено 15 февраля 1943 г.). Считается пропавшим без вести.

**Олег Юрьевич
ЯСНОВ**

С 1987 по 2002 г. работал на областном телевидении. С 1995 г. писал тексты для «Киноафиши» и дикторского концерта 12-го телеканала, исполняя обязанности редактора кинопрограмм.

В 2005-м на страницах газеты «Курган и курганцы» вёл рубрику «Интернет-обзор» о сайтах, связанных с Зауральем, и полезных веб-сервисах.

В 2013 и 2018 гг. в «КИКе» выходили его статьи о Людмиле Тумановой, с которой он дружил и вёл творческое сотрудничество.

В 2007–2010 гг. в газете «Новый мир» публиковал статьи о знаменитых фильмах.

Печатался также в газете «Мак энд Мак» (2005–2006) и в журналах «Сибирский край» (2002) и «Огни Зауралья» (2026).

Живет в Кургане.

В «Тоболе» публикуется впервые.

ВДОХНОВЛЕННЫЕ ПАМЯТЮ...

*О творческом взаимовлиянии
и новых произведениях наших
талантливых земляков*

Неуловима магия творчества и вдохновения, когда слова вдруг обретают краски, а мазки кисти неожиданно складываются в строки. Так на свет появляются порой удивительные произведения, рожденные фантазией настоящих поэтов и художников, обладающие жизненной достоверностью и философской глубиной созданных образов.

Известная (в прошлом курганская) художница Валентина Викторовна Евлентьева создала целую галерею женских портретов, в том числе своих прекрасных современниц и землячек. Несколько своих замечательных работ она посвятила Людмиле Тумановой, знаменитой певице и поэтессе, с которой её связывали долгие годы теплого дружеского общения и даже, в какой-то мере, взаимовлияния на творчество друг друга.

Однажды во время одной из их встреч, после очередного сеанса позирования, навечно прикованная к инвалидному креслу Людмила обратилась к своей подруге, собиравшейся уже уходить: «Валя, а нарисуй меня идущую!..»

Вскоре поэтесса поняла, что её вскользь обронённая фраза развивается, оформляясь в стихотворные строки.

*В.Евлентьева – рисунок
Людмиле Тумановой (1991 г.)*

В.ЕВЛЕНТЬЕВОЙ

Нарисуй ты меня идущую –
Только не уходящую! –
И глаза... будто чуда ждущие,
Милостей не просящие.

Голова пускай – непокорная,
И лицо, чтобы – не надменное:
Чуть лукавое, непритворное,
Словом, обыкновенное.

Ты тона «обогрей» холодные –
По душе мне краски небесные...
Я по духу и сути – свободная,
Хоть и пленница я телесная.

Не святая, не слишком грешная...
(Трёх кровей во мне полыхает смесь).
Сочини лишь поступь неспешную,
В остальном рисуй, какова я есть.

В том движении – правда сущая,
А не выдумка, мне лстящая.
Настоящая – я идущая,
Пусть и с места не сходящая.

Это стихотворение, оформленное в рамочку виньетками, написанное красивым каллиграфическим почерком, Людмила подарила своей подруге-художнице, а через некоторое время получила ответный подарок – рисунок, на котором она с букетом цветов действительно шла по аллее осеннего парка...

Через много лет, уже после ухода из жизни Тумановой, ее стихи и рисунок идущей Людмилы работы Валентины Евлентьевой вдохновили поэта Леонида Блюмкина на создание собственного произведения.

*Л. Туманова и Л. Блюмкин во время работы над телефильмом
«Я живу в ожидании чуда», 1974 г. Фото В. Новгородова*

ЛЮДМИЛА ТУМАНОВА

Лет далеких анатомия –
боль в спине от ножевых.
Ах, Людмила Анатольевна,
жизнь ударила под дых.

Ах, Людмила, Люда, Людочка
с неизбывной красотой.
Словно яблоком по блюдецку –
проступает образ твой.

Задушевная волшебница,
горечь выплакав одна,
ты с гитарой нежно шепчешься
в тихом доме допоздна.

И рождаются воздушные
песни звонкие, летя,
как спасение от скучного
повседневного житья.

На стекле дождейки частые
или солнечный экстрим.
Что там наши все несчастья
по сравнению с твоим.

Вид в окне – однообразие:
клен да куцый небосвод.
Но тебя влечёт фантазии
неожиданный полёт.

В мир со сказками чудесными,
с вдохновеньем детских лиц,
где друзей объятья тесные
и мечтаньям нет границ.

Но ни нынче, ни в грядущем
для тебя, для чуда ждущей,
не сбылась одна мечта:
хоть на миг бы стать идущей
по тропинке, в даль ведущей,
из осеннего листа.

В. Евлентьева. Возвращение (2025 г.)

высокими словами, великая сила духа. Не так давно написал стихи, посвященные памяти Люды. При ее жизни никогда бы такие строки не появились...»

А в 2025 году, когда отмечался юбилей со дня рождения Людмилы Тумановой, и Валентина Евлентьева, вспоминая в далеком Гамбурге свою курганскую подругу, посвятила ей свою новую работу – портрет «Людмила Туманова. Возвращение». Как и стихи Леонида Блюмкина, портрет «Возвращение» воспекает торжество духа над обстоятельствами немилосердной судьбы. Это не только возвращение к светлой памяти об ушедшем человеке, но и надежда на то, что оживленная новыми творениями память продолжит жить в сердцах всех, кто помнит наших талантливых земляков, уже оставивших свой яркий след в жизни и в искусстве и еще продолжающих свой славный творческий путь.

Леонид Моисеевич также был давним другом Людмилы. Он – автор первого телефильма о ней «Я живу в ожидании чуда», который на Всесоюзном фестивале телевизионных программ в Кишиневе удостоился двух дипломов: жюри конкурса и Союза писателей Молдавии.

Л. Блюмкин вспоминает: «После того фильма с Людой мы встречались периодически, и она еще не раз становилась участницей передач нашей молодежной и детской редакции. Разговаривать с ней можно было обо всем: о событиях в мире, о жизни, о творчестве, о друзьях, но практически никогда мы не говорили с ней о ее состоянии, о той трагедии, которая произошла в ее молодости. Она не любила это трогать, не хотела, чтобы ее жалели. Я же часто думал о том, как Люда живет, какая у нее, говоря

**Надежда Викторовна
ЕФРЕМОВА**

Член Союза писателей России. Родилась и выросла в городе Шумихе Курганской области. Окончила Курганский государственный педагогический институт. Живет в Кургане. Победитель областных литературных конкурсов: «Страна любви» (2015), «Слово о Человеке Труда» (2018), «Святое имя – Учитель» (2019), «Любовь моя – Курган» (2019).

Печаталась в журналах: «Воспитатель ДОУ» (Москва), «Тобол» (Курган), «Сибирский край» (Курган), «Жираф», «Роднику»; в газетах: «Детский сад со всех сторон» (Санкт-Петербург), «Знамя труда» (г. Шумиха, Курганская область), «Собеседник» (с. Кетово, Курганская область), в сборниках «От сердца к сердцу» (издание литобъединения «Поэтическая горница»). Автор книг: «Неслучайный человек», «Важная тема», «И день будет хорошим», сказки-пьесы «Как Баба-яга вновь Ивана спасала», сборника статей «На литературных перекрестках».

ЗОЛОТАЯ РЫБКА АЛЕКСАНДРА РУХЛОВА

С неподдельным интересом прочла новую книгу курганского поэта Александра Рухлова «Полынная заповедь». С интересом, потому что давно слежу за творчеством этого автора. Будучи еще школьником, он представлял свои произведения на суд взыскательного жюри в литературных конкурсах и, конечно, не однажды был отмечен различными премиями и наградами. Надо сказать, что Александр Рухлов – яркий, выразительный поэт, и тем более интересно следить за развитием его творчества. Я выскажу свое мнение о новой книге Александра, но, не буду скрывать, рассчитываю заинтересовать читателей, и тех, кто уже знаком с творчеством этого автора, и особенно тех, кто только начинает знакомиться с его произведениями. Даже прочитав одну книгу того или иного автора, можно составить некоторое представление о его мировоззрении, горизонтах его таланта, об умении выражать свои мысли и, в общем, сделать для себя открытие, о чем мысли и помыслы писателя. Понять, какие темы наиболее близки автору, что его волнует, восхищает. И поэт Александр Рухлов не исключение. Из его книги читатель узнает, как поэт относится к своему городу, людям, живущим по соседству, родным и близким, истории своей семьи, любви, дружбе... В композицию сборника, наряду со стихами поэта, органично и естественно вплетаются лирические философские размышления автора о юношеских мечтах, о привязанности к своей земле, своим корням и почему душа болит за то, что «... в деревне, где родились, выросли и умерли около десяти поколений Рухловых, остались только стены. Стены одного дома». А в юности мечтается уехать и найти себя где-то далеко, но...

Уехать и вернуться, как говорится, никогда не поздно. А если ты еще и ушел, уехал, улетел недалеко, недавно, то вернуться проще, легче. Наверное. У каждого своя история. Другой вопрос, как вернуться, какие на то причины. Саша Рухлов вернулся в родные пенаты ярко, выразительно, на мой взгляд. Я имею в виду взлет его творчества, и, как итог странствий вдали от дома, новая книга – «Полынная заповедь».

«Не хотелось уезжать и оставлять. Не хотелось бросать родной город и любимых людей... И я говорил себе: «Я сделал шаг... Сделал шаг к тому, чтобы сказать папе «люблю»... Сделай шаг, чтобы узнать, как пахнет дом... Как сладко пахнет дом. Ради этого стоило уезжать. Ради этого стоит возвращаться». Вот такое жизненное открытие сделал для себя лирический герой «Полынной заповеди». Понять раз и навсегда, как же отчаянно невозможно жить без этого родного щемящего аромата отчего дома или главных слов, адресованных отцу, важно успеть сказать их. Писателю, в особенности поэту, необходимо пережить такие чувства, эмоции, необходима встряска, чтобы переосмыслить, понять, сделать для себя какой-то фундаментальный вывод. Поэту необходимо пережить такое странствие во времени и месте, чтобы почерпнуть впечатлений, но более того, мне думается, для новых переживаний, новых духовных открытий. Человек стремится за горизонт, и думается ему, что там настигнет его и удача, и озарение, и судьба... Но вдруг понимание: а ведь все не там, а здесь. Все настоящее здесь и: «Дай Бог нам здесь родиться снова...» Прежде всего об этом рассуждает и рассказывает в своем новом поэтическом сборнике «Полынная заповедь» Александр Рухлов. О доме родном, о своих предках, о селе, «где родились, выросли и умерли около десяти поколений Рухловых», о городе, в котором вырос, о семье, о творчестве, о новых потерях и обретениях.

Пронзительная исповедь поэта, что называется. Как на духу открывает перед читателями свои печали и радости известный в Кургане и далеко за его пределами поэт Александр Владимирович Рухлов. Он родился 30 сентября 1988 года в Кургане. В 2005 году окончил гимназию № 31 с золотой медалью, поступил в Курганский государственный университет на филологический факультет. В годы учебы посещал Литературную студию Виктора Федоровича Потанина при КГУ. Мне думается, что именно там, в студии, Виктор Федорович Потанин предопределил, донес до многих студийцев одну простую истину: нельзя написать что-либо поистине стоящее, значимое без искренней, преданной любви к своим близким, своим корням, без патриотических чувств к родной земле, родному краю, к Родине. Именно такими сердечными порывами, искренней преданностью своим родным, своей земле переполнена новая книга поэта Александра Рухлова.

Книга стихотворений «Полынная заповедь» Александра Владимировича Рухлова вышла в Москве в издательстве «Российский писатель» в 2023 году. Сборник начинается стихотворением о творчестве, его значимости, откуда что пришло, для чего и куда идет. Я уверена, что любой творческий человек однажды задумывается о назначении результата своего труда. «Дал Ты мне, Господи, по праву рождения речь!» – восклицает поэт Александр Рухлов в своем стихотворении, прямо указывая, что, по его мнению, Дар творить – от Бога. Он обращается с молитвой к Творцу: «Научи приумножить и помоги сберечь... Вымолвить, выловить в водице Твоей святой// Верное слово – рыбкою золотой». Это просьба о «верном» Слове, точном, значимом, которого «нету родней».

Его бы отыскать, выстрадать, донести, посредством его объяснить, обозначить свое понимание мироустройства. Со своим, однажды найденным поэтическим Словом мир перевернуть, ведь «лишь поэзия прежде, чем...» Вот такое высокое понимание значимости поэзии, значимости Слова высказанного, его миссии у поэта Александра Рухлова. И еще одно высокое предназначение поэта: сберечь Слово, быть его хранителем. Таким стихотворением начинается сборник «Полюнная заповедь», стихотворением-молитвой.

Да, мечталось найти счастье, себя самого найти в чужом краю, но как же, оказывается, ты любишь свой город, как ждал встречи с ним и какая это отрада – вернуться и обнаружить вдруг, что тебя здесь ждут, любят, не забыли:

Ты стол накрыл, встречая сыновей:
В районе дрожзавода пахнет брагой.
Есть города красивей и новей,
А мы всё возвращаемся обратно.

К твоим дворам, как на плечо отца,
Щекою, уколовшись о щетину,
Я припаду. Слезу смахну с лица –
Вернувшийся, усталый и счастливый.

И как это отрадно понять, что корнями ты пророс в этой земле еще до рождения своего. И что «старики до сих пор крепки, как береговые камни...» «Береговые камни», какое невероятно яркое и точное сравнение. Береговые, потому что оберегают, насмерть стоят за свое. Но разруха все-таки пришла откуда не ждали, и деревни умирают. Я думаю, что и о разрухе в душах людей тоже думается автору. «Так из-под ног у нас уходит земля наших предков». Да, о той жизни, которую любишь, пусть даже она прошла давно, пусть остались от села только стены, стены одного дома, но и эта стена помогает, если ты дома. Осталась земля родная, и за нее «нужно цепляться корнями, чтобы крепче стоять на ногах». Память не умирает, ее не разрушишь, мы еще можем, нет, мы должны «цепляться корнями за землю», за землю наших предков, помнить, чтить и чувствовать, как «крепки корни, как движутся по стволу земные соки, как шелестят напитанные силой листья». Образно, ярко написано о предках, о продолжении рода, о продолжении жизни, истории, о том, как мы сильны и чем мы сильны.

Это откровенное постижение такого высокого смысла жизни, оно не только значимо для автора, для его лирического героя, оно так же высоко значимо, я так думаю, для каждого человека, для каждого из нас, дорогие читатели. У каждого из нас свои корни, свои береговые камни, и мы их тоже обязаны оберегать, это наше наследство и наследство наших детей.

Если сравнить произведения из книги «Полюнная заповедь» с ранними стихами поэта, то можно заметить, как и насколько меняется настроение лирического героя Александра Рухлова, меняется интонация его стихотворных строк: уходит на второй план тревожность, иллюзорность мира, темы рока в судьбе, предопределенности, обреченности на одиночество... Такое настроение присуще молодым авторам. Это настроение молодости, неопытности, времени поиска истины, размышлений о хрупкости бытия, о миражах, о мечтах, которым не суждено сбыться. Со време-

нем все становится близким, родным, осязаемым, существующим здесь и сейчас: и чувства, и люди, и события, дом, природа родная. Так все просто, и полна этим душа, и стремится она к гармонии, и понимает – счастье может быть рядом. В новых произведениях мир более настоящий, осязаемый, с насущными проблемами, с чувствами, которые переполняют:

Когда ты по ночам глядишь
На нашу маленькую дочку,
Я знаю: будут впереди
Весна и веточка. И почка.

Лирический герой поэта, во всяком случае на данном этапе, как будто бы нашел или обрел то, что искал, он уверен: «Видно, утро может и не настать, // Если песню о любви не пропеть». И мечты его и надежды о будущем:

Даст Бог – и маленький сынок,
И радость, и любовь большая...
Нам что-то тихо обещает
Ночник – надежды огонек.

И его маленький сынок когда-нибудь побежит по жизни, как по ступенькам, так же, как он сам, так же будет искать ответы на вопросы: кто я? Что я? И в чём смысл всего?

И в окнах свет, и звёзды над домами –
Повсюду он, вечерний тихий свет.
Так хлебом пахнет!... Мне всего пять лет.
Я счастлив. Я бегу на кухню к маме.

Но «время катится огромным колесом», и вот: «Мне двадцать. Я не чувствую беды», потому что молод, потому что ничего не боюсь, я ищу ответы... А время неутомимо катится: «Мне тридцать четыре.// Я выхожу из возраста Христа.// А истина извечна и проста, // Как запах хлеба в маминой квартире».

Метафоричный, образный мир, философия принятия мира, его познания присущи всему творчеству Александра Рухлова. Его поэзию можно назвать поэзией души и мысли. Заканчивает свой сборник поэт стихотворением, в котором вновь обращается к Богу:

И слова, словно рыбы на мели,
Но я видел сегодня во сне:
Ты, мой Боже, незрим и безмерен,
На заре ловишь рыбу во мне.

Дал Господь Слово – «рыбку золотую», и не дает оно покоя, стучит «в ребро плавником», и гонит в февральскую стужу, в ледяное утро «синевы зачерпнуть» и разглядеть долгожданную весну, и найти ответы, и утолить «неслыханную жажду». Стихотворение написано от первого лица, лирический герой, без сомнения, поэт,

ведь только с поэтическим воображением можно разглядеть в ветвях деревьев сеть, которую спутал ветер, да еще и «хвостом по рассвету плеснул». И сам Господь ждет это Слово от поэта и «ловит» его, а значит, оценку дает. Что ты, поэт, этим Словом, Богом данным, выразил, о чем написал и как написал? Итак, начинается книга стихом-молитвой, просьбой к Богу о Слове, заканчивается стихотворением, в котором надежда, что Слово это прозвучало и Богу оно угодно. Потому угодно, понятно и нам, дорогие читатели. И конечно, новый поиск, ожидание, новые надежды автора. Все возвращается на круги своя.

Дай мне, Господи, сердце.
Дай мне, Господи, голову.
Дай мне, Господи, сети.
Дай мне, Господи, голубя.

Чтобы стало светло и просто.
И надеясь на Божью милость,
Я бы голубя в небо бросил,
Чтобы сердце сильнее забилося.

P.S. И не могу не сообщить читателям, что более детально и емко познакомиться с творчеством Александра Рухлова можно и в Интернете, на различных интернет-ресурсах, и в библиотеках города. Пользуясь случаем, рекомендую в Интернете найти и прослушать поэму «Шпана» в исполнении автора. Выразительное, артистичное исполнение, и само произведение заслуживает пристального читательского внимания и отклика.

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

ПАСТЕРНАК. НЭБОЖИТЕЛЬ

Когда Сталину доложили об очередной выходке Пастернака, который не стал подписывать какое-то требующее казней письмо, то лучший друг советских писателей усмехнулся: «Оставьте этого нэбожителя!»

Рассказывают, что из Пастернака думали сделать лучшего советского поэта, но потом Сталину попалось на глаза письмо Лили Брик, и лучшим советским поэтом был объявлен Маяковский, стихи которого, по замечанию Пастернака, насаждали, как картофель при Екатерине. Но Маяковскому было легче, в сознании читателей он разделился на двух поэтов: на Маяковского «Стихов о советском паспорте» и на Маяковского – автора «Облака в штанах». Первого заучивали наизусть, второго читали в школе. С Пастернаком такой фокус бы не прошёл, он был единый и неделимый.

В юности Пастернак упал с лошади и сильно поломался. Нога срослась неправильно. Пастернак всю жизнь прихрамывал, но не как лорд Байрон.

Нам уже трудно понять, как много в начале века значил Скрябин, как звучала его музыка. Леонид Пастернак был знаком со Скрябиным, и юному Борису было с кем посоветоваться о своём композиторском будущем. И только чрезмерная требовательность Пастернака к самому себе – он переживал из-за отсутствия абсолютного слуха – не позволила этому будущему состояться.

Такое ощущение, что Маяковский Пастернака привечал, но близко не подпускал. И тяготение раннего Пастернака к футуристам было каким-то странным, ненужным. В беседе с Исайей Берлиным Пастернак жестко и точно определил поэзию Маяковского: «Совершенно непереносим этот крик: он раздувал свой талант, мучил и тискал его, как только мог, пока он наконец не лопнул:

Дмитрий Владимирович
АНИКИН

Поэт. Родился в 1972 году в Москве, где и проживает в настоящее время. По образованию – математик. Предприниматель. Публикации в печатных изданиях на настоящий момент времени: циклы стихов в журналах и альманахах «Новый мир», Prosodia, «Слово/Word», «Плавучий мост», «Перископ-Волга», «Кольцо-А», «Дегуста», «Нижний Новгород», «7 искусств», «Сетевая словесность», «Изысканная словесность», «Клазура», «Русский колокол», «Точка зрения», «9 муз», «Тобол» и др.

Лауреат конкурса «Золотое перо Руси». Шорт-лист конкурсов MyPrize (2024), «Мыслящий тростник». Автор книг «Повести в стихах», «Сказки с другой стороны», «Нечетные сказки».

грустные обрывки этого цветного воздушного шарика до сих пор валяются под ногами у каждого русского человека».

Голос Пастернака широко и гнусаво гудел над русской литературой, не всегда внятно, но всегда по сути, верно.

Евгений Рейн пришёл в гости к Пастернаку и был поражен, услышав, как тот говорит «польта». А ведь зря поражался – если бы лучше знал стихи Пастернака, то вспомнил бы:

Кольты прочь,
Польта на пол...

«Его речь зачастую перехлёстывала берега грамматической правильности», – деликатно заметил Исая Берлин.

Ахматова называла роман «Доктор Живаго» гениальной неудачей. Много ли произведений, которые достойны такой характеристики. Если рассматривать текст как классический роман, то это скорее неудача; если прозаическую часть рассматривать как своего рода комментарий к стихам последней главы, то это гениальное произведение, что-то вроде дантовской «Новой жизни».

Умные люди говорили: да напечатайте вы роман в Советском Союзе, народ прочтает и ничего не поймёт, только пожмёт плечами и не вынесет ничего ни советского, ни антисоветского. Исая Берлин вспоминал, что Пастернак никогда не говорил «Советский Союз», только «Россия».

Аджубей писал, что Хрущёв потом сожалел, что не разрешили печатать роман.

Когда Мандельштам поселился в кооперативном писательском доме, то, придя к нему в гости, Пастернак с уважением сказал: «Хорошая квартира, в ней можно стихи писать». Трудно было найти формулировку, более чуждую для безбытного, неприятельного Мандельштама.

Пастернак – самый дачный поэт в русской литературе. Ему хотелось быть не первым советским, а первым переделкинским поэтом.

«Кто-то сказал однажды, что есть поэты, которые поэты только тогда, когда пишут стихи, а когда пишут прозу, становятся прозаиками, а есть поэты, остающиеся поэтами всегда, что бы они ни писали», – писал Исая Берлин в своих воспоминаниях о Пастернаке. Пастернак был поэтом во всём, что он писал, а прозе это вредит.

Ахматова считала, что основным личным качеством поэта является бестактность, чему приводила яркие примеры из пушкинской биографии. Пастернак был бестактен в каком-то гомерическом масштабе. Чего только стоит попытка поговорить со Сталиным о жизни и смерти. Или ещё: после длительного эпистолярного романа с Цветаевой, когда они наконец-то встретились в Париже, то таскались по магазинам, чтобы примерять на неё платья для Зинаиды Николаевны.

Зинаида Николаевна – жена.

Чуковский вспоминал, как в 1936 году они с Пастернаком были на каком-то комсомольском мероприятии, где выступал Сталин. Был общий восторг, общее беснование, которое не оставило в стороне и писателей, они были просто в отчаянии, когда некто Демченко стала разговаривать со Сталиным. «Пастернак шептал мне все время о нём (о Сталине) восторженные слова, а я – ему, и оба мы в один голос сказали: «Ах, эта Демченко заслоняет его!» Домой мы шли вместе с Пастернаком, и оба упивались нашей радостью...

Перед эвакуацией Пастернак дал Цветаевой верёвку, чтобы перевязать чемоданы. «Хорошая верёвка, крепкая, повеситься можно», – уверял он Цветаеву. Пастернак был уверен, что Цветаева повесилась именно на этой верёвке.

Он гнул своё, пиджак топыря
И пяля передки штиблет.
Слова могли быть о мазуте,
Но корпуса его изгиб
Дышал полётом голой сути,
Прорвавшей глупый слой лужи.

Во всей обширной лениниане русских частушек нет ничего смешнее этих строк.

На антифашистском конгрессе в Париже Пастернак говорил: «Не организуйтесь! Организация – это смерть искусства. Важна только личная независимость». Есть воспоминания, как в конце войны Пастернак, мечтая о послаблениях режима, говорил, что после победы упразднят Союз писателей – так крестьяне мечтали, что в благодарность за самопожертвование Сталин распустит колхозы.

Союз писателей существует до сих пор. Мало того, оказавшись в ситуации относительной свободы, писатели ринулись создавать дополнительные союзы и союзики.

Победа в войне должна была, по мысли Пастернака, совершить то, что не смогла революция, – преобразовать и освободить Россию.

Когда очередной дурак-начальник начинал упрекать или поучать Пастернака, как писать, он ненадолго задумывался, а потом, как бы припоминая, соглашался: «Да, да, вы правы, то же самое мне говорил ещё ваш Троцкий». Начальник бледнел от страха.

Ахматова сказала, что Пастернаку можно поставить твёрдую четвёрку за разговор со Сталиным. Интересно, какую оценку мог бы поставить себе Сталин, который большинства пастернаковских слов, видимо, просто не понял.

Арсений Тарковский и Пастернак были привлечены к переводам стихов Сталина для сборника, издание которого готовилось к 70-летию автора. Вероятно, книга должна была стать подарком, но Сталин вовремя узнал, и издание не состоялось.

Пастернак хотел жить спокойной жизнью, но лучше всего ощущал себя во время потрясений. «Рак при варке хорошеет». Начавшаяся война отвлекла Пастернака от личных проблем и взбодрила дух.

Принято высокомерно трактовать военные стихи Пастернака. А зря. Что-то существенное в рассказ русской поэзии о войне они добавили. Свидетельство человека, которому война абсолютно противопоказана.

Это рвутся
Суставы
Династии данных
Присяг.

Пастернака давно тянуло к историческому эпосу – поэма «1905 год», к бытовому сюжетному повествованию – «Спекторский», к соединению этих жанров – «Лейтенант Шмидт». Пастернак – когда надо – чувствовал время, знал эпоху и готовился стать её летописцем.

А когда было не надо, спрашивал, какое у нас тысячелетие на дворе.

«Раньше нами правил безумец и убийца, а теперь – дурак и свинья». Так или наоборот любое российское время описать можно. Вся беда Хрущёва – что он сразу представлял перед зрителями в своем настоящем, естественном виде, а для того, чтобы понять Сталина, надо было постараться, приложить усилия.

Безумец понимал, кто такой Пастернак, дурак – нет.

Писать роман «Доктор Живаго» было для Пастернака чистой радостью. Он почти физически ощущал новую дистанцию, которую надо было одолеть.

Когда русский писатель начинает писать свой главный роман, *opus magnum*, то непременно рядом вьётся тень Гоголя и зудит: «Сожги! Сожги!» Тем более опасно, когда писатель ставит перед собой задачу не хуже гоголевской – написать роман, в котором будет сказано всё обо всём и который будет доступен каждому. «...Это будет моё последнее слово, мое самое важное слово миру», – заявил Пастернак в беседе с Исайей Берлиным.

Пастернаку удалось дописать роман, неудача ожидала его потом.

Он в романе писал о революции и революционерах куда лучше, чем они заслуживали. Пастернак не был самоубийцей. Советская власть не поняла комплиментарности текста.

Пастернак был ярым патриотом с явным интересом к славянофильской традиции.

Нобелевский комитет несколько раз порывался присудить Пастернаку премию, но без прозы заслуги одного из лучших русских поэтов казались недостаточно весомыми.

Ты значил всё в моей судьбе.
Потом пришла война, разруха,
И долго-долго о Тебе
Ни слуху не было, ни духу.

И через много-много лет
Твой голос вновь меня встревожил.
Всю ночь читал я Твой Завет
И как от обморока ожил.

Пастернак был наихристианнейшим поэтом Серебряного века. Его православие, естественно, не было наследственным, но было естественным. Никаких перехлёстов, так обычных для неофитов. Ровный, спокойный свет истины.

Как обещало, не обманывая,
Проникло солнце утром рано
Косою полосой шафрановою
От занавеси до дивана.

Если бы не был написан роман, то место Пастернака в мировой литературе изменилось бы.

А в русской? Стихи Юрия Живаго – лучшее, что написано Пастернаком. Но могли бы эти стихи появиться сами по себе, без романа?

«Август» – лучшее из стихов Юрия Живаго.

Публикация романа состоялась благодаря интригам и взаимному недоверию коммунистов различных стран друг к другу. Такой вот Интернационал.

Вы снова здесь, изменчивые тени,
Меня тревожившие с давних пор,
Найдётся ль наконец вам воплощенье,
Или остыл мой молодой задор?

Если для Шекспира Пастернак был более или менее адекватным переводчиком, то для Гёте он был сотоварищем. «Я попробовал заставить Шекспира работать на меня, но не вышло», – заметил Пастернак, а с Гёте всё получилось, работал как миленький в поте лица. Пастернак, когда писал «Фауста», был свободен от внутренней цензуры, от собственного прошлого, от ужасного настоящего, был свободен, как не получалось, когда писал только своё, без дружеского расположения и помощи Гёте.

«Фауст» Бориса Пастернака – это уникальное произведение, имеющее аналоги в мировой литературе, особенно в немецкой.

«Фауст», а вовсе не «Доктор Живаго» – пастернаковский *opus magnum*, но читатели хотят текстов на злобу дня, а текстов со скандальной репутацией – особенно.

Мело, мело по всей земле
Во все пределы.
Свеча горела на столе,
Свеча горела.

Не могу отказать себе в удовольствии процитировать эти строки.

Для Пастернака было непонятно, зачем нужно оставаться евреем, если можно ассимилироваться и разделить труды и дни со всем человечеством.

После одного из «Русских маршей» участники устроили пожар и взрыв на могиле Пастернака, эти фашиствующие молодчики понимали, что еврей всегда останется евреем.

«Мы поимённо вспомним тех, кто поднял руку», – пел Галич. В итоге из тех, кто поднял руку, мы помним одного Бориса Слуцкого, для которого то голосование стало чуть ли не большей трагедией, чем для самого Пастернака.

Но и так, почти у гроба,
Верю я, придёт пора –
Силу подлости и злобы
Одолеет дух добра.

Последнее слово Пастернака перед смертью было: «Рад!» И ещё он говорил, что умирать не страшно, потому что он высказал всё, что должен был.

Или его последними словами были такие, обращенные к жене: «Я очень любил жизнь и тебя, но расстаюсь без всякой жалости: кругом слишком много пошлости – не только у нас, но и во всем мире. С этим я все равно не примирюсь».

В короткое слово «рад» верится больше.

Слишком много Пастернак думал о «них», боялся, как бы не подумали, что он продался, стал партийным, – пусть не ради себя, а ради свободы любимых. Но признать окончательную правду о стране и о «них» Пастернак то ли не мог, то ли не хотел. Слишком от многого написанного пришлось бы отречься.

«А ведь главное – Россия и социализм», – сказал Пастернак КOME Иванову, и это страшно. Нельзя представить, чтобы такое сказала Ахматова, а Мандельштам, если бы и сказал, то столько бы наговорил вокруг да около, что стало бы понятно, что он это всё не о том.

А Пастернак уступил, поддался духу века. И много ли радости, что с оговорками и большими оговорками. Так что, когда на похоронах Зинаида Николаевна хотела сказать: «Прощай, настоящий большой коммунист, ты своей жизнью доказывал, что достоин этого звания», – она, может быть, была не так уж неправа. Хорошо, конечно, что промолчала.

Всё же Пастернак стал лучшим советским поэтом. Во всяком случае, для той прослойки, которая воспринимала коммунистический проект всерьёз, – для русской интеллигенции. Сборники по-настоящему великого поэта разместились на книжной полке рядом с произведениями братьев Стругацких.

ИТАЛЬЯНСКАЯ ИСТОРИЯ «ДОКТОРА ЖИВАГО», ИЛИ BELLO CIAO ПО-КУРГАНСКИ

В секторе редкой книги областной библиотеки имени А. К. Югова хранится более 5 тысяч уникальных изданий, увидевших свет в разные годы в течение нескольких веков. Одно из них – под инвентарным номером 1291225. Что же это за книга?..

Это всемирно известный роман советского писателя, лауреата Нобелевской премии Бориса Пастернака «Доктор Живаго». «Что же тут редкого?» – спросите вы. А уникальность экземпляра, который держу в руках, ответу я, состоит в следующем: когда, где, как и кем издана эта книга.

В выходных данных указано: 1959 год, Франция, Париж. Карманный формат, 635 страниц мельчайшего типографского шрифта (нонпарель). Предисловие под заголовком «Свет человечности и правды» анонимно. На титульной странице оттиск штампа указывает на принадлежность экземпляра Курганскому филиалу Уральской независимой общественной библиотеки. Как же книга попала в Курган, один из областных центров страны, в которой роман «Доктор Живаго» был официально запрещен 30 лет – с 1958 до 1988 года? Существуют две версии этого, и обе связаны с историей издания романа за рубежом. Первая указывает на неблагоприятную роль ЦРУ (Центральное разведывательное управление США), на его идеологическую диверсию. В 1959 году во Франции должен был состояться Всемирный фестиваль молодежи и студентов. К этому времени впервые изданный в Италии, в Милане, на итальянском, «Доктор Живаго» был переведен на французский и английский языки. Но по каким-то причинам фестиваль не состоялся. Однако в конце года

**Валерий Иванович
ПОРТНЯГИН**

Член Союза журналистов и Союза писателей России.

Родился в 1946 г. в Кургане. Работал в курганских газетах «Молодой ленинец», «Советское Зауралье», «Зауралье» (редактор в 2000–2003 гг.), «Новый мир». Пресс-секретарь мэра г. Кургана в 1997–2000 гг. Один из основателей газеты «Курган и курганцы», её главный редактор с 1991 по 1997 год и повторно с 2015 по 2018 год. Печатался практически во всех СМИ Зауралья, в газетах Екатеринбурга, Москвы, Хабаровска, Омска, а также в Германии (ГДР), Болгарии, на Украине, в Казахстане, Монголии. Тесно сотрудничал с «Комсомольской правдой» и ИТАР-ТАСС. Лауреат многих журналистских премий, обладатель знака «Золотая акула», как лучший журналист Урала (2005). Как писатель, является автором книг «Провинциальный летописец и другие» (Курган, 2011 г.), «Словарный запас» (2016), «Сомнения» (Санкт-Петербург, 2021 г.) и нескольких документальных книг и сборников, изданных в Москве, Екатеринбурге, Тобольске и, конечно же, в Кургане. Редактировал альманах «Тобол» в 2022–2024 гг., на сайте Курганского Союза журналистов вел проект «Литературная среда с Валерием Портнягиным». Член редколлегии журнала «Тобол».

он все-таки прошел в столице Австрии Вене. Расчет ЦРУ был на то, что каждый член советской делегации на фестивале увезет на родину экземпляр, или даже несколько, романа «Доктор Живаго». И люди узнают правду о своей жизни. Конечно, КГБ предпринял ответные действия: вся советская пресса печатала отклики якобы простых граждан, а также известных писателей, осуждающих автора и содержание книги за клевету на наш образ жизни. И почти все авторы подобных откликов писали: «Не читал, но осуждаю!» И проклинали Пастернака как «Иуду и изменника» за присуждение ему Нобелевской премии по литературе 1958 года. Утверждалось, что премия была инициирована ЦРУ, а Пастернак «продан за тридцать сребреников». При этом никто, конечно, не учитывал, что, как ясно ныне из рассекреченного

Нобелевского архива, писатель выдвигался на премию аж шесть(!) раз – в 1947, 48, 49, 52 годах, то есть еще при Сталине, и в 1957 и 1958 годах при Хрущеве.

Судя по первой версии, роман «Доктор Живаго» впервые попал в Курган в 1959 году. Однако есть вторая версия того, каким образом «Живаго» добрался до нашего города. И случилось это на год раньше, в 1958-м. К этому времени роман уже имел оглушительный успех за рубежом, но к изданию книги и на языке оригинала, на русском, проявляли интерес крупнейшие издательства Европы и Америки: «Галлимар», «Коллинз», «Фишер», Мичиганский университет и другие. Не только они, но и организации эмигрантов из России выделяли средства на издание книги. Их целью было – донести до советского читателя «антисоветский» роман Бориса Пастернака в период «холодной» войны и предстоящего открытия первой после войны Всемирной выставки в Брюсселе. Потому «Доктор Живаго» срочным порядком к 24 августа 1958 года был напечатан в Бельгии в издательстве «Мутон» для бесплатного распространения среди советских посетителей Всемирной выставки ЭКСПО-58 в Брюсселе. Тираж в 1000 экземпляров разошелся среди наших туристов в павильоне Ватикана, который был расположен между павильонами СССР и США. Возможно, именно из этой тысячи одна или несколько книг и оказались в Кургане.

Экземпляр «Доктора Живаго», принадлежавший когда-то Курганскому филиалу Уральской независимой общественной библиотеки, а ныне областной библиотеке имени Югова, весь испещрен карандашными подчеркиваниями. Кто это делал? Чекист или цензор в силу служебных обязанностей, или рядовой читатель? В любом случае это был образованный и культурный, думающий человек, стремившийся глубже понять замысел автора, тематическое многообразие великого романа, его поэтичность. Подчеркиваются, выделяются целые абзацы и страницы с размышлениями автора и его героев о революции и отношении к ней, о личности в истории, о любви на фоне гражданской войны, о чести и достоинстве, о жизни и смерти.

Марио Таратуфоло. Колташево, февраль, 2026 г.

Кстати, еще раз напомним о поэтичности романа. Как известно, книгу венчают 25 стихотворений из тетради главного героя романа Юрия Живаго, который был не только доктором, но и поэтом. Подборка начинается стихотворением «Гамлет»:

Гул затих. Я вышел на подмости.
Прислонясь к дверному косяку,
Я ловлю в далеком отголоске
Что случится на моем веку.

Подчеркивание в курганском экземпляре романа первых строк его стихотворной главы логично завершается выделением последних четырех строк последнего стихотворения «Гефсиманский сад»:

Я в гроб сойду и в третий день восстану,
И, как сплавляют по реке плоты,
Ко мне на суд, как баржи каравана,
Столетия поплывут из темноты.

Роман Бориса Пастернака «Доктор Живаго» создавался в течение десяти лет, с 1945 по 1955 год, и является вершиной творчества автора – прозаика, поэта, драматурга, переводчика. Рисуя широкое полотно жизни российской интеллигенции на фоне драматического периода от начала XX столетия до Великой Отечественной войны сквозь призму биографии доктора-поэта, да и своей тоже, Пастернак затрагивает вопросы жизни и смерти, проблемы русской истории, интеллигенции и революции, христианства, еврейства.

Книга была негативно встречена советской партийной и официальной литературной средой и запрещена к изданию из-за неоднозначной позиции автора по отношению к Октябрьской революции 1917 года и последующей жизни страны.

О сюжете. Главный герой романа, Юрий Живаго, предстает перед читателями маленьким мальчиком на первых страницах произведения, описывающих похороны его матери: «Шли и шли и пели «Вечную память»... Юра – потомок богатой семьи, сделавшей себе состояние на промышленных, торговых и банковских операциях. Брак родителей не был счастливым: отец бросил семью еще до смерти матери. Осиротевшего Юру на некоторое время приютил дядя, живущий на юге России. Затем его принял родственный круг в лице профессорской семьи Громеко в Москве.

Исключительность Юрия становится очевидной довольно рано – еще юношей он проявляет себя как талантливый поэт. Но при этом решает идти по стопам приемного отца Александра Громеко и поступает на медицинское отделение университета, где также проявляет себя как талантливый врач.

В начале романа перед читателем постоянно возникают новые лица: адвокаты, революционные комиссары, врачи, сестры милосердия, партизаны, министры, бывшие дворяне и купцы и их дворники. В этом людском водовороте на фоне Первой мировой войны, а затем и Гражданской, на фоне революции возникает фигура Ларисы Антиповой, жены комиссара, Лары. Ее прообразом стала Ольга Ивинская, последняя и самая сильная любовь Бориса Пастернака. Он называл ее «Лара моего романа».

Юрия Живаго и Лару судьба сводит во время Первой мировой войны в прифронтовом городке, потом разлучает, и затем, уже во время Гражданской, они встречаются на Урале. И вновь разлука – Лара на Дальнем Востоке, а Юрий возвращается в Москву, где женится на дочери дворника Маркела. Юрий постепенно

*Людмила Таратуфуло и Серджо Д'Анджело.
Сан-Мартино-аль-Чимино, 2021 г.*

опускается, забрасывает научную и литературную деятельность и, даже осознавая свое падение, ничего не может с этим поделать. Однажды утром, по дороге на работу, ему становится плохо в трамвае, и он умирает от сердечного приступа в центре Москвы. Проститься с ним к его гробу приходят сводный брат Евграф и случайно оказавшаяся рядом Лара, которая вскоре после этого пропадет без вести.

Впереди будут и Вторая мировая, и Курская дуга, и прачка Таня, которая поведает убежденным седидами друзьям детства Юрия Андреевича – Иннокентию Дудорову и Михаилу Гордону, пережившим лагеря, аресты и репрессии конца 1930-х годов, историю своей жизни. Окажется, что это дочь Юрия и Лары, брат Юрия генерал-майор Евграф Живаго возьмет ее под свою опеку. Он же составит сборник сочинений Юрия – тетрадь, которую читают Дудоров и Гордон, сидя у окна, из которого открывается панорама Москвы, в последний сцене романа. Текст романа завершают 25 стихотворений Юрия Живаго.

По мнению биографа и исследователя творчества Пастернака писателя Дмитрия Быкова (признан Минюстом РФ иностранным агентом, внесен в перечень террористов и экстремистов), сюжетом символистского романа стала собственная жизнь Пастернака, но не реально им прожитая, а та, какой он хотел бы ее видеть. Юрий Живаго, согласно той трактовке, является олицетворением русского христианства, главными чертами которого Пастернаку виделись жертвенность и щедрость. Образ Лары литературовед ассоциирует с Россией, вечно мятущейся роковой страной, сочетающей в себе неприспособленность к жизни с удивительной ловкостью в быту.

Академик Дмитрий Сергеевич Лихачев писал о романе «Доктор Живаго» как об автобиографии, в которой удивительным образом нет внешних фактов, совпадающих с реальной жизнью автора. И тем не менее автор как бы пишет за другого о самом себе. Это духовная автобиография Пастернака, написанная им с предельной откровенностью.

Об автографическом характере произведения писали и другие литературоведы. Ольга Ивинская свидетельствовала, что «само имя Живаго возникло у Пастернака, когда он случайно на улице «наткнулся на круглую чугунную плитку с «автографом»

фабриканта Живаго и решил, что пусть он будет такой вот, неизвестный, вышедший не то из купеческой, не то из полуинтеллигентской среды; этот человек будет его литературным героем».

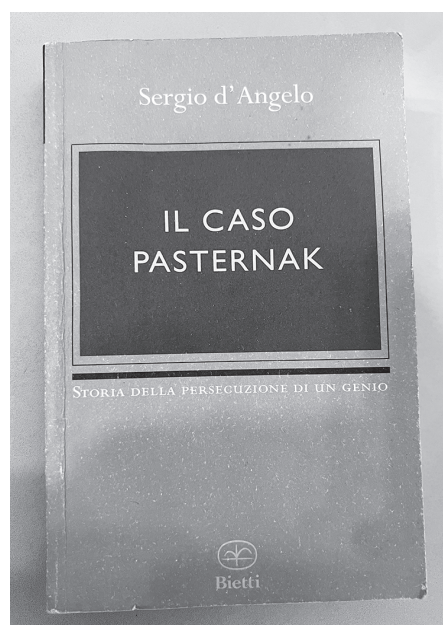
О прототипе доктора Живаго сам Пастернак сообщал следующее: «Я пишу сейчас большой роман в прозе о человеке, который составляет некоторую равнодействующую между Блоком и мной (и Маяковским, и Есениным, быть может). Он умрет в 1929-м. От него останется книга стихов, составляющая одну из глав второй части. Время, обнимаемое романом, – 1903–1945 годы. По духу это нечто среднее между Карамазовыми и Вильгельмом Мейстером».

На роман также могла повлиять книга Максима Горького «Жизнь Клима Самгина». Произведение Горького в свое время вызвало высокую оценку и интерес со стороны Пастернака, как видно из их переписки. Роман Пастернака вполне мог быть «ответом» на роман Горького.

В декабре 1955 года Пастернак написал писателю Варламу Шаламову: «...я окончил роман, исполнил долг, завещанный от Бога, но кругом ничего не изменилось». Весной 1956 года рукопись только что оконченного романа была предложена двум ведущим литературно-художественным журналам – «Новый мир», членом редколлегии которого был и Пастернак, «Знамя» и альманаху «Литературная Москва». Везде был получен отказ в публикации.

Летом 1956 года Пастернак, не надеясь на скорую печать романа в СССР, через журналиста, коммуниста и сотрудника итальянского радиовещания в Москве Серджо Д'Анджело передал копию рукописи итальянскому издателю, тоже коммунисту, Джанджакомо Фельтринелли. В ноябре 1957 года роман был впервые издан на итальянском языке в Милане в издательстве Фельтринелли, вопреки всем усилиям Кремля и итальянской компартии (за это Фельтринелли был позднее исключен из партии). В августе 1958 года в Голландии тиражом 500 экземпляров было выпущено «пиратское» (без согласования с Фельтринелли) издание на русском языке. Издание на

русском языке по рукописи, не выправленной автором, вышло в свет в Милане в январе 1959 года. Издание на русском языке в Голландии и часть последующих – в Великобритании. США выпустило в карманном формате и организовало бесплатную раздачу книги советским туристам на Всемирной выставке 1958 года в Брюсселе и на VII Международном фестивале молодежи и студентов в Вене. В сообщениях ЦРУ, в частности, было сказано: «Эта книга имеет огромную пропагандистскую ценность не только благодаря ее важному содержанию и свойству побуждать к размышлениям, но и благодаря обстоятельствам ее издания: есть шанс заставить советских граждан призадуматься, что не все в порядке с их правительством, если литературный шедевр человека, который слывет величайшим из ныне живущих русских писателей, не могут прочесть его собственные соотечественники на его собственной родине».

Серджо Д'Анджело
«Дело Пастернака», 1957 г.

*Бочагова Н. Н., Марио Таратуфуло, Лекаркина Е.В., Портнягин В.И.,
внизу – Людмила Таратуфуло. Колташево, февраль, 2026 г.*

В СССР роман в течение трех десятилетий распространялся в самиздате и был опубликован только во времена перестройки. В январе-апреле 1988 года «Новый мир» опубликовал авторский текст романа, предварив его предисловием Дмитрия Сергеевича Лихачева. Почти все последующие издания «Доктора Живаго», как в однотомнике, так и включенное в собрание сочинений Бориса Пастернака, опубликованы под редакцией поэта Андрея Вознесенского, который хорошо был знаком с Борисом Леонидовичем с юношеских лет, называл его старшим другом, а в 1988 году возглавил Комиссию Союза писателей СССР по творческому наследию Б. Л. Пастернака. Во времена хрущевской «оттепели» Вознесенский, подобно своему учителю, подвергался жесткой критике и гонениям. Не жаловали его и курганские идеологические начальники, отказав ему, например, в посещении областного центра для творческих встреч и выступлений. Андрей Андреевич очень хотел побывать в Кургане, ведь здесь во время Великой Отечественной войны он подростком несколько лет жил и учился в школе. Зато сегодня на фасаде гимназии № 30 в память об этом среди других почетных знаков, посвященных бывшим ученикам школы, героям труда и войны, установлена мемориальная доска Андрея Вознесенского.

Раз уж перо автора этих заметок вновь оказалось в Кургане, то следует вспомнить и Серджо Д'Анджело, того самого, которому в 1956 году Пастернак передал рукопись «Доктора Живаго». Старый солдат, прекрасный журналист и писатель, автор книг «Декабрь-43» и «Дело Пастернака: воспоминания очевидца» скончался в Италии в марте 2022 года. Он умер в возрасте 100 лет в своем доме в маленьком городке Сан-Мартино-аль-Чимино. Здесь же жили Марио и Людмила Таратуфуло, а сейчас они живут в селе Колташево близ Кургана. В начале этого года в информационной программе «Вести» Курганского телевидения прошел небольшой сюжет об этой русско-итальянской супружеской паре, о том, как они строили и построили дом. Тогда я подумал: вот тоже новости! Немало иностранцев в наше время приезжает на жительство в Россию. В конце концов,

что мы итальянцев не видели!? У нас знаменитый путешественник Карло Маури полгода жил, книжку о докторе Илизарове написал. Да и вообще, когда Курган был побратимом итальянского города Руфина, итальянцы часто гостили у нас, а наши делегации отправлялись в Италию.

Но вскоре после телесюжета мне позвонила филолог, профессор Курганского государственного университета Наталья Николаевна Бочегова и сказала, что, кажется, чета Таратуфуло была знакома с Серджо Д'Анджело. И мы написались в гости к Марио и Людмиле.

Все оказалось правдой и подтверждено совместными фотографиями и автографами Серджо Д'Анджело на его книгах. Марио и Людмила знакомы с ним с 2006 года, тогда Серджо было 84 года. Рассказывает Людмила: «Однажды он сломал ногу, передвигался на инвалидной коляске и попросил о помощи. Мы жили, можно сказать, по соседству, и каждый божий день я приходила в дом к Серджо и, наведя порядок, слушала его рассказы. О том, как после передачи пастернаковской рукописи его выслали из СССР, как он передал далее бесценный экземпляр издателю, миллиардеру Джанджакомо Фельтринелли, и как они радовались, взяв в руки первые экземпляры великой книги. Серджо говорил и о создании им Пастернаковского фонда, о своем участии в заседаниях судов о наследстве и наследниках Бориса Пастернака после присуждения ему Нобелевской премии. Кроме уборки, приготовления еды, медицинских процедур, я помогала Серджо в его работе над большой почтой, в переводах с языка на язык, в корректуре его статей».

Серджо Д'Анджело был благородным человеком. Об этом говорит следующий случай. В ноябре 1964 года он предложил издателю Фельтринелли учредить и возглавить Премию имени Пастернака. Для финансирования проекта он предложил в легальном порядке использовать письмо, которое Пастернак написал и передал Серджо в присутствии Ольги Ивинской для Фельтринелли. В этом письме Пастернак распорядился передать Серджо Д'Анджело в качестве компенсации за высылку из СССР осенью 1957 года половину всех причитающихся ему за «Доктора Живаго» гонораров. Сумма нешуточная, эквивалентная не одному миллиону долларов. Поэтому-то на том письме, которое по настоянию Пастернака Серджо прочел в присутствии Ольги Ивинской, он написал печатными буквами напротив касающихся его строчек жирное NO. И объяснил Борису Леонидовичу, что не согласился на столь непропорционально большую сумму, так как надеялся, что писатель рано или поздно получит возможность сам владеть столь значительным гонораром. Получив это письмо, Фельтринелли показывал его многим своим сотрудникам, хваля Серджо за NO – отказ от больших денег из гонорара Пастернака...

– Да, – говорит Людмила, – Серджо был благородным человеком. Душа его успокоилась там, в Италии, но и в Кургане частичка его сердца с нами.

Потом мы говорили и о других книгах и людях, о курганском житье-бытье. Молчаливый Марио, много понимающий по-русски, но не говорящий на русском, изредка поддакивал и открывал бутылки с прекрасным итальянским вином. Людмила угощала нас своими вкусностями и, ловко лавируя между русским и итальянским речениями, вспоминала свое детство и учителей Кетовской средней школы, в которой она училась. Судьба у нее непростая и заслуживает отдельного рассказа.

Дело дошло до песен. Пели всё и все, даже я, безголосый, подпевал. Русские песни хороши, но закончили гимном гарибальдийских партизан *Bello ciao*. Песня-приветствие и песня-прощание дарила надежду на дружбу с «курганскими итальянцами»...

Такой у меня получилась итальянская история «Доктора Живаго».

**Нина Ефимовна
УКРАИНЦЕВА**

Педагог, кандидат филологических наук, доцент. Автор вузовских учебных пособий по культуре речи, работ по фольклористике, литературной критике, когнитивной лингвистике, монографии по творчеству В. Ф. Потанина, составитель книги документальных материалов и очерков о жизни села, научного сборника песен казаков Южного Зауралья. Автор сборника стихов «Водопад» (под псевдонимом Н. Соловьева).

В «Тоболе» публикуется впервые.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ СРЕДСТВ ВЫРАЖЕНИЯ КОМИЗМА В КУЛЬТУРЕ КАЗАЧЬЕГО СОСЛОВИЯ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

Представления о культуре казаков всегда связываются с воинскими печальными песнями этого сословия. Казаки не знали крепостного гнета, но за свою свободу обрекались, по сути, на пожизненную военную службу, что и отразилось в их песенном фольклоре. Однако фольклорные речевые средства народа разнообразны, и наблюдения их говорят о своеобразной смеховой культуре казачества, которая по-своему воспитывала мужественный характер.

Обратимся к средствам комизма, встречающимся в фольклоре бывших казачьих станиц Южного Зауралья, и проследим пути освоения их народной культурой.

Исходя из определения комического как социально-культурной реальности, как «общественно значимого противоречия действительности», критически отраженного в искусстве [1, с. 98–99], можно говорить и о комическом в фольклоре, как искусстве слова. В XVIII – XIX веках в русской народной культуре шел процесс переосмысления и трансформации смеховой традиции. Смех из формы восприятия картины мира, выявления его законов превращался в другие формы, приобретал социальный характер. Классический фольклор осваивал юмор и сатиру, обогащался такими оттенками, или средствами смеха, как шутка, ирония, сарказм, парадокс и другими.

В формировании представлений народа о комическом важную роль играл фольклорный театр. Фольклорный театр долгое время являлся неотъемлемой частью праздничных гуляний, воздействуя на повседнев-

ную речь людей. О его роли в духовной жизни русского народа свидетельствует обращение к фольклорному театру исследователей в XIX – начале XX века. Ими записываются тексты прибауток, комических диалогов, которые звучат на ярмарках. В 1860-е годы А. С. Гациским собраны прибаутки нижегородских раёшников [2]. Раёк – вид народного театра, небольшой ящик, в котором показывали картинки под присказки и прибаутки (художественный прообраз телевизора). В 1905 году Н. Н. Виноградовым и В. Н. Добровольским издаются тексты о русском вертепе (рождественском театре с куклами на стержнях) и кукольном театре [3]. «Непременной частью праздничных увеселений – отмечают А. Ф. Некрылова, Н. И. Савушкина (1988) – с начала XIX века становится раёк (или потешная панорама), завоевавший популярность у зрителя. Веселая речь раешников раздавалась на Марсовом поле Петербурга и на ярмарках Нижнего Новгорода, Саратова...» [4, с. 17]. «Над приключениями героя кукольного театра Петрушки смеялись не только жители столичных и уездных городов, но и крупных сел и небольших деревень, казачьих станиц» [4, с. 252].

В 2013 г. появилась замечательная публикация рукописи конца XIX века (казака-подполковника Н. В. Агапова) о походной жизни оренбургских казаков в Средней Азии. Учеными отмечена интересная художественная черта этого автора. Комментируя рукопись, Т. И. Рожкова говорит об использовании в тексте «низовой литературы» казачества элементов фольклорной речи, раешного стиха – стремления автора «сочетать сходно звучащие слова как в пределах одного предложения, так и в целых фрагментах» [5, с. 325], что придает его воспоминаниям живость и динамичность:

«В заключение всего, ныне нет уже того, не проходит и одного дня, чтоб не случилась между русскими и ордынцами резня, и это уж время прошло, и явилась повсюду тишина, и вся Азия Белым Царем покорена» [5, с. 103]. По мнению исследователя Т. И. Рожковой, раешный стих в тексте рукописи «не только способствует созданию комического эффекта, но и маркирует значимые фрагменты текста» [5, с. 325].

Подмечена в «Записках...» и другая особенность организации слова, также прием фольклора – театрализация, уход от одного авторского голоса к голосам других персонажей:

«...посадив рядом с собой меня, Савин полковник начал расспрашивать:

– Ну, есаул, как ты с командой ездил в аул? Нам послушать угодно, Расскажи все нам подробно с начала и до конца, и как выручили сотника Алабужина-молодца (он вас, я думаю, ожидал, как родного отца), и всю его команду, и по долгу присяги скажи же всю правду.

– Я буду говорить всю правду, верьте мне.

– Вот расскажите словесно, и дело будет чудесно» [5, с. 90].

Таким образом, в письменной речи оренбургского казака отражена его манера говорить, рассказывать – речь устная, и на ту и на другую оказал влияние фольклор, в том числе жанры фольклорного театра, шуточные песни, забавные пословицы и поговорки, присловья и другое. Разговорно-просторечный стиль «Записок...» Н. В. Агапова препятствовал их публикации в XIX веке, хотя они содержали важные исторические сведения. Народные представления о комическом органично вписывались в культуру оренбургского казачества, несмотря на суровые условия жизни сословия и строгость нравов. Так, об интересе казачества к фольклорному театру говорит включение А. И. Мякутиным в IV том собрания «Песен оренбургских

казаков» народной драмы «Царь Максимилиан» (1910), текст которой представляет собой «ритмическую прозу, основанную на повторах и перечислениях, что отвечало ее романтическому складу, открывало возможность для импровизации» [4, с. 37]. В вольной казачьей среде процесс освоения фольклором форм и средств комизма проявлялся весьма активно. Язык шуток, поговорок, прозвища сельчан достаточно ярко представлены в фольклоре исследуемых нами южных районов Курганской области, бывших территорий ОКВ (Оренбургского казачьего войска). Атмосфера праздничной площади, которая несла веселье и смех, царила, например, на ярмарках станицы Звериноголовской, крупного центра торговли с Азией в XIX – начале XX века. Станица находилась на границах четырех губерний: Оренбургской, Тургайской, Акмолинской, Тобольской, ее меновой двор и торговые обороты конкурировали с Троицком, Петропавловском, иногда с Оренбургом и Омском. Она была близка к Уральским заводам, и к ней направлялись торговые караваны из Средней Азии. Продавались огромные табуны киргизского скота, привозимые из внутренних губерний мануфактурные товары, хлеб, другие продукты и сырье земледелия и скотопромышленности, сосновый строительный материал, востребованный в степных районах [6, с. 26]. По словам профессора, доктора медицины Н. А. Воденникова (из Санкт-Петербурга), детские годы которого прошли в этих краях, на ярмарках «ставились балаганы для игр, развлечений, карусели, выступали канатоходцы. Всюду слышалась музыка, царило веселье...» [6, с. 38]. Кроме крупных ярмарок, по воскресеньям еженедельно устраивались базары, от 700 до 1000 подвод (упряжек лошадей), около 20 процентов торговцев составляли местные жители. С размахом праздновались престольные и другие православные праздники. Сочетание деловитости, торгового азарта и увеселений накладывало отпечаток на стиль общения казачества и фольклор. Перенимался балаганный раус – разговор комедиантов в форме диалога с особым распределением ролей. Так, на базар в Зверинку беловские жители традиционно везли репу и капусту, поэтому их здесь называли «репниками». Бывало, если один сосед не расслышал другого и переспросил, что было сказано, то мог услышать в ответ прибаутку: «Беловцы-репники с репой едут. Беги нагишом, полон подол накладывают». – «Хто, хто едут?» – «Хто, хто! Дед Пыхто!». О кочердыках, славившихся зеленым луком-батунот: «Кочердыкы на арбе, | С поперечиной дуга, | Бутуну-то, бутуну-то – | Покупайте, господа» [7, с. 126]. В станице Усть-Уйской, где в 1900 году насчитывалось 555 дворов, также дважды в год проходили ярмарки: с 9 по 12 марта и с 21 по 24 ноября [8].

Предания о ярмарочных днях и праздниках передаются от поколения к поколению, например о престольном празднике Воздвижения:

«От родителей помню. Собиралось много народу. Пускались в беги по «царской дороге», как она раньше называлась <действительно, это дорога, по которой проезжал престолонаследник Николай II, – Н. У.>. Вот к первым лесам, за грань, 12 километров, туда заводили бегунцов <бегунцов – участников конных бегов – Н. У.>. Едут туда шагом. Они туда уедут, а тут делают заклады: кто приедет первым. Боролись, пока бегунцы уедут. Богатые закладывали деньги. Если я оборол, а он за меня закладывал – значит, выиграл. Некоторые «бросали на подъем», а некоторые «били под ногу». Свалить надо было. Бороться приезжали с разных мест. Священник у нас тут был, Хомутов, – его никто не мог перебороть. Здоровый был! Ребятишки не боролись, только мужики. Взрослые. Для потехи богатых мужиков

чан делали, котел. Разводили болтушку из муки в этом котле. Бросали 10 копеек, 15 копеек, и вот находились такие ухаря – один выходил такой, он, значит, лазил в эту болтушку головой и эти 10–15 копеек ртом доставал. Сколько он их там доставал?! Богатым, значит, для потехи. Что им, жалко, что ли? Победителям забегов устанавливался приз» (записано от Зайцева А. И., 1908 г. рожд., с. Звериноголовское) [7, с. 70]. Таким образом, наряду с традиционными казачьими соревнованиями – конные бега, борьба – на праздниках были и потешные, увеселительные.

О Масленице, где имело место ряженье как театрализация:

«В Масленицу катались на лошадях, парни – верхом, а девки – в кошовках. Бега были по улице. Город делали на болоте. Круглый – кибиткой. Ребятишки лазили на него с тычками. Артелями брали город. Наряжались всяко: кто кыргызухой, кто цыганкой. Ходят из дома в дом, пляшут. Только водки подавай! Катаются с четверга. Блины пекут всю неделю» (записано от Садовщикова А. И., 1907 г. рожд., с. Отряд-Алабуга [7, с. 73]. Ряженье в XIX веке уже утратило ритуальный смысл, рядились, чтобы вызвать веселый смех, причиной которого часто был «комизм несходства», отличия норм бытия разных национальностей [9, с. 45].

Интересно, что жители бывших станиц до сих пор используют раешный стих (рифмованную прозу), чтобы описать интересное событие из жизни села, такие произведения даже отправляются в местные районные газеты, например рассказ о сельском фольклорном ансамбле: «Живем мы от управы до управы <управа – уход за домашним скотом, птицей по утрам и вечерам – Н. У.>, и вот однажды разорвали круг, и с нервами, слезами и скандалом мы потряслись, казачки, в Оренбург. И притчей во языцех это стало. Казачью свадьбу в Оренбурге мы справляли <инсценировали – Н. У.>, нас денежками люди одаряли. Мы в Оренбурге были на казачьем круге, объездили с ансамблем всю округу: Зверинка, и Курган, и Куртамыш, и Заволокин приглашал нас в Юргамыш» [10].

Есть мемораты о существовании в XIX веке в ст. Звериноголовской народного театра, представления которого проходили в манеже казачьей школы: «Я еще школу захватил, в первый класс ходил, это при царизме. Школа была там, где почтовая связь. Это была казачья школа. <...> Строевые занятия проходили у казаков. У нас был выстроен манеж, ширина – метров 8 и длиной – 50. Первая половина – 10 рядов – там были сиденья, а на второй половине занимались строевой подготовкой. <...> Сиденья – скамейки. Здесь проходили спектакли. Это был второй театр <«второй» – в значении «самодеятельный, но не хуже профессионального» – Н. У.>. Хорошие, грамотные казаки были – интеллигенция. Они на все способны. Они хорошие давали пьесы. Вечером. Все было честь честью» (записано от Логинова М. Н., 1909 г. рожд.; с. Звериноголовское, 1993 г.) [7, с. 248]. Созданию народного театра способствовала, действительно, образованность казачества. В 1843 г. здесь уже работали мужская и женская станичные школы, преобразованные затем в двухклассные училища. В 1848 г. открыто четырехклассное училище (и это в сельской местности, в ста километрах от ближайшего города). Думается, что народный театр появился в глубинке не на пустом месте, изначально был обусловлен интересом станичников к театру фольклорному.

Комическую окраску носят паремии. В речи локуса и по сей день можно услышать грубоватые и бесцеремонные поговорки, используемые для характеристики поведения и качеств человека. В них искусно используются такие средства комического, как пародирование, гиперболы, метафоры, карикатура, алогизм: «Шляешься

где-то, как просвирня долговска» (как видно, просвирню из деревни Долговской редко можно было застать дома); записано от Рябковой А. Д., 1914 г. рожд.; «языком за угол зацепилась» (потратила время на болтовню, встретив на улице знакомых; записано от Рябковой Л. И., 1954 г. рожд.). «Не прокиснем» (шутливое оправдание, если по какой-то причине вовремя не истопили баню, не сделали уборку и т. п.); «Шошка, Ерошка да Колупай с братом» (о тех, от кого никакого толку); «Дел как у Шайдачихи» (у жены шайтана); «Щека щёку ест» (о чрезмерно худощавом человеке); «Г...ны выжимки» (о жадном, скупом; записано от Воденниковой Л. П., 1952 г. рожд.) [11]; «По пути – на Линёво по воду» / ушел на Линёво по воду» (не скоро дождешься возвращения, т.к. озеро Линёво расположено вдали от села, в стороне от дорог; записано от Скардиной З. А., 1934 г. рожд.); О том, как высмеиваются любительницы посудачить, на минутку забежав к соседке или куме, свидетельствуют и другие присловья: «Я пошла, а ты квашню примешивай» или «Кума, ты шей куму штаны, а мне идти надо» (такими фразами время от времени иная болтливая гостя прерывает долгие пустые разговоры, но не уходит, пока у трудолюбивой соседки не подойдет тесто или пока кума не сошьет штаны; записано от Скардиной З. А., 1934 г. рожд.) [12].

Шуточных песен в крае сохранилось немного, одна из них – «Трошиха», не просто забавная, но демонстрирующая сатирический взгляд сельчан на характеры друг друга. По сути, текст песни строится с помощью раешного стиха, сочетания сходно звучащих слов: «Ой, Трошиха, трошилася, | По середке сугорбилася. | У Трошонки избенка худа, | Не промыта, непроскобленная. | Солучилася у Трошихи любовь – | Потерялася из погреба морковь. | Ее девки повытаскали, | Раскрасотки повысакали. | Насакали два подола да мешок, | Наварили две чугуны <два чугуна – Н. У.> да горшок. | Они маслом помазывали, | Молодых ребят приманивали: | - Вы ребята, ребятушки, | Приходите на вечерочки, | Как у нас на вечерочках | Да сидят все девчоночки! (Записано от Софроновой Ф. И., 1941 г. рожд.; также пояснение: «Бабушка пела «Трошиху». Берет заслонку, по ней ударяет шабалой, в такт поет. Шабалой самодельной доставали уголь из печки, для пельменей была шабала»). Судя по комментарию, эта шуточная песня представлялась, игралась [12]. Бытовая сатирическая картинка, нарисованная с помощью гиперболы, и ныне вызывает дружный смех слушателей. Объект осмеяния – кичливая нечистоплотная Трошиха – бойко охарактеризована в двух-трех словах: «трошилася», чересчур гордилась собою, хотя уже и «сугорбилася». Лучше бы ей навести порядок в избе – казачки чисто дом ведут, так что последнее дело, если изба «не промыта, непроскобленная». «Девки» посмеялись над неряхой Трошихой, чтобы не важничала попусту. Любовь-морковь, вечерки – для молодых. Нужно заметить, что в песне изображается озорство молодежи, которое не поощрялось, поскольку нравы были суровыми, но и не относилось к воровству. «Девки повытаскали» морковь не с целью обогащения, а чтобы посмеяться. И эту тонкую грань сюжет песни не переступает. В крае до сих пор знают от старожилов, что казаки жестоко наказывали за кражу, так, за украденных коней не сносить было головы. До второй половины XIX века пойманный вор подвергался публичному осмеянию: «Жила у нас приезжая женщина. Своровала лук, вырвала с гряды и связала в косы. Косы у нее нашли, повешали на шею, и казаки водили ее по улицам. Не били, а просто водили. Это позор. Еще хомут надевали на шею за воровство» (записано от Черкасова А. В. в 1988 г., пос. Казак-Кочердык) [7, с. 249].

Жители станиц выражали ироническое отношение друг к другу, навязывая прозвища. Этот процесс использования фольклором языковых средств удивляет разнообразием приемов создания комического. Во-первых, традиционно прозвища лаконично помогали различать множество однофамильцев и семьи родственников с одинаковыми фамилиями. Например, в Казак-Кочердыке одни Резепины в отличие от других звались «Сороками» по той причине, что дом их стоял возле Сорочьей «лывы» (лужи – Н. У.). Сапожниковы были «Барьки», а другие Сапожниковы – «Яры» (от слов баран и ярка, например, Коля-Яра). Одни Половниковы получили прозвище «Пчелки» – за трудолюбие, другие звались «Коротельки» – за малый рост. Прозвище можно было получить и по другой причине – попав в забавную ситуацию, продемонстрировав смешную черту характера (прием «посрамления воли»), когда комизм вызывается мелкими житейскими ситуациями [9, с. 71], ляпнув не к месту необдуманное слово или просто оговорившись («автоматизм речи»). Максимовых, например, из века в век называли «Субботами», так как дедушка их однажды оговорился, сказав «у нас много субботы» вместо «много работы» (записано от Середовских Н. В. в 2010 г., с. Казак-Кочердык) [7, с. 127]. Эту традицию не изжила наступившая эпоха всеобщего среднего образования. В этом же селе, когда в годы перестройки мир перевернулся с ног на голову, в одной из семей тронулись умом сразу два брата (возможно, имевшие наследственную предрасположенность к такому заболеванию), умные парни, закончившие один брат – техникум, другой – вуз. Людская молва сразу присвоила им прозвище «братья Карамазовы» (записано от Скардиной З. А., 1934 г. рожд.) [12] – в нем и жестокое осмеяние, и сочувствие трагедии, и, кроме того, своеобразная маркировка, которая указывала, что нужно остерегаться этих односельчан. О приеме «комизм сходства» в фольклоре, часто выражающемся в дублировании персонажей, писал В. Я. Пропп: «В русском фольклоре классическим образцом сдвоенных персонажей служат братья Фома и Ерема» [9, с. 41]. Подобные наблюдения демонстрируют, как повседневность, в которой «от великого до смешного один шаг», имея под собой корни традиции, перевоплощается в устное словесное творчество.

Грубый, не брезгающий бранным словом раешный стих прорывается в детском фольклоре бывших станиц: «Тень-тень-потетень, |Выше городу плетень. |Бояры наехали, |Собак навезли, |Собаки сдурели – |Попа укусили. |Поп с крестом, |Попадья с пестом. |Маленький Макарка – |И тот с огарком. |Маленька Матрешка – |И та с поварешкой» <поварешка – половник, Н. У.> [7, с. 196].

Совершенно очевидно, что «в пределах каждой из национальных культур разные социальные слои будут обладать различным чувством юмора и комического и разными средствами его выражения» [9, с. 26]. Представления казачества Южного Зауралья о комическом, отразившиеся в фольклоре, формировались на основе речи русского фольклорного театра. Несмотря на грубый характер речи, смех служил социальным средством исправления нравов. Фольклор, выступая репрезентантом ментально-культурных установок казачьего края, с помощью средств комизма регулировал общественное поведение, демонстрировал оптимизм служилого сословия, его своеобразный иронический нрав.

Казачество как сословие было упразднено, но не оттуда ли берет начало смеховая культура солдатской среды? Уже в годы Великой Отечественной войны А. Т. Твардовский писал в известной «Книге для бойца»:

Жить без пищи можно сутки,
Можно больше, но порой
На войне одной минутки
Не прожить без прибаутки,
Шутки самой немудрой.
Не прожить, как без махорки,
От бомбежки до другой
Без хорошей поговорки
Или присказки какой.

Помогает юмор и бойцам СВО. И если удастся позвонить после тяжелого задания родным, то находят в себе силы на все вопросы отвечать шутливо: «Норм!»

ЛИТЕРАТУРА

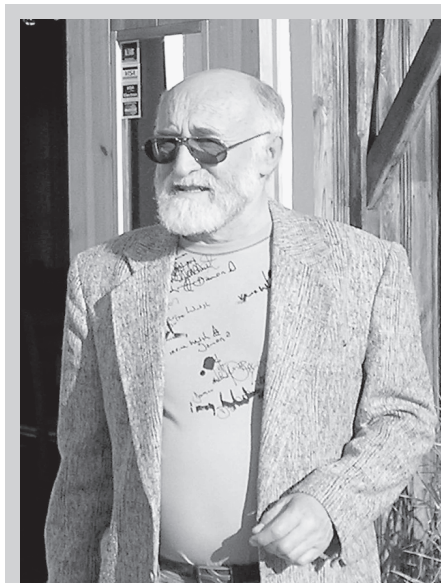
1. Боров Ю.Б. Эстетика. 3-е изд. М.: Политиздат, 1981.
2. Гациский А.С. Ярмарочные райки // Нижегородский сборник. Н. Новгород, 1867. Т.1. С.225-228.
3. Виноградов Н.Н. Великорусский вертеп // Известия ОРЯС. 1905. Т.10, кн.3. С.360-382.
4. Некрылова А.Ф., Савушкина Н.И. Фольклорный театр. М.: Современник, 1988.
5. Записки Н.В. Агапова из походной жизни оренбургских казаков: Научная публикация и исследование текста / Сост. И.А. Филиппова, Е.В. Годовова, С.А. Моисеева. – Оренбург, 2013.
6. Станица на Тоболе / Сост. М.И. Хлызов и [и др.]; под ред. В.В. Пундани. – Курган: ГИПП «Зауралье», 2002.
7. Русский дом. Русские семейно-бытовые традиции, обряды, говоры, заговоры, поверья в рассказах и песнях старожилов Зауралья / Авт.-сост. Л.А. Саверский. – Шумиха: ОГУП «Шумихинская типография», 2013.
8. Архив кафедры древнерусской литературы и фольклора Курганского государственного университета. Усть-Уйское – 1983.
9. Пропп В.Я. Проблемы комизма и смеха. М.: Искусство, 1976.
10. Середовских Н.В. И кладезь песенный, и слог // Голос целинника. 2013. 18 января. №3.
11. Фольклорный архив кафедры русского и иностранных языков Курганской ГСХА. Звериноголовский район – 2013.
12. Фольклорный архив кафедры русского и иностранных языков Курганской ГСХА. Целинный район – 2014.

КИТАЙСКИЙ ДОБРОВОЛЕЦ, ИЛИ ЖИЗНЬ ПОСЛЕ ШУМИХИ

Мне было тогда восемь лет, но помнится всё хорошо. Еще бы – после простой и тихой жизни на нашей небольшой станции Хаке сесть в поезд и отправиться в другую страну! Мама и отец говорили, что возвращаемся на родину. Но я знал, что их родиной была Россия, а теперь мы едем в Советский Союз, в Сэ-Сэ-Сэ-эР! Там, в Союзе, озеро-море Байкал, там Москва и другие большие города, там в прошлом году хоронили Сталина, и у нас на станции в тот день громко ревел паровоз. А когда-то к нам приходили советские солдаты, от них, прямо по нашей картошке, задами, драпали японцы. Ну, это еще до меня, сам я этого не видел. Больше, много больше я знал о Забайкалье, дивной стране моей бабушки, о которой она и песни пела, и сказки говорила. С обычной грустью, похожей на плач, рассказывала бабушка о завидной жизни в тех краях «до беды», то есть до грабежей, до стрельбы, до бегства с родной земли. И все, что у них тогда было, они потеряли. И ничего этого не вернешь. Да и все из тех, кто жил на нашей Второй улице, да и на Первой (она первая от железной дороги), все, кого я знал или видел на службах в церкви, тоже бежали, спасаясь. А кто тогда не успел убежать, те не спаслись, их давно нет на свете. И вот теперь мы едем к тем самым красным, от кого бабушка и дедушка, все наши старики укрывались в Маньчжурии, едем жить к ним. Тут забоишься!

– Смотри, Миша, там, кажись, вороны летят! Живность! Не пропадем, ворон стрелять будем!

Сосед Иван Кузнецов, дядька большого роста и очень сильный, перебежал на станции к нам из своего вагона, и вот они

**Геннадий Михайлович
ЛИТВИНЦЕВ**

Член Союза писателей России. Окончил Уральский государственный университет им. М. Горького, исторический факультет. Работал журналистом, корреспондентом центральных газет в разных регионах страны. Автор восьми книг (художественная проза, публицистика). Живет в Воронеже.

В «Тоболе» публикуется впервые.

с отцом, сидя у окна друг против друга, как-то невесело балагурят. Пятый или шестой день пошел, как поезд пересек границу и едет по Советской стране. Едва проснувшись, я тут же липну к окну. Смотреть не наскучит – всё новое, невиданное. Позади остался Байкал. Стояли на пустынном его берегу целый день, с утра до вечера, высыпали из вагонов, пили воду горстями, умывались, кое-кто искупался. Любовались, ахали: все ведь забайкальцы, а самого Байкала прежде не видели. Держали наш поезд так долго в нежилом месте из-за случившегося там крушения грузового состава. Потом, когда тронулись, видели мы из окна страшную картину: множество лежавших внизу вагонов.

На больших станциях нас снабжают супом, который почему-то называют солдатским, и кипятком. Длится и никак не кончается Сибирь. А мы и не представляем, куда везут, где та остановка, на которой предстоит сойти и заново устраиваться жить. Собрались в Союз, а что там, как там, – и сами взрослые, кажется, знают ненамного больше детей.

– Нет, поститься придётся, мясное теперь, Иван, видеть будешь только на Октябрьскую и Первомай, – говорит отец. – Магазинов-то, наверное, у них вовсе нет.

– Деньги тогда для чего же? Нет, раз деньги ходят, то и торговля какая-то должна быть.

– А, помнишь, говорили, что коммунисты без денег живут? Теперь вижу, что врал.

Иван Кузнецов достает из кармана рубахи новенькие бумажки, разглядывает:

– Смотри-ка, с Лениным!

– Привыкай!

На приграничной станции с суровым названием Отпор дали нам «подъёмные», помнится, по три тысячи на семью. Зато отняли всё «неположенное» – иконы, книги, граммофонные пластинки. Мне до слёз жалко старой Библии с благословением нашего батюшки Алексея. Да что там, пропала и книга инженера Герасимова о рудах Забайкальского края, подарок деду от царя Николая. Какие картинки были там интересные! А отец побоялся взять книгу из-за царской подписи на обложке, сам и сжег еще дома в печке.

На границе переселенцев встречали «покупатели» живой силы из целинных хозяйств Сибири и Казахстана. Они ходили вдоль эшелона, заглядывали в вагоны, заговаривали – выбирали работников покрепче и помоложе. И получилось так, что наш вагон в числе десяти прочих достался Курганской области, Глубокинскому совхозу. Высадили нас на станции с веселым названием Шумиха и потом повезли куда-то на машинах-грузовичках. Меня, как самого маленького, поместили в кабину, рядом с шофером. Так я впервые увидел машину изнутри. Был месяц июль, поля и степь лежали зелёные. Удивляла совершенная ровность этих мест, без всяких привычных нам гор и сопок. Вдруг машина остановилась в поле, шофер выскочил на минуту и вернулся с охапкой перепутанного гороха, со сладкими молодыми стручками. «Ешь, пацан!» – сказал он мне. Кто такой «пацан», я тогда не знал, у нас так не называли. Но проявление доброты немного приободрило...

После нескольких часов тряского пути машина развернулась у плоских длинных бараков, похожих на китайские фанзы. Множество чужих женщин и детей смотрели на нас во все глаза и угрюмо молчали. Тогда-то и осозналось со всей безысходностью, как далеко мы заехали от родных мест, от привычной жизни, и что назад не вернешься уже никогда, и жить теперь придется среди этих непонятных людей. Взяв

поданную из кузова табуретку, я понес ее к дверям, передо мной испуганно раступились. Позже «местные» признавались, что ждали к себе настоящих китайцев, представлявшихся им, видимо, в ярких халатах, с косичками, с веерами и зонтиками в руках. Наш простой русский вид их, похоже, удивил и разочаровал. Впрочем, в Песках, так звалась та деревня, все равно нас потом звали китайцами.

В темной сырой конуре с просвечивавшимися от худобы стенами (к зиме их мы сами залепили глиной потолще) предстояло прожить несколько лет в режиме карантина: к советским порядкам надо было привыкать постепенно. В таких же соседних бараках обитали сосланные сюда после войны молдаване. А ещё несколько цыганских семей, их тоже приручали к оседлой жизни. Неунывающий их нрав, пение и пляски под гармошку и под гитару, детские драки и ругань придавали барачному житью-бытью незабываемый колорит табора.

Понемногу у наших костров (печки в бараках к нашему приезду не успели сложить, и потому поначалу еду готовили во дворе на кострах) стали появляться и «местные». Поначалу они не решались близко сходить с «китайцами» – всё же люди из-за границы, под присмотром. Первыми, как всегда бывает, осмелели и перезнакомились между собой дети, за ними их матери. На первых порах женщины молча смотрели со стороны, отказываясь переступить порог или садиться с нами за стол. Мужики сходились быстрее. Но мужиков в селе было мало, особенно здоровых, не увечных. Из разговоров понемногу узнавалось, что и как здесь бывало, какую великую войну перемогла страна всего лишь за несколько лет до нас, сколько беды пришло с нею в каждый почти деревенский дом. И перед испытаниями и утратами этих людей собственные лишения казались мелкими и необходимыми. Да сколько же всего предстояло еще узнать и понять, принять в сердце, чтобы не остаться навсегда чужими, приезжими, чтобы по-настоящему, кровно соединить себя с живущими рядом, с незнакомой пока ещё, хоть и русской, землей, свою долю сочетать с общей судьбой! Ведь только тогда могло состояться настоящее возвращение и обретение России, не той, воображаемой, песенной, былинной, эмигрантской, а нынешней, здешней, советской.

В сентябре я пошел во второй класс местной школы. Первые дни, а может, и месяцы в памяти окрашены страхом. Вот кончились уроки, я выхожу из школы – и со всей возможной скоростью, изо всех сил бегу по деревенской улице домой, к нашим баракам. Скорей бы увидеть маму, прижаться к ней, рассказать, как было в классе! Мне страшно среди чужих, они смотрят и ничего не говорят, с китайцами и то было легче. Учительница нас, из Китая, как-то особенно выделяет. Наверное, получила задание перевоспитывать, выяснять наши мысли и настроения. Конечно, Китай – друг Советского Союза, «Сталин и Мао смотрят на нас», но кто знает этих приехавших, их же оттуда выслали почему-то. «Вы ведь ссыльные, вас сослали к нам сюда?» – спрашивали меня местные мальчишки. «Нет, мы сами переехали, добровольно», – отвечал я. В то время радио изо дня в день гремело о «китайских добровольцах», воевавших с американцами в Корее. Вот и меня после стали звать «китайским добровольцем». Да пусть бы дразнили, лишь бы не били!

Классная учительница почему-то плохо относилась к Китаю. «Вы приехали из отсталой страны», – с нажимом говорила она. Это меня обижало.

Но это длилось недолго, чувство китайской родины вскоре стало теряться. Больше обижало другое. Хотя и в хакинской школе мы учились уже по советским учебникам, а на линейке каждое утро пели «союз нерушимый», батюшка отец

Алексей продолжал вести уроки Закона Божьего. Конечно, все в поселке от мала до велика по праздникам ходили в церковь. Жили по двум календарям. Вот, помню, разглядывая советский, я оглашаю бабушке: «А завтра праздник – День Парижской коммуны!» Она мне в руки свой календарь, церковный: «Какой еще коммуны, прости Господи! Завтра мученики, прочти-ка акафист». Как праздновать «Парижскую коммуну» – никто не знает. И мы с бабушкой, конечно, отправлялись к вечерне в церковь помолиться добропобедным мученикам.

Здесь же нет церкви, неизвестно, где теперь батюшка Алексей. Единственной памятью о его наставлениях, о теплой церковной молитве, о причастии, которого мы все были враз лишены, остался нательный крестик. Но и его в школе не спрячешь. Учителка придумала выставить нас, приезжих из Китая, перед классом, как ей хотелось, в жалком и смешном виде. Она велела всем нам, мальчикам и девочкам – а всех наших в классе было человек десять, – выйти к доске и расстегнуть рубашки. Своими большими жесткими пальцами она залезала под рубашку и вытаскивала цепочку или бечевочку с крестиком. «Смотрите, – говорила она, – какие они отсталые, неграмотные, до сих пор верят в Бога. Но в нашей стране нет места религиозным предрассудкам. Скажите, дети: чем вредны эти предрассудки? Кто скажет?»

Снятые крестики учителка всё же вернула. Я спрятал свой крестик в карман. Рассказал дома. Отец тяжело вздохнул: «Сними, что делать. С волками жить...»

Бог есть, думал я, он выше их, он им недоступен. Он потом скажет. А нам надо терпеть, молчать. Крестик хоть на ночь себе надевать. С ним теплее, не так страшно с ним.

Кто мы такие, почему оказались в Китае, как мы там жили, – об этом я побольше узнал, когда стал интересоваться и запоминать рассказанное старшими. Отец любил при случае рассказать о своей жизни, особенно её ранней поре, да многое позабылось из его рассказов или сразу же выветрилось – ленива молодость помнить и беречь предание. Запало, что прадед наш Михаил пришёл в Забайкалье шестнадцатилетним в середине позапрошлого века со своим ссыльным отцом Василием Львовичем. Тот был сослан из западной какой-то губернии, похоже, за участие в одном из крестьянских волнений. Михаил Васильевич в «диких степях» освоился и прижился, служил на Нерчинских рудниках смотрителем и в этом качестве даже был в числе встречавших наследника, будущего Николая Второго, проезжавшего по Забайкалью в июне 1891 года. Прадед преподнёс Цесаревичу большую коллекцию минералов края, за что вскоре получил высланные ему из столицы медаль, кафтан золотого шитья и книгу инженера Герасимова «Очерки Нерчинского горного округа». В том кафтане и похоронили Михаила Васильевича в 1923 году в Маньчжурии. Вот то небольшое, что запомнилось из отцовских рассказов о фамильном древе.

И видимо, захотелось отцу оставить после себя хоть какое-то письменное свидетельство. Тетрадь в зелёной коленкоровой обложке я нашёл в отцовском доме в годовщину похорон. Несколько лет не заглядывал в неё – не то чтобы не было интереса, а как-то смущался, робел. Не обидится ли отец? Но и позволения теперь не спросишь...

Отец ничего не говорил о своих писаниях, держал их втайне, а может, просто забыл сказать, когда я приезжал к нему в последний раз. Тетрадь и совсем могла потеряться. На опустевшее жилище я навесил замок и отдал ключ соседу. Когда

спустя год приехал помянуть, навестить могилу, увидел дом разграбленным. Не было ни холодильника, ни одежды, ни даже мебели.

– Пустил тут Христа ради пожить двоих, вроде как муж с женой, а они вот что, черти, натворили, – оправдывался сосед. – Всё повинытащивали на водку. На что пить, когда не работаешь?

От отцовского обихода остались нетронутыми лишь этажерка с книгами да мрачно-новатого вида тяжелый дубовый буфет. Я знал и помнил его ровно столько, сколько знал и помнил себя. В Маньчжурию старинное изделие попало с родной стороны в числе невеликого другого добра, что деду удалось спасти и вместе с семейством увезти за Аргунь. Спустя много лет буфет перекочевал обратно в Россию, правда, совсем в другие края. И вот, всеми брошенный, скучно доживал он свой век в опустевшем отцовском доме. За стеклом ничего – ни графина, ни рюмок, ни старых, тоже ещё «царских», как говорила бабушка, плоских тарелок, только мусор и пыль. С этажерки я отобрал несколько книг, некогда мной же оставленных. Тогда-то и увидел схороненную за книгами толстую тетрадь. Почти вся она, от корки до корки, была исписана мелким отцовским почерком.

Тетрадь, похоже, заполнялась им в старости, лет за пять-шесть до кончины, писалась урывками, не один год. А между тем вся жизнь его с четырнадцати лет расписана в зелёной тетрадке по годам, а кое-что даже по дням и часам. Дороги Маньчжурии и Монголии, которых немало прошёл он обозником, охотником, гуртовщиком, обозначены точными названиями тамошних сопков, перевалов, падей, озёр, солончаков, пересыхающих в зной речек, призрачных, перемещающихся в пространстве селений. Остались имена некоторых даже и случайных попутчиков, содержателей постоянных дворов и харчевен, полицейских, чиновников, целителей, шаманов и лам. В записках они немногословно говорят о своих делах, беседуют, торгуют, молятся, спорят... Видно, напрягал он память, исписывал тетрадь не для нас, сыновей, или каких-то иных читателей, а для себя самого. Может, и не хотел вовсе, чтобы заглядывал в неё кто-то другой. Себе же всё сгодится, всё дорого. Жалко забыть-утратить собственную жизнь, пусть мало кому известную, пусть сиротливую, которую до поры до времени сам считал не особенно интересной, случайной в сравнении с историческими обстоятельствами, в верчении которых довелось существовать. Только в прошлом человек чувствует себя дома. Прошлое, говорится, и Бог не изменит. Оттуда никто не прогонит.

И вот осталось навсегда, будто сам видел, как по забайкальской Борзе пылят дикие, заросшие, обвешанные ружьями всадники. Барон Унгерн в чёрной бурке и белой папахе, на вороном коне, грозит кому-то плетью. «Зайдут напиться, а после них в избе тяжелый такой дух, приходилось долго двери настежь держать, проветривать или, лучше, обкуривать избу ладаном». Тянутся по забайкальской степи скрипучие обозы с беженцами, в спину им с сопков гремят орудия подступавших «товарищей»...

Первой станцией на чужой территории была Маньчжурия, заложенная при границе в начале строительства КВЖД. На исходе Гражданской войны мирную, патриархальную жизнь возникшего всего-то за двадцать лет до этого русского городка смело яростным людским потоком. Сибирские казаки, капшелевские офицеры, монголы-хорченцы, бывшие военнопленные австрийцы и чехи – все бездомные, голодные, оборванные, обозлённые поражением. Тут же тысячи и тысячи бежавших от войны и грабежей забайкальских жителей.

Дед наш Кирик Михайлович попал на китайскую территорию, в город Маньчжурия, в ноябре 1920 года. Просто перешел с немалым своим семейством у станции Мациевской на другую сторону реки Аргунь. Будущему моему отцу при этом было меньше десяти лет. Вряд ли дедушка собирался оставаться там надолго, – скорее всего, хотел как-то перезимовать, переждать, пока в Забайкалье утрясётся, перестанут стрелять друг в друга. Тогда и граница между Россией и Китаем, во всяком случае в этом месте, была довольно условной, не соблюдалась строго. На китайскую сторону жители приграничных районов ездили за покупками, к озеру Далайнор за рыбой, весной перегоняли стада на пастбища в монгольские степи. Но с утверждением в Забайкалье советской власти путь назад был заказан. Территория, прежде почти единая, окрасилась в два цвета: там – красные, здесь – белые. Между ними искрило. Вернуться – значило попасть под расстрел.

Дедушкин скот, не привыкший зимовать без сараев и корма, пал в ту зиму в монгольской степи. В живых остались две коровы и четыре коня. В Заречном посёлке наспех построили землянку, в ней своих помещалось десять человек, да ещё пустили на постой квартирантов, потому что у них имелись дрова. В тесноте и сырости все часто хворали. Но уже в 1935 году, как следует из удостоверения, выданного Бюро по делам российских эмигрантов в Маньчжу-Ди-Го (документы после войны были вывезены в СССР и хранятся сейчас в Хабаровском краевом архиве), Кирик Михайлович владел в Маньчжурии собственным домом, держал семь коров и пятнадцать лошадей, не боясь при этом прослыть кулаком, подвергнуться коллективизации и высылке. Для чего ему было держать столько лошадей? Занимался извозом, транспортировкой различных грузов, порой на большие расстояния. Кирику Михайловичу суждено было остаться в чужой земле навеки, а сыновьям и дочерям его «зимовать» в эмиграции сорок лет...

Приезжая к отцу на непродолжительные свидания, любили мы послушать его застольные рассказы. И всегда они были о том давнем, унесённом временем, теперь и подобия никакого не имеющем мире. Отец приобрел привычку всех долгожителей – питаться памятью. Он прекрасно ориентировался в именах, датах, однако образы постепенно становились малокровными, будто изнашивались от времени, окостеневали. Видно, с годами не только вещи, но и тени вещей тускнеют и выцветают.

Нельзя сказать, что отец не интересовался настоящим. Нет, он получал кое-какие газеты, рассуждал о политике, но сравнительно с прошлым всё нынешнее выходило у него скучным, мало понятным, блёклым. Душой он остался там, в Маньчжурии, на просторах степной Барги. Нашей жизнью отец мало интересовался, особенно служебными, карьерными делами, с советами никогда не лез, здоров – и ладно. Сам в гости, пока позволяли силы, наезжал ежегодно, но с невестками и с внуками общался без особенной теплоты. С детьми не умел сходитья, из-за того, наверное, что и своих в былые времена из-за непрестанной занятости мало видел. Приезжал одетым по старой харбинской моде – в длинном тёмном плаще или в кожане, под ними френч и галифе, в мягкой широкой шляпе. В пятидесятых годах такой фасон сразу выдавал репатриированных эмигрантов. В семидесятые наводил на мысли о престарелом актёре, донашивающем театральный реквизит.

К записям в тетради я потянулся, сердцем почуяв, что со смертью отец не отдаляется от меня, а, наоборот, возвращается, становится ближе, роднее. Всё больше сходства с ним стал я замечать в своих привычках, звуках голоса, в интонациях, в прищуре глаз. Вот и сквозь среднерусское обличье заметно проступили черты степняка-забайкаль-

ца. Глубоко сидит корень! Всю жизнь я мог считаться столичным жителем с вполне европейской внешностью, не бывать ни разу в тех местах праотческих, не знать их, не любить, отвергнуть – но в итоге родина, степная Даурия, земля Чингисхана, сама находит, напоминает о себе, и со смущением слышишь в своём сердце сухой шелест её ковыля, её казацкие песни, её бубен шаманский, гортанный её зов...

Отец мой умел делать, кажется, любую работу. Если взяться считать, он владел десятком-другим наиболее полезных профессий: способен был поставить дом – хоть деревянный, хоть каменный; выложить печь; завести пашню или расплодить коров и овец; своими руками выделывать кожи и нашить шапок, сапог, полушубков; бывал охотником, знал повадки диких зверей и умел лечить домашних; мог находить в степях и в лесу дорогу без карт и без компаса; владел на бытовом уровне китайским и монгольским; играл на гармонии, а в молодости и в любительском театре; несколько лет атаманствовал, т.е. занимался земской работой. Но все это, наработанное и скопленное в той жизни, враз оказалось ненужным и бесполезным в этой, в советской, где на работу «гоняли» (так и говорилось: «Тебя куда завтра погонят? А меня вчера загнали на посевную»). Здесь невозможно было никаким умением, старанием, упорством что-либо исправить, улучшить, сделать по-своему, облегчить жизнь своей семье. Переселенцы будто остались без рук, которыми ещё вчера умели столь многое. Было от чего пасть духом и занемочь. Кладбище в соседней рощице за два года сильно подросло могилами «китайцев».

Заболела мама, долго не могли её свезти в Курган, в областную больницу. Автобусного сообщения тогда и в помине не было, а машину надо было просить у совхозного начальства. Не сразу дали. В Китае тогда, конечно, медицина была платная. Но там отец продал бы хорошего коня и на эти деньги повез маму лечить в Харбин, к русским или китайским врачам. Здесь у нас своего ничего не было. Когда вырвались – в областной больнице установили у мамы рак груди. Мама умирала дома, в страшных мучениях, у нас на глазах. Мне было девять лет. После мамы опорой нам стала бабушка. Спустя полтора года умерла и она.

Из разговоров старших – и наших мужиков, и местных – я слышал, как их гонят, мучают, обманывают совхозное начальство, срезает зарплату, как много несправедливости и обид творится в селе. И вот весной, кажется, третьего года нашей там жизни, узналось, что скоро по всей стране пройдут выборы. По радио много говорили о них, разъясняли, что в назначенный день всем взрослым нужно пойти в клуб или школу и там проголосовать за самых лучших людей. Они-то потом и будут править как надо. Совхозное начальство хорошими людьми никто не называл, все их втихаря только ругали. И я втайне радовался, что теперь уж их, конечно, переизберут, кто ж станет за таких голосовать, выберут новых, хороших, а эти лишатся власти, «полетят», как говорили мужики. Но выборы прошли, а все начальники остались на месте, никто не слетел. Спросил отца, он только рассмеялся. Выбирали, оказывается, не местное начальство, а каких-то верховных депутатов, сидящих далеко, в Москве, и не имеющих никакого отношения к нашему совхозу, селу, району, да и вообще к жизни.

А вот сын директора совхоза Гена Андриянов учился в одном со мной классе. Холёный, изнеженный, он один, когда остальные одевались простецки, кто во что мог, приходил на уроки в настоящей костюмной паре с галстуком, в кожаных туфлях, был красиво пострижен, чисто умыт и спрыснут духами. Конечно, он был любим-

чиком учительницы нашей, она ставила ему только пятерки, то и дело хвалила, в общем, некрасиво заискивала. Мы это видели и всё понимали. А директорский сынок воспринимал всё это как должное, держался от нас в стороне и в классе ни с кем не дружил. После уроков за ним приезжала машина. И вот этого баловня, всей школы главного ученика, я выбрал для мщения за всех бедных и обиженных. Это была классовая ненависть, другими словами не могу назвать чувство, какое вызывал во мне этот барчук. Она вошла в душу, наверное, из советских революционных фильмов. Мальчишкой я был совсем не драчливым, мирным по сути, боевой ловкостью тоже особой не отличался. Но тут сам вызвал тезку на драку. «Пошли во двор, поговорить нужно», – сказал я ему на перемене. Не пойти он не мог – не позволяли тогдашние правила мальчишеской чести, хотя форма вызова определенно обозначала битьё. Зашли за кусты, остановились. Следовало как-то объясниться. «Ты нагло себя ведешь, – объявил я. – Если папа директор, так, думаешь, тебе всё можно?» В общем, сказал что-то подобное, безупречно моральное. И тут же ткнул ему кулаком в живот. И еще пару раз. Генка охнул и как-то неожиданно согнулся, схватившись за живот. «Что ты, что? Больно?» – я тоже нагнулся, заглядывая ему в лицо. А у него из глаз слезы. «Перестань! Ерунда! – дергал я его за рукав. – Драться не умеешь. Оботрись и пойдем». И мы вместе вернулись в класс.

Подобным образом я еще несколько раз учил барчука высоким понятиям равенства и братства. О, если бы Генка настучал на меня в школе или дома, моя участь могла быть печальной. Избиение директорского сына ссыльным «белогвардейцем» тянуло на терроризм. Но Генка оказался молодцом и никому не нажаловался. После очередной взбучки он сказал мне, улыбаясь сквозь слезы: «За что ты меня бьёшь? Ты мне нравишься, я с тобой подружиться хочу». Конечно, крепкой дружбы у нас с ним не получилось, да и не могло быть, – домой к себе он меня позвать не мог, прийти к нам в бараки тоже не смел. Но на переменках мы с ним часто выходили во двор, но уже не драться, а гулять и разговаривать о разных предметах, порой очень серьезных. Мы сошлись на том, что оба много читали, интересовались путешествиями и историей.

Когда срок нашего карантина в совхозе подошел к концу, выжившие стали разбегаться. Первыми на разведку кинулась молодежь. Совхозное начальство тянуло с документами, не давало отпусков, запугивало – но люди разлетались, как воробьи. Еще раньше за лучшей долей куда-то откочевали цыгане.

Спустя двадцать лет вновь я посетил печальное селенье – воскресить память детских лет, навестить могилы. На месте бараков увидел длинный ряд бугорков и ямок, поросших бурьяном.

Первые годы «китайцы» еще держались друг за друга, соблюдали обычаи, жениться предпочитали на своих, знали, наезжали в гости. Но уже их дети стали забывать прежнее землячество и родство, пообтерлись и стали вполне советскими. Я по отцу видел, как менялись со временем взгляды и настроения бывших эмигрантов. В семидесятых годах его как-то разыскал и навестил двоюродный брат из Австралии, бывший харбинец. «Хвалился, как они там богато живут, – рассказывал отец потом с неудовольствием. – А я его спрашиваю: кем же твои парни работают? Грузовики водят? Ну вот, а мои все трое институты окончили. Да и говорим здесь, слава богу, на своём языке».

Им уже трудно было понять друг друга. Их сняли со льдины, называвшейся Русской Маньчжурией, и развезли на разные континенты. А сама льдина растаяла...

СТРЕЛКОВАЯ СЕКЦИЯ «ДИНАМО» В КУРГАНЕ, 1960-Е ГОДЫ

*«Динамо» – это сила
в движении...»*

М. Горький

В школьные годы я с одноклассниками занимался в стрелковой секции спортивного общества «Динамо». И когда узнал, что вышла книга В. Паниковского и М. Черепанова о зауральских спортсменах, участниках Великой Отечественной войны («На земле, в небесах и на море приближали победу спортсмены Зауралья», Курган, 2025), срочно ее разыскал в областной библиотеке, надеясь найти подробности биографии Н. Д. Морозова, моего тренера по пулевой стрельбе. К сожалению, о нем помещен только маленький абзац во вступительной статье (автор – И. Суриков). Приведу его полностью: «Морозов Николай Диомидович (г. Курган) – ветеран Великой Отечественной войны, ветеран зауральского спорта. Мастер спорта СССР по пулевой стрельбе. Неоднократный чемпион Курганской области. Участник чемпионатов Россвета и ЦС ДСО «Динамо».

Вот и все. Поиски в курганских архивах новых сведений к биографии Николая Демидовича не добавили. Поэтому мой рассказ о Н. Д. Морозове и о нашей стрелковой секции будет построен только на личных воспоминаниях. Каким он запомнился? Выше среднего роста, коренастый, крепкого телосложения. Широкие плечи, прямая спина, черные волнистые волосы с проседью, зачесанные назад, приятное русское лицо. Очень добрая улыбка и заразительный смех. Ходил в неизменном черном галифе, хромовых сапогах и в двубортном пиджаке, на лацкане которого красовался значок мастера спорта.

Владимир Ильич
АГА

Краевед. Родился в Кургане 26 февраля 1951 г. Окончил Курганский машиностроительный институт. Работал на Савеловском машиностроительном заводе (г. Кимры Калининской области) инженером-наладчиком, мастером. По возвращении в Курган в 1977 г. работал на «Дормаше», Курганмашзаводе, Варгашином заводе противопожарного оборудования. После выхода на пенсию увлекся историко-краеведческими изысканиями. Первый опубликованный материал появился в 2019 г. в газете «Курган и курганцы». В настоящее время вышло более десяти статей, посвященных истории родного города.

Юные динамовцы на демонстрации 7 ноября 1967 г. (Фото из архива автора)

Стрелковая секция в те годы помещалась в двух небольших комнатах на первом этаже спортзала «Динамо» по ул. Советской, сразу направо от входа. Из первой общей комнаты был вход во вторую, маленькую каморку, «оружейку». Оружие, патроны и прочее снаряжение для стрельбы хранилось там, за обитой железом дверью под замком. Стрелковый тир находился на задах 11-й школы по ул. Куйбышева. Этой школы уже нет, на ее месте идет стройка нового здания. Естественно, и тира тоже нет. Тир на 50 метров, открытого типа, был отгорожен от школьного двора забором с колючей проволокой поверху. Само помещение для стрельбы представляло из себя утепленный домик с круглой печью внутри, с закрывающимися амбразурами в человеческий рост. Не помню, сколько их было – четыре или пять.

Так получилось, что из нашего «Б» класса 32-й школы стрельбой занимались четверо: я, Володя Романов, Витя Блинов и Валера Кетов. Школьники, занимающиеся в «Динамо», считались членами общества «Юный динамовец». Всё по-настоящему, с выдачей членского билета. Каким-то чудом сохранился мой членский билет – маленькая синяя книжечка с фотографией, печатью и наклеенными марками членских взносов за 1966, 1967 и 1968 годы (по 3 коп. за каждый квартал). Тренировались мы в стрельбе из малокалиберной спортивной винтовки (калибр 5,6 мм), малокалиберного спортивного пистолета и револьвера (калибр 7,62 мм).

Всех новичков Николай Демидович «укладывал» сначала на винтовку, учил стрелять лежа, с упором на собственную руку, на дистанции 50 метров по круглой мишени. Наблюдая за новичками, оценивая результаты стрельбы, Морозов определял, будет ли толк от человека. Хватало двух-трех месяцев, чтобы это понять. С некоторыми приходилось расставаться. Если «пошло» на винтовке, тренер начинал учить стрельбе из пистолета. И только после этих занятий определялась специализация стрелка: будет он винтовочником или пистолетчиком. Про стрельбу из винтовки я рассказывать не буду. Скажу только, что стреляли либо «лежку», либо «стандарт», т.е. лежа, с колена, стоя. Количество выстрелов зависело от выбора упражнения.

Стрельба из пистолета у меня пошла успешно. Выяснилось, что у меня «твердая» рука, т.е. рука с пистолетом не дрожит, не трясется. Я наблюдал некоторых стрелков, даже на соревнованиях, внешне вполне нормальных людей, у которых пистолет ходуном ходил. Думается, что герои боевиков, стреляющие из пистолета, уцепившись за него двумя руками, как раз из таких горе-стрелков.

*Ветераны спортивного общества «Динамо»,
в центре Н. Д. Морозов. Фото из книги Гаврилова Ю. Г.
«Под знаменем закона», Курган, 2017 г.*

Для попадания в цель достаточно держать пистолет одной рукой. В советском фильме «Отряд особого назначения», 1978 г., показано, как штурмовая группа из спортсменов летом 1942 г. выполняла задание по подрыву «катюши», затонувшей на захваченной немцами территории. Там есть эпизод, где два бойца уложили взвод гитлеровцев-автоматчиков, стреляя из пистолетов по-спортивному.

Тренировались мы в любую погоду. Мальчишки-школьники, нагруженные винтовками в чехлах, пистолетами в деревянных ящичках, зрительными трубами, треногами, специальными телогрейками, шагали в тир на тренировку, расположенный в километре от спортзала. И никто нас не охранял. Конечно, мы шли в сопровождении тренера или кого-либо из взрослых спортсменов. И все равно сейчас, когда я пишу эти строки, такое представить невозможно. Взрослые спортсмены, занятые по службе в рабочие дни, тренировались вместе с нами в выходные. Обычно многолюдно было на тренировках накануне соревнований. Кроме «чистых» стрелков у Николая Демидовича тренировались и биатлонисты.

Пулевая стрельба из огнестрельного оружия – опасный вид спорта. И безопасность зависит от строжайшей дисциплины на огневом рубеже. Нас сразу приучали все действия с оружием выполнять только по команде. По окончании серии выстрелов спортсмен докладывает старшему на линии огня: «Стрельбу закончил», вынимает обойму из пистолета, спускает курок, кладет оружие на столик и отходит назад. Упаси боже взяться за оружие, хотя бы случайно, во время смены мишеней. Сразу снимут с соревнований. Во время тренировок, когда вся смена отстреляется, следует команда: «К мишеням!» Мы идем менять мишени и считать очки, но чаще, в целях экономии мишеней, белым мелком «мелим» пробойны и затем стреляем по той же мишени дальше.

Стрельба из пистолета производилась с двух дистанций – 25 м и 50 м. Стрельба на 50 м производилась только по круглой мишени из «матчевого» пистолета с удлиненным стволом и особой рукояткой, которая обхватывала полностью кисть стрелка. В зависимости от упражнения могло быть 30 или 60 зачетных выстрелов. Стрельба на 25 м производилась как по круглым мишеням, так и по фигурным, «силуэтам», из пистолета Марголина. Этот замечательный пистолет, который до сих пор в ходу, изобрел Михаил Владимирович Марголин, будучи совершенно слепым. О нем написана книжечка «Он не был в Каракасе», автор В. Марьяновский.

У меня до сих пор, как вспомню, встает перед глазами фигура Николая Демидовича, показывающего нам «стойку» стрелка из пистолета. Прямая спина, левая рука уперта в бок, ноги на ширине плеч, тело чуть откинута назад, рука с оружием вытянута в одну линию. Бах, бах – и всё в десятку! Если из матчевого пистолета мы стреляли из домика через амбразуры, то для стрельбы на 25 м подходили ближе к мишеням и организовывался временный огневой рубеж. Всё-таки стрельба на свежем воздухе не такая шумная, как в закрытых тирах, несмотря на устройство в них шумоизоляции. При стрельбе из пистолета очень важно положение тела стрелка относительно мишени. Морозов нас учил добиваться такой стойки, чтобы при подъеме руки для выполнения выстрела пистолет естественным путем, без доворачивания, был нацелен по центру мишени. Так в процессе тренировок у каждого спортсмена вырабатывался свой, только ему присущий, стиль стрельбы.

Выше написанное очень важно при самой интересной стрельбе из пистолета – стрельбе по силуэтам. Здесь было два упражнения: стрельба по одному силуэту и стрельба по пяти силуэтам, так называемая олимпийка. При стрельбе по одному силуэту стрелки стоят на линии огня и ждут разворота силуэта с мишенью. Рука с оружием не выше 45 градусов от земли. Силуэт разворачивается на 3 сек., за это время надо прицелиться, выстрелить и при этом не попасть в соседнюю мишень. Перерыв между разворотами силуэта 7 сек. При скоростной стрельбе по пяти силуэтам стрелок один на огневом рубеже. Пистолет применяется другой конструкции, под укороченный патрон для уменьшения отдачи. Сначала надо поразить пять силуэтов за 8 сек., затем за 6 сек., и последняя серия за 4 сек. Самая веселая стрельба.

После тренировок, возвратившись в свою секцию, мы принимались чистить оружие. Пистолет Марголина, из него приходилось стрелять чаще всего, очень просто разбирался. Его можно было собрать и разобрать вслепую. Во время чистки оружия Морозов проводил «разбор полетов», обсуждалась каждая мишень, давались рекомендации, задания на дом. Для выработки силовой выносливости мы дома тренировались с гантелями. Имелись муляжи пистолетов для отработки плавного нажатия на спусковой крючок. Плавный, без дёргания спуск является важнейшим действием в производстве выстрела.

Пожалуй, самое красивое оружие, из которого мне довелось стрелять в секции, был спортивный револьвер ТОЗ-36 конструкции Хайдурова. У него, в отличие от обычного нагана, барабан был рассчитан на шесть патронов. А также револьвер имел удлиненный ствол. Обычная пробойна на мишени представляет из себя рваную дырку. На соревнованиях в стрельбе из револьвера мы пользовались «целевыми» патронами, пуля из которых формировала аккуратную пробойну с ровными краями. На такую стреляную мишень приятно было посмотреть, а судьям считать очки – одно удовольствие. Малокалиберные патроны тоже были двух типов, с латунной или стальной гильзой. На соревнованиях нам выдавали патроны с латунной гильзой, со звездочкой на торце. Такие патроны осечек не давали.

В наше время соревнования проводились часто. Как правило, их приурочивали ко Дню милиции, Дню Советской армии, Дню Победы. Соревнования проводились чаще всего в старом открытом тире ДОСААФ – он находился по проспекту Машиностроителей, через дорогу от здания заводоуправления КМЗ. Последнее соревнование, в котором мне довелось участвовать, тренируясь у Николая Демидовича, было лично-командное первенство облсовета «Динамо», посвященное Дню Победы, 10 мая 1968 года. Я настрелял на 1-й взрослый разряд в упражнении МП-4 (30 вы-

стрелов по круглой мишени на дистанции 25м). Присвоили мне спортивный разряд приказом по Курганскому облсовету «Динамо» 4 июня 1968 года и вручили значок. Значки 1-го разряда были в советское время по каждому виду спорта.

Николаю Демидовичу часто поручалась организация ведомственных соревнований по пулевой стрельбе. В качестве судей он нередко привлекал нас, своих воспитанников (мы имели звания судей 1-й категории). Я в областном архиве случайно нашел приказ от 17 февраля 1968 года, которым «на тренера облсовета «Динамо» м/с тов. Морозова Н.Д.» возлагалась организация соревнований среди милиции в зачет зимней спартакиады, посвященных 50-летию Советской армии. В составе судейской коллегии нашел и свою фамилию. Участникам и судьям выдавались талоны на питание из расчета 1 руб. 50 коп. в сутки. Для нас, пацанов, это были большие деньги.

Окончив школу в 1968 году, трое друзей – я, Романов и Блинов – закончили и занятия у Н.Д.Морозова. Мы, 17-летние, уехали учиться в другой город и расстались с нашей, ставшей родной, стрелковой секцией. Есть такое понятие: «Готов к труду и обороне». Как бы пафосно это ни звучало, но мы, учившиеся в обычной средней школе, где нам привили трудовые навыки на уроках труда, а также умеющие обращаться с оружием, метко стрелять, были готовы к труду и обороне, уверенно вступая в новую, взрослую жизнь. В дальнейшем мы профессионально стрельбой не занимались, но тяга к стрельбе из пистолета осталась у меня на долгие годы. Ощущение в руке тёплой тяжести оружия, прицеливание, выстрел, запах пороха не забываются. Где бы ни работал, никогда не отказывался от участия в соревнованиях за заводские коллективы. Конечно, результаты были скромнее, чем в стрелковой секции, но навыки, полученные от Николая Демидовича, никуда не делись.

P.S. Текст был давно написан, но чувство неудовлетворенности оставалось. Была надежда найти сведения о Морозове в областной ветеранской организации УВД. С помощью Симаковой Валентины Петровны, заместителя председателя областного совета ветеранов, 13 марта удалось посетить музей истории органов внутренних дел Курганской области. Экскурсию по музею провел радушно нас встретивший Синицын Игорь Викторович, полковник в отставке, хранитель музея. Оказалось, что в музее есть уголок, посвященный Н. Д. Морозову. Хранится его спортивная винтовка, удостоверение «Ветеран общества «Динамо», фотография на общем стенде спортсменов-динамовцев. К сожалению, документов, касающихся военных лет и годов службы в армии Николая Демидовича, не сохранилось. На прощание Игорь Викторович подарил нам несколько книг по истории курганской милиции.

ЮБИЛЕИ

**Юрий Алексеевич
ПОБРИТУХИН**

Член Союза журналистов России. Родился в 1947 г. в городе Шадринске. Профессиональную деятельность начал в 1977 г. в областной газете «Молодой ленинец» в качестве заведующего отделом информации и спорта. В конце 1980 г. по направлению коллектива редакции был принят на службу в областное УВД. Начиная с должности инспектора уголовного розыска, затем, с созданием пресс-служб в системе МВД, возглавил это подразделение. Редактировал областную газету «Информправо», являлся многолетним ведущим телепрограмм «На старт!», «Моя милиция» и радиопрограммы «Всегда на посту». С 2002 г. трудился в Курганской областной Думе советником председателя Думы, главным специалистом пресс-службы. В 2013 г. перешел на работу в городскую газету «Курган и курганцы». В 2002 г. стал лауреатом областного конкурса «Яркое перо Зауралья». В 2007 и в 2022 гг. награжден почетными грамотами Союза журналистов РФ, в 2025 г. – нагрудным знаком Союза журналистов РФ «Ветеран журналистики». С 2015 по 2017 год возглавлял Курганскую областную организацию Союза журналистов России. Составитель и редактор семи книг о депутатской деятельности, милицмейской службе, спорте.

ХРАНИТЕЛЬ ЗАПАСА СЛОВ

*80-летию журналиста и писателя
Валерия Портнягина посвящается*

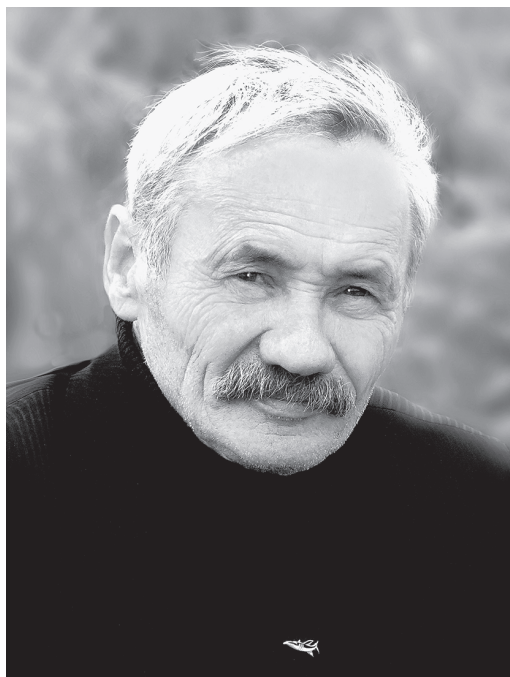
«В год от рождения начал говорить, в пять лет – читать, в пятнадцать что-то понимать и через год писать, великим смело подражая, «как бы резвяся и играя». С этого поэтического «автопортрета» нашего юбиляра хочется начать рассказ о творческом пути члена двух родственных Союзов – журналистов и писателей – Валерия Ивановича Портнягина.

Родился он на Пасху 21 апреля 1946 года в Кургане. Про таких счастливицков в народе говорят, что они, мол, находятся под покровительством Бога, их ждет счастливая судьба, они будут отличаться высоким интеллектом, карьера их сложится успешно. Забегая вперед, следует признать, что Валерий Иванович не подвел прорицателей, оправдал их доверие сполна...

ВСЕ МЫ РОДОМ ИЗ ДЕТСТВА

Семья Портнягиных жила в небольшом двухэтажном доме старой застройки на углу улиц Коли Мяготина и Кирова. На тесноту никто не жаловался – были свежи в памяти тяготы только что отгремевшей войны. Еще даже не отменили продуктовые карточки. Но жизнь постепенно налаживалась. В пять лет у Валеры проявился осознанный интерес к чтению. Все благодаря соседской девушке Ане. Она училась в старших классах и с удовольствием занималась с любознательным малышом, давая ему книги из своей скромной коллекции.

Со сказками Пушкина Валера «спал под подушкой» (уже в зрелом возрасте Портнягин скажет: «Общение с Пушкиным есть наша отечественная необходимость»). Затем появился Гайдар с «Тимуром и его командой»,

Валерий Иванович Портнягин

чуть позже – «Дети капитана Гранта», «Таинственный остров» Жюль Верна. В библиотеку маленький Валера пришел записываться самостоятельно. Строгая дама удивилась юному посетителю, но, убедившись, что мальчик умеет читать, выдала ему одну книжечку. Радостный, он побежал домой, быстро ее прочитал и часа через два возвратился просить новую. Со временем ему выдавали по 5–6 книжек. Походы в библиотеку стали регулярными – не смущали ни жара, ни холод. В сильные морозы мать закутывала Валеру в бабушкин платок, и малыш вновь спешил на встречу с Книгой.

В 16 лет, после девятого класса, Портнягин пошел работать на завод «Химмаш», осваивать профессию токаря. Решение в значительной мере было вынужденным: у Ивана Васильевича и Ирины Николаевны за это время родились

еще четыре ребенка – два сына и две дочки. Валера, как старший из детей, решил, что обязан помогать родителям. Семья Портнягиных жила материально весьма скромно. Взрослеть пришлось очень быстро. А десятый класс он окончил уже в вечерней школе. Вспоминает Валерий Иванович Портнягин:

«Я хорошо понимал надежды моих родителей и старался их оправдать. Проработал на заводе четыре года, даже марку своего станка помню хорошо – 1к62, полуавтомат. И тогда считал, и сейчас считаю, профессия токаря одна из самых творческих. Мне повезло на учителя. Моего наставника звали Петр Иванович Банников. Это был настоящий рабочий интеллигент, объяснявший все тонкости профессии без крика и понуканий.

Помню, как потратил первую получку. Почему-то хотелось поесть мандаринов вволю. Купил килограммов пять этих фруктов и наверняка килограмм съел. А ещё купил часы отцу-фронтовику, остальные деньги отдал матери».

В школе любимым предметом Валеры Портнягина была, конечно, литература, а учителем – Петр Ананьевич Осипов, который прививал ученикам умение свободно выражать свои мысли, переносить их на бумагу. Он часто давал задание на дом в виде написания сочинения на тему, которую каждый выбирал сам. После проверки работ Петр Ананьевич приходил в класс и стопкой выкладывал на стол ребячьи опусы. Причем самые хорошие, по заведенному порядку, лежали внизу. Весь урок учитель скрупулезно разбирал сочинения учеников: тех, чьи были послабее, подбадривал, а сильных – педагогично хвалил в меру. Как правило, сочинения Портнягина оказывались в самом низу заветной стопки.

Стоя за станком, Валерий понимал, что душа тянется к литературе, к книгам. Он пробовал что-то писать, так сказать, для себя. Но какой солдат не мечтает стать генералом? Первая его заметка «Чемпионы «Труда» появилась в газете «Молодой ленинец» 24 июня 1964 года. В ней рассказывалось о победе велосипедистов завода колесных тягачей имени Д. Карбышева на ответственных республиканских соревнованиях. Дебют вдохновил молодого автора. Тогда же созрело решение стать журналистом.

В. И. Портнягин и Ю. А. Побритухин

Куда поступать? Только в Москву, в МГУ, самый престижный вуз страны. В мечтах вырисовывались походы в «Современник», на «Таганку», в музеи. В своих знаниях Портнягин не сомневался. Вопрос был в другом: как прожить предположительно на стипендию в чужом большом городе при скудной родительской поддержке. На семейном совете все же решили – езжай!

И вот она – Москва! Факультет журналистики располагался в самом центре столицы. Первый экзамен – сочинение, Валерий написал его на пятерку. Настроение еще больше поднялось. Следующее испытание предстояло через три дня. И тут пришла беда, откуда не ждали: неожиданно разболелся желудок, резко поднялась температура. Товарищи по общежитию вызвали скорую, и с диагнозом «пищевое отравление» Портнягина увезли в больницу. Лечение затянулось, в результате был пропущен очередной экзамен. В приемной комиссии посочувствовали, но сказали, что «по правилам» он может поступать в МГУ только на следующий год. Таким образом, Москва не покорила молодому амбициозному курганцу, зато, как стало понятно потом, выиграла зауральская журналистика.

Вернувшись домой, Валерий решил не терять год и с московской пятеркой за сочинение без проблем поступил в Курганский пединститут на историко-филологический факультет. И ему опять повезло на учителей.

Вспоминает Валерий Иванович Портнягин:

«В институте в ту пору были замечательные преподаватели. Николай Павлович Садовой вел у нас зарубежную литературу. Юлий Михайлович Рабинович, эрудит потрясающий, тоже специалист по зарубежной и античной литературе. Раиса Петровна Сысueva – блестящий знаток истории русского языка. Дина Германовна Кульбас, блокадница, ленинградка, читала курс русской литературы XIX века. Остроумнейший Георгий Федорович Мясников вел курс старославянского языка. Виталий Иванович

Котов до войны был сотрудником музея Льва Толстого в Ясной Поляне, на войне – артиллерист, а после войны преподавал у нас теорию литературы. Павел Аполлонович Сергеев вел спецкурс по математической лингвистике и при этом был большим ценителем оперы. Юрий Михайлович Никишов – знаток русской и советской литературы, написавший монографию о курганском поэте Алексее Еранцеве. Багаж знаний моих любимых «преподов» казался безграничным. Практически от каждого из них я взял очень многое, что потом пригодилось в профессии журналиста».

Во время учебы Валерий продолжил сотрудничество с «молодежкой» – писал заметки, репортажи, в основном о студенческой жизни. В конце концов Портнягина стали давать конкретные задания уже как внештатному автору. В середине третьего курса его вызвала к себе редактор «Молодого ленинца» Маргарита Васильевна Мороз и спросила, что называется, в лоб: «Ты хочешь работать у нас?» Валерий согласился, ведь сбывалась его мечта. Правда, пришлось пойти на жертвы – перевестись на заочный факультет, хотя в деканате его долго отговаривали от «опрометчивого» шага.

СТАКАН МОЛОКА КАК «МОНЕТИЗАЦИЯ» «МОЗГОВЫХ АТАК»

Был декабрь 1968 года. Первая должность в редакции – младшего литературного сотрудника – Портнягина абсолютно не смутила. Начались трудовые будни, заполненные поиском тем и адресов для репортажа или статьи, подготовкой и сдачей в срок материалов, с летучками, горячими обсуждениями газетных номеров и отдельных статей, разборками с представителями Главлита и дежурствами «по номеру», когда поздно вечером ты держишь в руках только что отпечатанный, пахнущий типографской краской свежий номер «Молодого ленинца», в котором есть и твоя доля труда.

В газете наставниками Валерия были в первую очередь Маргарита Васильевна Мороз и Владимир Васильевич Долгих, занимавший должность ответственного секретаря. Ученик оказался способным. Его корреспонденции вскоре стали отмечать на летучках, появились первые читательские отклики. Были опубликованы и первые рассказы молодого журналиста. Руководство решило «вливать свежую кровь» в отдел культуры и учебных заведений, возглавляемый Любовью Безруковой. Выбор пал на Портнягина. Они совместно вели занятия в литобъединении «Юность», проводили под эгидой «Молодого ленинца» литературные и поэтические конкурсы.

Вскоре газете потребовалась замена, В. В. Долгих переходил на редакторскую должность в «Блокнот агитатора». Владимир Васильевич порекомендовал вместо себя Портнягина, которого отличало безукоризненное знание русского языка, широкий кругозор, уважение коллег и, уже в то время, свое видение «лица газеты». Мороз согласилась с мнением Долгих.

Валерий с увлечением стал осваивать еще одно важное направление в журналистской профессии. День пролетал незаметно. Нужно было вычитать гору запланированных материалов, какие-то сократить, в другие, наоборот, добавить еще «строк 15–20», разместить на полосе с художником Николаем Годиным фотографии, выделить требующие ретуши, пристроить на полосе неожиданно «свалившийся на голову» «тассовский материал»... Порой он чувствовал себя штурманом большого корабля, который нужно провести через штормы и подводные рифы в тихую «читательскую гавань».

Особое значение молодой ответсек придавал заголовкам. С ними, честно говоря, в газете была беда. Журналистам трудно давались заголовки к материалам с рядовых

событий, но которые, по мнению редактора, надо было «осветить». Валерий, проявляя чудеса находчивости, придумывал интересные названия к заметкам, корреспонденциям и репортажам своих товарищей. Постепенно этот процесс «монетизировался». Благодарные коллеги стали «платить» ему за заголовок стакан молока, приговаривая: «Пейте на здоровье, Валерий Иванович. Вы нам очень нужны!»

В середине 1970-х ЦК комсомола объявил Всесоюзный конкурс на лучшее оформление молодежных газет. Редактор Маргарита Мороз поинтересовалась: «Потянем, Валера?» Ответ был, конечно, утвердительным. Предстояло, говоря современным языком, сделать редизайн газеты, то есть поменять логотип, графическую модель издания, не «выплеснув» в творческом порыве и «ребенка» – идеологию, внутренний стержень газеты. Уроки В. В. Долгих не прошли даром. В «Молодом ленинце» изменения коснулись заголовочного комплекса, шрифтов, линеек, подачи материалов и многого другого. Весь процесс, по мере продвижения, обсуждался с членами редколлегии. В новой «одежде» газета выглядела весьма привлекательной, «вкусной» по определению самого Портнягина. Оставалось ждать: как оценят в Москве усилия провинциального дизайнера. Оказалось, очень высоко. Две газеты – «Молодой ленинец» (Курганская область) и «Ленинские искры» (Ленинград) – разделили первое место в престижном конкурсе, и в качестве приза обе редакции получили по мотоциклу «Урал» с коляской. В зауральском «Ленинце» судьбу приза решила Мороз, огласив журналистам свой вердикт: «Фотокор у нас один, а вас – много». Володе Устюжанину трехколесный помощник очень помог оперативно пополнять редакционный портфель свежими фотоснимками.

В 1977 году страна готовилась отметить 60-летие советской власти. В газете «Советское Зауралье» в честь такого события планировали подготовить сдвоенный номер. В секретариате макет шел туго, а сроки уже поджимали. Решили на крайние меры – пойти на поклон к «младоленинцу» Портнягину. Валерий согласился помочь, но попросил замолвить за него слово для перевода в партийную газету. Через пару вечеров праздничный макет был готов, «Советское Зауралье» спасено, а Валерий получил должность корреспондента в отделе информации и спорта главной газеты области.

СТУПЕНИ ВЗРОСЛЕНИЯ

К тому времени в «Советское Зауралье» перебрались многие из «младоленинцев»: Валерий Паниковский, Юрий Асташин, Любовь Безрукова, чуть позднее – Татьяна Менщикова и Павел Овсянников. Так что адаптация в коллективе прошла безболезненно. Вскоре Портнягина «перекинули» на целевую полосу «Курган и курганцы», освещавшую еженедельно жизнь областного центра. Валерий к заданию отнесся творчески. Создал новый макет страницы, наполнил ее интересными материалами разных жанров. Обязательно присутствовали живые репортажи с мест, где проходили важные городские события, актуальные интервью или беседы, проблемные статьи, подборки новостей спорта и культуры. Жители города с нетерпением ждали очередного выхода «своей» страницы в газете «Советское Зауралье». Об этом они писали в редакцию, благодарили автора, подсказывали новые идеи для творчества.

Очень не хотелось Портнягину расставаться с городской темой, но руководство «Советского Зауралье» решило использовать его талант на ниве культуры, предложив возглавить отдел с одноименным названием. Валерий оперативно наладил рабочие связи с местными писателями, художниками, поэтами, артистами, музейными работниками. Со многими сдружился, стал «своим», которому можно поведать нечто большее, чем

просто человеку из газеты. Благодаря этому литературные портреты-эссе о людях искусства получались у Портнягина по-домашнему доверительными, в то же время фактурными, живыми, богатыми на неизвестные факты и повороты судьбы собеседника.

Позднее многие очерки, эссе, интервью Валерий Портнягин включил в книгу «Провинциальный летописец и другие», вышедшую в свет в 2011 году. Именно по результатам этого труда Валерий Иванович был принят в ряды Союза писателей России. «Просто повезло в пути на собеседников», – явно лукавя, сообщал Портнягин. Повезло-то повезло, но не только журналисту, а главным образом читателям, которые благодаря таланту Валерия Ивановича познакомились с удивительными людьми, чьи судьбы тесно переплелись с судьбой нашего Зауралья и всей страны.

И еще два слова о ярлыке «провинциальный», который приклеил на себя Валерий Портнягин. Простим ему данный факт, ведь он попытался за иронией скрыть судьбу литератора, свободного в своем творчестве, в том числе и от территориального фактора. Он абсолютно на равных ведет разговор с писателями Антоном Васильевым и Виктором Потаниным, актрисами театра и кино Ниной Усатовой и Екатериной Васильевой, художниками Германом Травниковым и Владимиром Чалым, историками Валерием Пундани и Степаном Шиловым. Его рассуждения о творческих путях Владимира Маяковского, Андрея Платонова, Андрея Тарковского, Василия Шукшина, Юрия Казакова и других сквозят любовью к этим людям. Он помогает читателям окунуться в ту эпоху, в которой жили и делали историю эти герои.

Вот еще один пример портнягинской «провинциальности». Вспоминает Валерий Иванович Портнягин:

«Расскажу о памятной встрече с замечательным русским писателем Андреем Битовым, который, к сожалению, ушел из жизни. Очень серьезный писатель, автор филологического романа «Пушкинский дом» и других повестей и рассказов. Волею судеб мы оказались в одном купе в поезде Москва–Питер. Я решил не упускать такой случай и стал проситься на интервью. Меня Битов, конечно, не знал: мало ли журналистов в стране? Начал отнекиваться, ссылаясь на усталость, на позднее время, нежелание тревожить соседей. Я расстроился, пошел покурить в тамбур (тогда РЖД относилась к таким слабостям пассажиров ещё терпимо). Через 15 минут туда приходит Битов с пачкой сигарет и говорит: «Давай включай свою машинку» (в смысле диктофон). Беседа потекла своим чередом. Спустя какое-то время Андрей Георгиевич достал из внутреннего кармана фляжку с горячительным напитком, видимо проникнувшись доверием к «свалившемуся на голову» собеседнику. Мы делали по глоточку и продолжали говорить и говорить о литературе, о чистоте русского языка, о писательской доле, о современных поэтах, о музыке, о жизни вообще. Все хотелось его спросить: «За что вы ударили поэта Вознесенского?» – но не решился. Довлатовскую байку об этой истории я знал. Так за разговорами и простояли в тамбуре до утра».

ВСТРЕЧА, КОТОРАЯ НЕ СОСТОЯЛАСЬ

Хочется, не соблюдая хронологии, вернуться в 70-е годы прошлого столетия, когда в нашей стране «вдруг» (некоторые утверждают, что после «оттепели» 60-х) появилось приличное количество поэтов новой волны – «сынов своего времени» по Белинскому: Роберт Рождественский, Белла Ахмадулина, Андрей Вознесенский, Евгений Евтушенко, Ярослав Смеляков, Юрий Кузнецов и другие, кто стремительно завоевывал сердца молодежи.

Поэты смело экспериментировали с мелодикой и рифмовкой стиха, удивляли смелыми метафорами, чем вызывали восторг у почитателей поэзии. Много гастролировали по стране. Всем курганцам запомнилось выступление Евгения Евтушенко в 1997 году в кинотеатре «Звездный» в рамках турне по Сибири. Зал был полон, зрители с восторгом, громом аплодисментов сопровождали каждое стихотворение поэта. Был на этом творческом вечере и Валерий Портнягин.

А вот выступление в Кургане Андрея Вознесенского так и не состоялось, хотя, казалось бы, кому, как не ему, представить свое незаурядное поэтическое творчество курганцам, которые в годы войны приютили его, совсем мальчишку, с семьей, обогрели и накормили. Все время эвакуации он учился в 30-й курганской школе.

Валерий Иванович и сегодня с горечью вспоминает о закулисных делах секретаря по идеологии обкома партии Павла Алексеевича Матвеева с целью препятствовать данному визиту в наш город. А Валерию, вместе со студийцами «Юности», так хотелось живую увидеть и послушать поэта, задать вопросы, если повезет – взять автограф.

Спустя много лет, уже очень больной, персональный пенсионер Матвеев зачастил с визитами в редакцию «Курган и курганцы», которую возглавлял Портнягин. «По статусу» Павел Алексеевич общался исключительно с редактором. Показывал свои рифмованные строчки, настойчиво просил записать его воспоминания, звал в гости. Валерий Иванович однажды не выдержал напора ветерана и принял приглашение. Квартира бывшего партийного функционера была обширной. В кабинете, вдоль стен, располагались стеллажи, плотно заставленные книгами. Валерий Иванович, конечно забыв про чай, принялся изучать литературные вкусы гостеприимного хозяина. Его удивлению не было предела, когда он обнаружил подборку книг со стихами Андрея Вознесенского.

– Что же Вы, Павел Алексеевич, сами Вознесенского читаете, а нам встретиться с ним в то время не позволили? – с укором спросил Портнягин.

– Согласен, Валера, запрещал, – ответил Матвеев. – Прости старика, мы же солдаты партии, а партия рекомендовала таких «глашатаев» советского строя не афишировать.

Кстати, Андрей Вознесенский не был членом партии, что и возмутило Н. С. Хрущева при известной встрече руководства страны с творческой интеллигенцией в Кремле 7 марта 1963 года.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ У ТЕХ, КТО УМЕЕТ МЕЧТАТЬ

Начало 1991 года в стране проходило под знаком «перестройки». На демократической волне в Кургане была создана городская газета «Курган и курганцы», учредителем которой стал городской Совет народных депутатов, то есть по факту газета была лишена партийного влияния. На короткое время главным редактором стал Станислав Потов, приехавший в Курган из Молдавии, а затем, из-за плохого здоровья, передал бразды правления своему заместителю Валерию Портнягину.

В 45 лет у Валерия Ивановича начался новый, и наверняка главный, этап в жизни. Он понимал, что появилась возможность реализовать свой богатый профессиональный опыт, свои мечты, воплотив их в новой газете. Было понимание и большой ответственности, которую он брал на себя. А ответственности Портнягин никогда не боялся. Упустить такой шанс он не имел права.

Для газеты под руководством Портнягина не было «закрытых» тем, более того, по социально важным проблемам предоставлялось слово оппонентам с различной

точной зрения. Появились рубрики «За и против», «Слово учредителю», «У камелька поговорим», авторские колонки ведущих журналистов, целевые тематические полосы. Одним словом, жизнь города показывалась во всем ее многообразии, без приукрашивания, но и без очернительства.

Аппетиты росли: сначала газета выходила один раз в неделю, потом – два, потом и три. Расходы увеличились. Тогда родилась идея создать при «Кике» коммерческую газету. В «мозговую кучку» входили помимо Портнягина ответсек Юрий Асташин, заведующая отделом Ольга Серебрякова и дизайнер Юрий Прожога. Назвали новое детище «Нужные вести», которое очень помогло редакционному коллективу быть устойчивым в финансовом плане.

Позднее, когда Валерий Иванович перешел на работу в администрацию города в качестве пресс-секретаря главы Кургана А. Ф. Ельчанинова, его последователи создали еще ряд приложений к большой газете. Жители Кургана полюбили «Кик», стали чувствовать свою сопричастность ко всему происходящему в городе. Они с нетерпением ждали, когда выйдет следующий номер издания. Совокупный тираж газеты (вместе с «дочками») достигал в лучшие годы порядка 40 тысяч экземпляров, намного опередив областную газету «Советское Зауралье» (впоследствии «Новый мир»).

Вспоминает Валерий Иванович Портнягин:

«Я старый газетчик и могу говорить о газетах, о литературе часами. Я работал во всех периодических изданиях Кургана, кроме коммерческих, и знаю, что такое «делать газету». Мой профессиональный опыт позволяет утверждать, что успех любого издания во многом, на 95 процентов, зависит от таланта и способности журналистов, взявшихся за непростое и ответственное дело.

Газета – это командная работа. В «Кике», на первых порах, творческих единиц было две – музыкант, журналист Дима Быков и ваш покорный слуга. Чуть позже из «Советского Зауралья», вняв моим просьбам, пришли Юрий Асташин, Вера Мусина, Светлана Хорошаева. Третью волну составили Людмила Иванова, Михаил Ромасенко, Юрий Тюрин, Ольга Серебрякова. Украшением газеты стало и сотрудничество с писателем Вячеславом Веселовым, краеведом Борисом Карсоновым, фотохудожником Виктором Бухровым. Это были люди творчески одаренные, делавшие свою работу весело, с огоньком, готовые реализовывать редакционные задумки, порой даже авантюрные. Если говорить объективно – это были мои лучшие годы».

Работа в мэрии Кургана обогатила жизненный багаж Валерия Ивановича, но в двухтысячном году Портнягин воспользовался приглашением директора издательства «Зауралье» Геннадия Грановского, стал редактировать одноименную газету, вновь вернувшись в «живую» журналистику. За короткий срок «Зауралье» стало одним из ведущих изданий Курганской области.

В 2004 году издательство «Новый мир» искало редактора для литературного альманаха «Тобол». Взор пал на Портнягина, который к тому времени уже закончил сотрудничество с газетой «Зауралье». Валерий Иванович с удовольствием взялся за относительно новую для себя работу. Весь процесс подготовки материалов к печати, взаимодействие с авторами и работниками типографий, поиск новых тем и героев Портнягин хорошо знал. Многие зауральские писатели и поэты получили доступную трибуну для показа своих творческих исканий.

В 2011 году Портнягин возвращается в газету «Курган и курганцы», чтобы помочь молодому редактору Олегу Дубровскому поддержать традиции издания, заложенные десять лет назад самим Валерием Ивановичем. В мае 2015 года, к большому сожалению

нию, жизнь талантливого журналиста и редактора О. А. Дубровского оборвалась на 51-м году жизни. Редакторскому знамени «Кика» не дал упасть Валерий Иванович Портнягин. В последующие годы он стал наставником для еще одного начинающего редактора – Жанны Чумаковой. После 2018 года в трудовой книжке Валерия Ивановича записей не было.

ЭПИЛОГ НА ДЕСЕРТ ТЕРПЕЛИВОМУ ЧИТАТЕЛЮ

Позади пять десятилетий, отданных бескорыстному служению журналистике, писательскому труду. Валерия Ивановича по праву называют зауральским «хранителем запаса слов». Помимо упомянутой уже книги «Провинциальный летописец и другие» вышли в свет следующие издания за авторством В. И. Портнягина: «Словарный запас» (2016), «Сомнения» (2021). А еще раньше – «Кумпарсита» (1993), «Ветер времён» (в коллективе авторов, 2003), «Леонид Куликов» (составление, предисловие, 2005), «Газета, люди, жизнь» (2007), «Вячеслав Веселов. Быстротекущая жизнь» (составление, предисловие, 2007), «Край частых озер» (2014). Кто-то скажет, что библиография-то не очень велика. На что Валерий Иванович уже ответил в одном из своих стихотворений с присущим ему юмором: «Тяжки духовные затраты – вот только книжек маловато! Скажу, друзья, вам по секрету: все силы съедены газетой».

О своих журналистских и писательских наградах Валерий Иванович не любит особо распространяться: «Кое-чем отмечен», – говорит он. Еще во время работы в «Советском Зауралье» Портнягин получил диплом победителя всероссийского конкурса за публикацию о национальных проблемах. В год трехсотлетия российской журналистики Союзом журналистов России был награжден почетным знаком «За заслуги перед журналистикой». Валерий Иванович неоднократно признавался лучшим журналистом Курганской области (премия имени Ю. В. Хлямова), УрФО (знаком «Акула пера»), различных творческих конкурсов. У него есть медаль имени Михаила Шолохова, которую ему вручили по совокупности литературной деятельности. Из последних наград – грант губернатора Курганской области имени В. Ф. Потанина в сфере литературы (2024) и почетный знак «Ветеран журналистики» (2026) от Союза журналистов России.

Валерий Иванович Портнягин по мере сил старается не выпадать из литературной жизни Зауралья. С доброй улыбкой он вспоминает, как молодые журналисты привлекли его несколько лет назад к работе над телевизионным проектом для сайта Курганского Союза журналистов, что в конечном итоге вылилось в цикл передач длиной в два года под названием «Литературная среда с Валерием Портнягиным». Каждый выход в эфир собирал от 300 до 500 откликов благодарных зрителей. А рассказывал он о писателях и поэтах прошлого и настоящего, о книжках, которые прочитал когда-то, делился размышлениями о значении русской литературы...

Портнягин является членом правления местного отделения Союза писателей (отвечает за связь с общественностью и СМИ), входит в Большое жюри Курганского Союза журналистов, в родной газете «Курган и курганцы» он член редколлегии, как и в литературно-публицистическом журнале «Тобол». К его слову прислушиваются. В стихотворении «Письмо в Санкт-Петербург» Валерий Иванович доверительно обращается к сыну, а фактически ко всем молодым литераторам, словно завещает, как нужно ответственно относиться к делу, которому служишь: «Слово моё не было водицей, никогда я не валял его в грязи...»

НОВЫЕ КНИГИ И ЖУРНАЛЫ

Виктор Потанин. Однажды зимой.
Повести и рассказы.
Курган: ООО «Типография Дамми»,
2026 г., 192 с.

Из предисловия автора:

«Эта книга адресована юному читателю, и потому я очень волнуюсь, ведь писать для детей еще труднее и ответственней, чем для взрослых, потому что именно в детстве закладывается характер человека, его вера в добро и справедливость.

Многие главы рассказывают о военной поре и трудных послевоенных годах. Но наступили новые времена, и вот сегодня смотрю я на мальчиков и девочек, нарядно одетых, с телефонами в руках, смеющихся, счастливых, и вспоминаю свое детство и детство своих сверстников... У нас все было другим».

Виталий Нохрин.
Записки контрактника. Чечня.
Курган:
ООО «Типография Дамми»,
2026 г., 174 с.

Автор книги был в числе тех, кто с оружием в руках отстаивал суверенитет России в войне на Северном Кавказе. Эти трагические события не могли не оставить след в творческой душе. Потому строки его очерков пронзительны и правдивы. Они – голос тех, кто в «лихие девяностые» встал на защиту интересов народа. Именно это придает книге очевидную ценность – как историческую, так и литературную.

Последняя битва Советского Союза.
Курган: ООО «Типография Дамми»,
2026 г., 212 с.

В сборник вошли рассказы, статьи, эссе и стихи семидесяти двух авторов, посвятивших свои произведения памяти героев – ликвидаторов последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Многие из них отдали свои жизни, и все пожертвовали здоровьем ради спасения миллионов людей от радиационной катастрофы.

Журнал-сборник «Родник»
Кетовского литературного объединения «Тобол».
Выпуск №23.
Курган: ООО «Типография Дамми», 2026 г., 196 с.

Четвертый номер ежеквартального литературно-развлекательного журнала для детей от 6 до 12 лет «Югоша».
Издатель: КОУНБ им. А. К. Югова.

Тема номера «Животный мир».

Основные рубрики:

Самые солнечные стихи о лете;

Добрые сказки и рассказы;

Кроссворды, головоломки, загадки, раскраски, ребусы о животных;

Выкройка «Шадринский гусь»;

Познавательные статьи («Где живут драконы?») и многое другое.

СОДЕРЖАНИЕ

СЛОВО РЕДАКТОРА

Ольга БАБУШКИНА.....	3
----------------------	---

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Анатолий АТЮГАНОВ. В дороге. Стихи.....	4
Алексей ШИХАЛЕВ. Воскрес! Стихи.....	8
Кристина ДЕНИСЕНКО. Скажи, вода. Стихи.....	11
Анастасия МЕНЬЩИКОВА. Любовь. Стихи.....	14
Виктор ПОТАНИН. В гостях у поэта. Ах, метель, метель... Рассказы.....	16
Виктор ЛИХОНОСОВ. Суровая справедливость. Очерк (Вступит. статья В. Потанина).....	30
Георгий ЕФИМОВ. Премьера. Катастрофа. Ласточка. Рассказы.....	34
Татьяна КОРОСТЕЛЕВА. Тетя Соня. Неожиданное признание. Рассказы.....	42
Анатолий АРЕСТОВ. Упоение. Стихи.....	46
Маргарита ГРАФОВА. Ангара. Стихи.....	48
Сергей ШИЛКИН. Уход поэта. Стихи.....	50
Виктор ХАТЕНОВСКИЙ. Без любви быт груб для отщепенца... Стихи.....	53
Сергей КОКОРИН. Мужское коварство. Пенелопа летит в Стамбул. Немец и Боберман. Рассказы.....	55
Владимир ФИЛИМОНОВ. Непрощенные. Сны. Рассказы.....	62
Марьям ИСАКОВА. Выбор солдата. Интернациональная улица. Рассказы.....	72
Сергей ЛЕОНЧУК. Федор. Под снос. Главная дорога жизни. Рассказы.....	83
Сергей ПЕРУНОВ. Шадринская легенда. Стихи.....	91
Юрий ВАЛЬТЕР. К вопросу о происхождении видов. Стихи.....	92
Лариса КРЕЧЕТОВА. Сентябрь. Стихи.....	94
Екатерина ГРУШИХИНА. Жанна да Марк. Потерянная линза. Звонок на небо. Час пик, или Случай в поезде. Рассказы.....	96

Сергей ОЛЬКОВ. Слезы литературы. Жертва светлого будущего. Рассказы.....	111
Александр РАЛОТ. Старый мельник. Бабка Череватова. Девичья фамилия. Рассказы.....	120
К 40-ЛЕТИЮ КАТАСТРОФЫ НА ЧЕРНОБЫЛЬСКОЙ АЭС	
Елена КАЗЫМОВА. Мы носим их как ордена.....	131
ИСКУССТВО	
Ольга ЛУЦКО. Хлебная история, воплощенная в акварели.....	139
ИСТОРИЯ И КРАЕВЕДЕНИЕ	
Светлана КУЛАКОВА. Судьбы сплетенье. Об уникальности творческой судьбы и роли В. Ф. Илюшина в становлении изобразительного искусства в Кургане.....	151
Николай ТОЛСТЫХ. Избачи и воины.....	161
Олег ЯСНОВ. Вдохновленные памятью.....	166
ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА	
Надежда ЕФРЕМОВА. Золотая рыбка Александра Рухлова.....	170
Дмитрий АНИКИН. Пастернак. Нэбожитель.....	175
ЭССЕ	
Валерий ПОРТНЯГИН. Итальянская история «Доктора Живаго», или Bello ciao по-кургански.....	181
ФОЛЬКЛОР	
Нина УКРАИНЦЕВА. Использование средств выражения комизма в культуре казачьего сословия Южного Зауралья.....	188
МЕМУАРЫ	
Геннадий ЛИТВИНЦЕВ. Китайский доброволец, или Жизнь после шумихи.....	195
Владимир АГА. Стрелковая секция «Динамо» в Кургане, 1960-е годы.....	203
ЮБИЛЕИ	
Юрий ПОБРИТУХИН. Хранитель запаса слов. К 80-летию В. И. Портнягина.....	208
НОВЫЕ КНИГИ И ЖУРНАЛЫ	217